

Н.П.МАТВЕЕВА

Саргатская культура на среднем Тоболе

«НАУКА»
НОВОСИБИРСК

Рецензенты

доктор исторических наук В. А. Могильников
кандидат исторических наук В. А. Зах

Утверждено к печати

Институтом проблем освоения Севера СО РАН

Матвеева Н. П.

М33 Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: ВО „Наука“. Сибирская издательская фирма, 1993. – 175 с.
ISBN 5-02-030267-8.

В монографии рассматриваются историко-культурные процессы в лесостепном Приоболье в раннем железном веке. Анализируются памятники саргатской культуры, оставленные многочисленным и высокоразвитым населением, занимавшим некогда юг Западной Сибири. Исследуются особенности развития древних племен Среднего Приоболья во второй половине I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э., освещаются вопросы хронологии, культурных связей с населением Урала, Казахстана, Южной Сибири, Средней Азии. Автор реконструирует основные черты быта, хозяйства и погребального обряда, характеризует социальную структуру древнего общества. Публикуется большое количество новых археологических материалов, широко используются методы естественных и точных наук.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, краеведов.

М 0504000000-133 103-93 II полугодие
042(02)-93

ББК 63.4

ISBN 5-02-030267-8

© Н. П. Матвеева, 1993
© Российская Академия наук, 1993

Западно-сибирская лесостепь до наших дней сохранила тысячи городищ, селищ и курганов, оставленных неизвестными народами. Большинство древних крепостей и курганных могильников на этой территории было создано носителями саргатской культуры. Эти памятники, принадлежавшие особой культурной общности, впервые отмечены в 20-х гг. П. А. Дмитриевым [1928] и В. П. Левашовой [1928]. Позднее эти археологические объекты по курганам близ д. Саргатки в Омской области В. А. Могильниковым были названы саргатскими, определены также ареал, хронология и основные черты культуры [1967, 1970, 1972б]. Но раскопки саргатских могильников начались значительно раньше – во второй половине XVII – начале XVIII в., в эпоху массового „бугрования” в Сибири. Как писал Ф. И. Страленберг, „начальники городов Тары, Томска... Исетска и других мест отправляли вольные отряды... из местных жителей для разведки... могил и заключали с ними такое условие, что они должны были отдавать определенную либо десятую часть найденного ими золота, серебра, меди, камней и пр.” (Цит. по [Радлов, 1891, прил., С. 32–34]). Находки „бугровщиков” начала XVIII в. составили уникальную Коллекцию Петра I. Именно поступившие к царю сведения о богатстве сибирских курганов вызвали появление указа о покупке в государственную казну древних золотых и серебряных вещей, пересылке их в Кунсткамеру.

Научное изучение саргатских древностей началось в 60-е гг. XX в. благодаря усилиям В. Е. Стоянова, В. Ф. Генинга и М. Г. Мошковой, исследовавшим и опубликовавшим материалы опорных памятников этой культуры. Существующими сегодня представлениями о хронологии и периодизации саргатских древностей, погребальном обряде, экономике, культурных связях и этническом облике лесостепных племен мы во многом обязаны работам В. А. Могильникова [1972а, 1972б, 1976, 1978, 1983 и др.] и Л. Н. Коряковой [1977, 1981, 1982, 1984, 1988 и др.]. Монографическое исследование саргатских памятников Барабы опубликовано Н. В. Полосьмак [1987]. Много интересных могильников и поселений раскопано Г. Б. Здановичем, А. В. Матвеевым, В. И. Матющенко, Л. И. Погодиным, Т. М. Потемкиной, Ф. Я. Труфановым, М. К. Хабдулиной и другими.

В результате более чем 30-летних усилий целого коллектива исследователей выявлено, что саргатское население занимало почти всю западно-сибирскую лесостепь, проникая на западе в Северо-Восточную Башкирию, на юге – до Алтая, на севере – до широты Тобольска. Созданная им культура существовала не менее тысячелетия: с VI–V вв. до н. э. до IV–V вв. н. э., и прошла в своем развитии несколько этапов. Возможно, саргатские племена имеют еще более древнюю историю, так как происхождение их пока неясно.

Давно ведущаяся по этому поводу дискуссия породила несколько точек зрения, которые сближает тезис о том, что корни саргатской культуры следует искать в памятниках местной поздней бронзы. Так, В. А. Могильников считал предками саргатцев „племена андроновской культуры Северо-Восточного Казахстана и южной половины Омской области” [1970, с. 181]. Позднее он конкретизировал свои представления, называя в качестве основы носителей ирменской, сузгунской и саргаринской культур [1991, с. 9]. В. Ф. Генинг и его соавторы подразумевали под субстратными компонентами сложения саргатской общности большежские, еловские и старомасляньские (красноозерские) группы [Генинг и др., 1970, с. 214–215], В. И. Молодин и С. В. Колонцов – межсвцев и замараевцев [1984, с. 84], А. В. Матвеев – ирменцев [1985, с. 19], Н. В. Полосьмак – ирменцев и ранних кочевников Северного Казахстана [1982, с. 107], А. Я. Труфанов – ирменцев и сузгунцев [1986]. Оригинальна концепция Л. Н. Коряковой, согласно которой распад общностей эпохи бронзы дал начало новым образованиям переходного типа (носиловский, байтовский, воробьевский), сnivelированным в IV в. до н. э. „торжеством саргатских стереотипов” [1991, с. 6]. К ней сейчас склоняются Н. В. Полосьмак, А. Я. Труфанов и Л. И. Погодин: они допускают, что формирование саргатской культуры могло идти одновременно на всей территории на основе разных компонентов, обусловивших локальное своеобразие [Полосьмак, 1987, с. 100; Корякова, Погодин, Труфанов, 1987, с. 44].

Хронология и периодизация саргатских древностей ввиду общности многих типов инвентаря оказались „привязанными” к савромато-сарматским. Однако для убедительности требуется изучить движители внутреннего развития, сделать содержательную интерпретацию выделенных этапов либо аргументированно трактовать саргатскую общность как периферию скифо-сибирского мира, подчиненную его истории.

Много вопросов вызывают взаимоотношения саргатцев с окружающим миром. По мнению большинства исследователей, саргатцы поддерживали тесные связи с северными и западными соседями [Могильников, 1971, 1986; Матвеева, 1987б], племенами сакского круга и сарматами [Мошинская, 1968; Мошкова, Генинг, 1972; Стоянов, 1970; Могильников, 1982; Корякова, 1977], вступая с ними в торговые отношения и браки, и даже включили в свою среду ираноязычных кочевников [Могильников, 1981, с. 100; Корякова, с. 88, 159; Матвеева, 1991в, с. 20]. Не ясны направления весьма активной торговли носителей саргатской культуры с античными государствами Средней Азии. Были ли это Хорезм, Чач, Кангюй или еще не известные нам земледельческие центры Южного Казахстана? В саргатских памятниках, особенно первых веков нашей эры, заметно влияние хунну (см. [Матвеев, Матвеева, 1988]). После сткытия гуннского погребения и расовому типу погребения в Барабе актуализировался поставленный В. И. Молодиным вопрос об интенсивности и этногенетическом значении этих связей для лесостепных племен (см. [Молодин, Чикишева, 1990]).

В последнее время немало достигнуто в изучении хозяйства саргатских племен (см. [Могильников, 1976; Полосьмак, Гребнев, 1986]), весомы результаты анализа больших поселенческих комплексов (см. [Корякова, Сергеев, 1986, 1989; Матвеева, 1987б]). Вместе с тем ведутся дискуссии о тенденциях развития экономики, роли и характере кочевания, наличии земледелия. Не изучены металлургия, домашние промыслы и ремесла.

Долгое время весь спектр этнических интерпретаций саргатской культуры объединяли четыре основные гипотезы: угорская, (прамадьярская) (см. [Бирюков, 1927; Чернецов, 1953; Мошинская, 1968; Сальников, 1966; Соколова, 1975; Халикова, 1976б; Могильников, 1972б]), иранская (см. [Дмитриев, 1928]), угорско-иранская (см. [Смирнов, 1964]) и самодий-

ская (см. [Васильев, 1979]). В последние годы наметился переход от господствовавшей в 20–70-е гг. промадьярской к представлению о полиэтничности саргатской общности (см. [Могильников, 1983; Корякова, 1988]). Видимо, ввиду недостатка лингвистических, палесантропологических данных и материалов по раннему средневековью лесостепной зоны проблема этнической принадлежности носителей саргатской культуры еще долго будет находиться на гипотетическом уровне.

Большие трудности вызывает изучение общественных и семейных отношений, религии, искусства, духовной культуры племен раннего железного века. Эти проблемы почти не разработаны.

Анализ всего массива источников по саргатской культуре позволил выявить локальные различия отдельных районов ее распространения (см. [Корякова, 1977]) и приступить к изучению скрывающихся за ними этнокультурных явлений (см. [Полосьмак, 1987; Матвеева, 1987б; Погодин, 1988]). Эту тему мы и хотим продолжить в данном исследовании, рассматривая историю развития саргатской культуры в Среднем Приоболье.

Среднее Приоболье охватывает значительную часть бассейна р. Тобол, находящуюся между его левыми притоками – Исетью на севере и Уем на юге. Протяженность этого района с севера на юг и с запада на восток около 300 км. Зона включает южные районы Тюменской и Курганскую область. В природном отношении исследуемый район представляет собой равнинную лесостепь с континентальным бореального типа климатом, характеризующимся сильной изменчивостью и непостоянством по годам [Природные условия..., 1977, с. 40]. По археологическим данным М. Ф. Косарев убедительно реконструирует в Западной Сибири две волны увлажнения: около VIII–VII вв. до н. э. и в последние века до нашей эры [1984, с. 42]; они выразились в изменении топографии памятников и мощных миграциях северных лесных племен на юг. Но в целом, в отличие от предыдущей эпохи – бронзового века – климат и ландшафты, животный мир и растительность были весьма близки к современным (см. [Архипов и др., 1970; Зубаков, 1972; Шнитников, 1957]) и отличались лишь несколько большей влажностью.

Предметом нашего внимания является развитие на территории Среднего Приоболья саргатской культуры с V в. до н. э. до III–IV вв. н. э., почти вся эпоха раннего железного века, за исключением ее начальной фазы, когда здесь складывалась иная автохтонная, досаргатская, культура.

Источниками для изучения раннего железного века Среднего Приоболья послужили материалы поселений и могильников, накопленные в результате почти полувекового полевого исследования, проводившегося Н. Н. Бортвиным, В. Ф. Генингом, А. В. Матвеевым, В. А. Могильниковым, Т. М. Потемкиной, К. В. Сальниковым, В. Е. Стояновым и автором, хранящиеся в фондах Государственного Эрмитажа, Института проблем освоения Севера СО РАН, Курганского, Тюменского областных краеведческих музеев, учебного археологического музея Тюменского университета, кабинета археологии Уральского университета. Всего учтено около 100 памятников, из них 35 изучены в ходе раскопок. Треть этих представительных источников получена автором и публикуется в данной книге.

*
*   *

Автор благодарит за помощь в полевых исследованиях своих коллег М. А. Буслову, И. А. Буслова, Е. М. Зах, И. Ю. Чикуну, В. В. Горелова и особенно А. В. Матвеева, участвовавшего в совместных раскопках мно-

гих памятников и предоставившего свои неопубликованные материалы, а также выражает признательность Г. Г. Кутузовой, Т. В. Сарапуловой, Л. Х. Котловой, Н. Г. Лапиной и всем студентам Тюменского университета, принимавшим участие в экспедициях.

В монографии использованы результаты спектральных анализов находок из стекла и бронзы, проведенных В. А. Галибиным, результаты металлографического исследования, выполненного Н. М. Зиняковым, данные радиоуглеродного анализа, полученные Ю. Н. Марковым, антропологические исследования В. А. Дремова, остеологические – П. А. Косинцева. Всем им автор приносит искреннюю благодарность

За советы и ценные замечания при подготовке данной работы автор приносит глубокую благодарность члену-корреспонденту РАН В. И. Молодину и профессору Т. Н. Троицкой.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ САРГАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИТОБОЛЬСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

САРГАТСКИЕ МОГИЛЬНИКИ НА СРЕДНЕМ ТОБОЛЕ

В Среднем Притоболье известно около 90 археологических памятников саргатской культуры: поселений, городищ, могильников, местонахождений и мест случайных находок (рис. 1). Распределяются они неравномерно. В северной части лесостепи, на юге Тюменской области и в Белозерском районе Курганской области их больше, в южной части лесостепного района – меньше, что объясняется ее более слабой изученностью. На западе саргатские памятники граничат с гороховскими по Исети в районе Шадринска, занимая долину Ниж. Исети, на юге заходят в Северный Казахстан.

В лесостепном Притоболье исследовано более 30 могильников саргатской культуры (табл. 1). Они легко выделяются по внешним признакам, представляя собой цепочки или компактные группы крупных сегментовидных насыпей на высоких увалах и террасах. Судя по ним, к саргатским, вероятно, можно отнести большинство известных курганных могильников в этой зоне. В прошлом, вероятно, существовали и погребальные поля с несколькими десятками и даже сотнями насыпей, чему находим свидетельство у П. С. Палласа [1786, с. 92] и И. Я. Словцова [1890, № 238, 239, 240, 243, 253]. Ныне эти поля уничтожены распашкой.

Таблица 1

Могильники саргатской культуры в Среднем Притоболье

Памятник	Год исследования	Автор исследования	Кол-во курганов и погребения	Место хранения материалов
1	2	3	4	5
Воробьевский-1	1961	В. Е. Стоянов	8/14	КОКМ
Воробьевский-2	1961	"	3/3	"
Прыговский-1	1961	В. Ф. Генинг	10/9	"
Прыговский-2	1961	"	?	"
Прыговский-3	?	?	?	"
Томиловский	1891	А. Г. Гейкель	2/3	—
Памятное	1959	П. А. Кожин	2/8	Ялуторовский музей
Раскатиha	1966	Т. М. Потемкина	—/2	КОКМ
Увал-1	1979	В. А. Могильников	14/14	ИА РАН
Речкино-2	1963	В. Е. Стоянов	—/2	УрГУ
Чистолёбязский	1979	В. А. Могильников	1/1	ИА РАН
		А. В. Матвеев	1/1	УАМ ТюмГУ, ИПОС
				СО РАН
Ново-Шадрино-1	1976	Л. Н. Корякова	3/3	УрГУ

1	2	3	4	5
Шикаевка	1970	Т. М. Потемкина	2/3	КОКМ, ИА РАН
Лисья Гора, поселение	1970	"	-/2	КОКМ
Язево-1	1971	"	1/1	КОКМ
Лисья Гора, кург.	1970	"	1/1	"
Тютринский	1981, 1982	Матвеев, Н. П. Матвеева	10/34	УАМ ТЮМГУ, ОИПК ГЭ, ИПОС СО РАН
Савиновский	1982	А. В. Матвеев	7/16	УАМ ТЮМГУ
Суерский-1	1982	"	2/2	То же
Искровский	1982	"	1/1	"
Красногорский-1	1983, 1984	Н. П. Матвеева	5/7	"
Красногорский-2	1986	"	1/5	"
Красногорский	1984	"	2/5	"
Борок				
У ст. Курганской	1891	А. Гейкель	3/-	-
Нечунаевский	1982, 1983	Н. В. Варанкин	4/9	Н. ТагилГПИ
Духовка	1974, 1982	Н. Н. Бутакова, Н. П. Матвеева	Сборы	КОКМ, УАМ ТЮМГУ
Рафайлово-2	1982	Н. П. Матвеева	"	ИПОС СО РАН
Вагинский	1926	Н. Н. Бортвин	1/-	-
Бакланский	1913, 1914	В. П. Бирюков В. Я. Толмачев	1/-	-
Айтар	1984	В. А. Зах	3/3	ИПОС СО РАН
Упоровский	1983	А. В. Матвеев	Сборы	УАМ ТЮМГУ
Ново-Шадрино-2	1976	Л. Н. Корякова	3/3	УрГУ
Рафайловский	1985	Н. П. Матвеева	1/3	ИПОС СО РАН
Ольховский	1987	А. В. Матвеева	2/6	То же
Онуфриевский	1991	Н. П. Матвеева	1/5	"

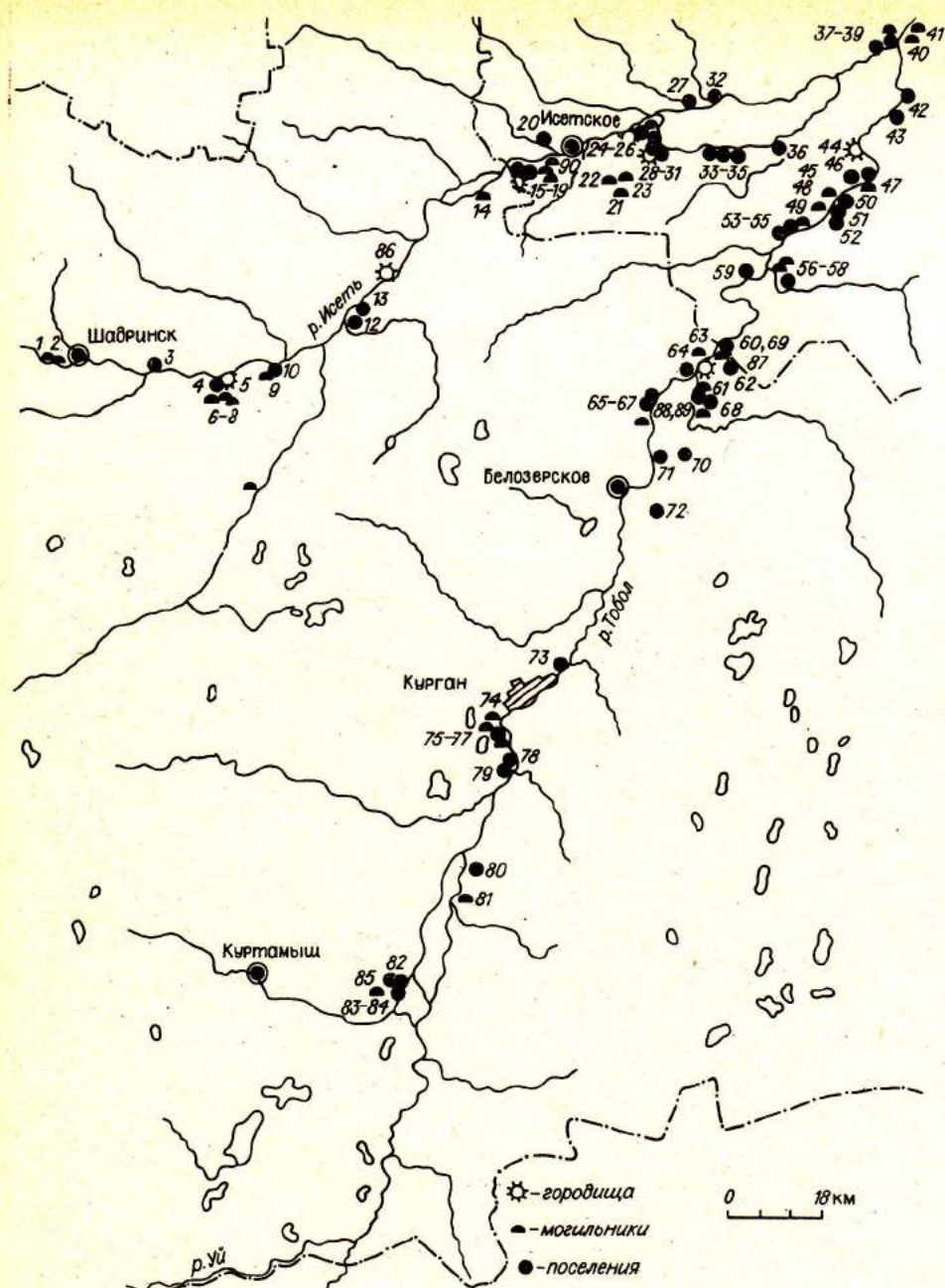
* В числителе — количество курганов, в знаменателе — погребений.

Рис. 1. Карта расположения памятников саргатской культуры в Среднем Притоболье. Могильники: 1, 2 — Воробьевский-1, -2; 6-8 — Прыговские-1, -3; 9 — Нечунаевский; 11 — Бакланский; 14 — Духовка; 17, 18 — Рафайловские-1, -2; 21 — Искровский; 22, 23 — Красногорский Борок; 39 — Памятное; 40 — Томиловский; 41 — Айтар; 47 — Упоровский; 48 — Савиновский; 49 — Тютринский; 55 — Суерский; 56, 57 — Ново-Шадрино-1, -2; 60 — Чистолес-бьяжье-1; 62 — Увал; 63 — Вагинский; 68 — Шикаевка; 74 — у ст. Курганской; 76 — Лисья Гора; 85 — Язево; 90 — Ольховка.

Отдельные погребения: 67 — Речкинские; 77 — Лисья Гора; 81 — Раскатиha.

Городища: 5 — Прыговское; 19 — Рафайловское; 24 — Марьино Ущелье; 28 — Коловское; 44 — Мал. Зырянка; 61 — Увал; 86 — Павлиново.

Поселения: 3 - Бабарыкино-2; 4 - Прыговское-1; 10 - Нечунаевское; 12 - Назаровское; 13 - Грачево-1; 15, 16 - Рафайловское-1, -2; 20 - Бархатовско-Ирюмское; 25 - Ботниковское-1г; 27 - Архангельское; 29-31 - Коловские-1, -2, -3; 32 - Рассветовское; 33 - Онуфриевское; 34 - Верх. Ингальское; 35, 91 - Верх. Ингальский Борок-1, -2; 36 - Ингалинка-1; 37 - Карасье-1; 38 - Криволукское; 42 - Кокуйское; 43 - Чашинское; 45 - Плишкин Луг; 46 - Карагужевское; 50 - Скородум-3; 51, 52 - Пospelово-1, -2; 53, 54 - Суерские-1, -2; 58 - Ново-Шадринское-1; 59 - Исток; 64 - Усть-Суерское-2; 65, 66 - Речкино-1, -2; 69 - Коркино-6; 70 - Дианово-2; 71 - Гладунинское; 72 - Савин-2; 73 - Курганское; 75 - Лисья Гора; 78, 79 - Белоярское-12, -13; 80 - Камышное-2; 82 - Закоуловское; 83, 84 - Язеве-1, -2; 87 - Бочанцево-1; 88, 89 - Романовские-3, -5.

Савиновский могильник

Располагался на левом берегу Тобола в 2 км к юго-западу от с. Бызово Упоровского района Тюменской области. Группа из восьми курганов находилась на высокой гряде, именуемой Савиновским увалом (рис. 2). В результате длительной распашки насыпи пять курганов оказались полностью уничтожены. Их высота не превышала 0,7 м, а диаметр составлял примерно 18–26 м. В 1982–1983 гг. А. В. Матвеевым раскопаны семь курганов.

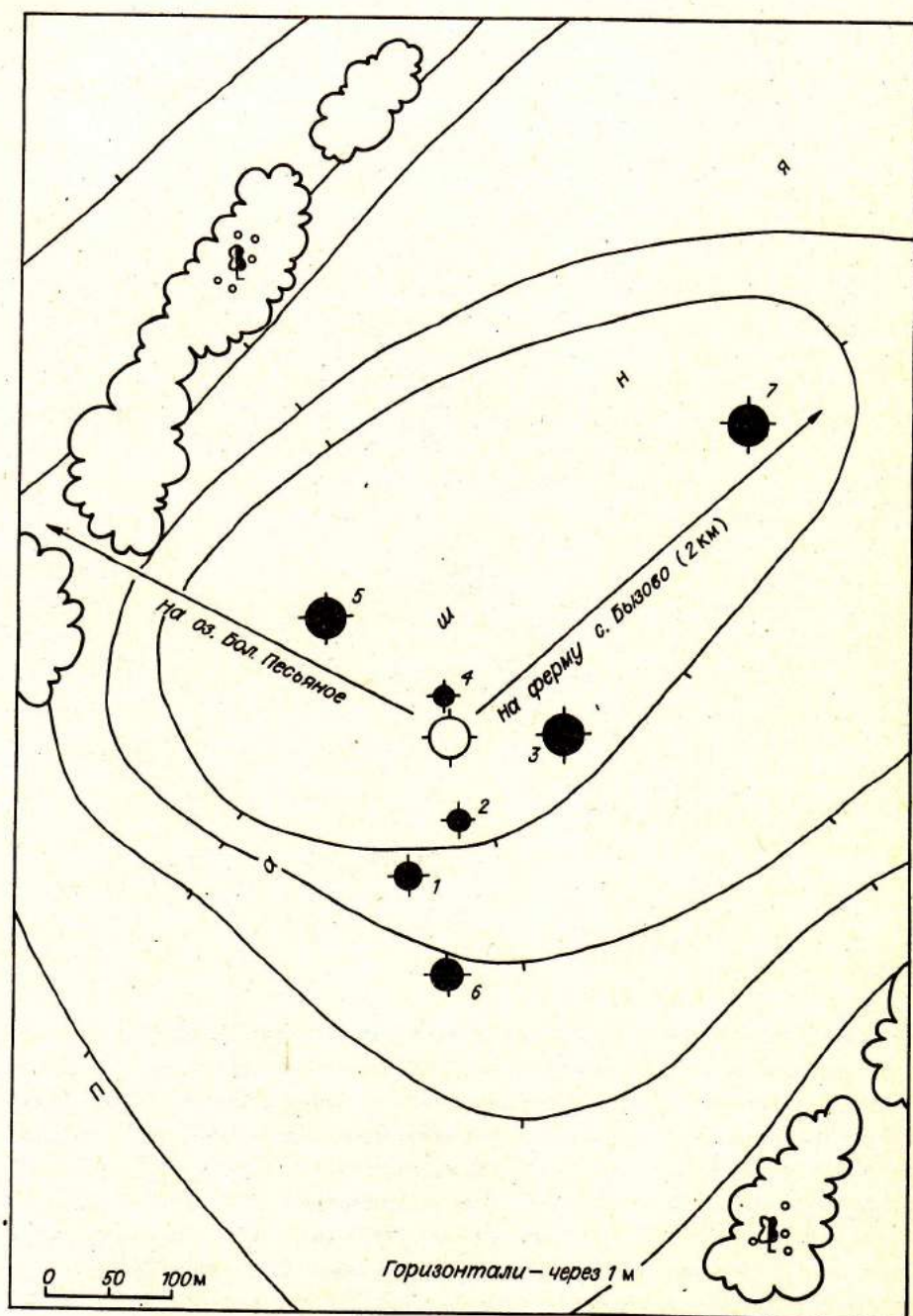

Рис. 2. Савиновский могильник. Ситуационный план.

Курган 1. Его высота в рельефе 0,12 м, диаметр около 18 м. В центре кургана обнаружено три погребения, расположенных в ряд параллельно друг другу и почти вплотную одно к другому (через 20–35 см) (рис. 3). Все они ориентированы длинной осью по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. По периметру кургана проходил разомкнутый в трех местах многоугольный ровик, внутренний диаметр которого, соответствовавший первоначальному диаметру насыпи, составлял 13,5–15 м. Глубина его от уровня материка – около 0,4 м. С учетом мощности погребенной почвы глубина рва достигала примерно 0,7 м. Ширина его 0,8–1 м. Глинистые материковые выбросы сделаны внутрь рва и легли на древнюю почву. Ровик разомкнутый в южной, юго-восточной и северо-западной частях. Ширина перемычек здесь составляет соответственно 1, 2, 3, 2 м. Инвентарь в заполнении рва, за исключением одного неорнаментированного черепка с примесью талька в тесте, не обнаружен.

Погребение 1. Могильная яма подпрямоугольной формы с округленными углами ориентирована, как и все другие могилы этого кургана, с юго-юго-запада на северо-северо-восток. Ее размеры 3,15х1,3 м, глубина 1,2 м. На дне могилы, изрытом кротовыми норами, находился скелет женщины 30–35 лет, лежавшей на спине, головой на север с небольшим отклонением на восток. Руки вытянуты вдоль туловища, правая несколько согнута в локте.

Справа от нижней челюсти, около левой ключицы и слева между ребрами найдено девять стеклянных бусин голубого и зеленого цвета, в головах – круглое глиняное блюдо с невысоким толстым бортиком, двудырчатый псалий с остатками железных кольчатых удил, два обломка железных крючков, пряслице, несколько обломков железных вещей (рис. 4, 3, 4, 16; см. рис. 3, 3). Около левого локтя погребенной – два крупных обломка костей животного.

Погребение 2 ограблено. Могильная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами. Ее длина 2,35 м, ширина в северной части 1,35 м, в южной – 1,0 м. На глубине 0,47 м размеры могилы уменьшаются и со всех четырех сторон появляются заплечики шириной 9–30 см. Глубина уменьшенной части могилы 0,78 м. Размеры по дну 1,60х0,85 м. В головном и южном концах два овальных углубления глубиной 10 и 20 см, размерами соответственно 0,85х0,25 и 0,7х0,35 м (см. рис. 3, 2). На дне северного углубления свалены в кучу кости скелета мужчины 30–35 лет, среди них оказались черепки разбитого сосуда, а также лопатка овцы или козы. В заполнении могилы на разных уровнях встречались угольки, небольшие кусочки дерева и прокаленной земли, найдены две поясные обоймы (рис. 4, 12).

Погребение 3 ограблено. Яма прямоугольной формы размерами 2,5х1,6 м и глубиной 115 см. В его заполнении на разной глубине – человеческие кости. Только на дне в южной части могильной ямы в анатомическом порядке лежали большие и малые берцовые кости, кости обеих стоп, принадлежащие взрослой женщине (см. рис. 3, 1). Найдены костяная подпружная пряжка, крупная синяя, с белыми глазками стеклянная бусина и обломок костяного острия (рис. 4, 21–24), тазовая кость лошади.

Курган 2. Имел распаханную черноземную насыпь диаметром около 14 м, высотой в рельефе до 0,38 м (рис. 5). На уровне погребенной почвы – выбросы из центрального погребения и разомкнутого в северо-западной и юго-восточной частях многоугольного ровика, внутренний диаметр которого около 9,5 м. Ширина рва 0,7–1 м, глубина 22–28 см. Ширина перемычек незначительна – 0,2–0,5 м. Находок во рву нет, встречались лишь скопления пепла.

Погребение находилось в центре кургана и было ориентировано длинной осью по линии юго-восток – северо-запад. Могильная яма неправильной вытянутой формы размерами поверху 3х2,1 м углубляется ко дну тремя ступеньками в юго-западной и двумя в северо-восточной частях. Общая глубина могилы 1,15 м. В заполнении встречены мелкие угольки, кусочки обожженной земли, древесный тлен, кости скелета

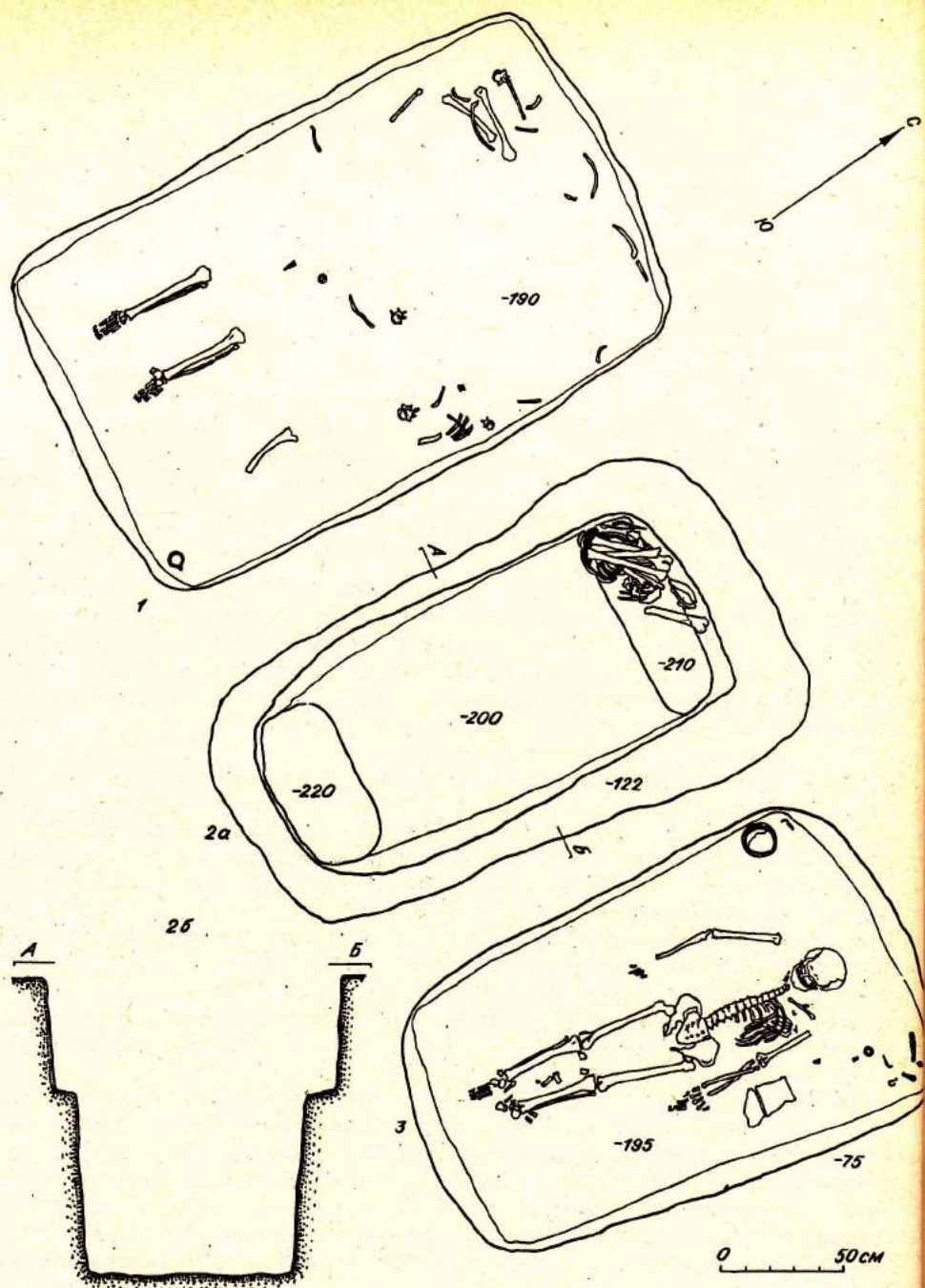
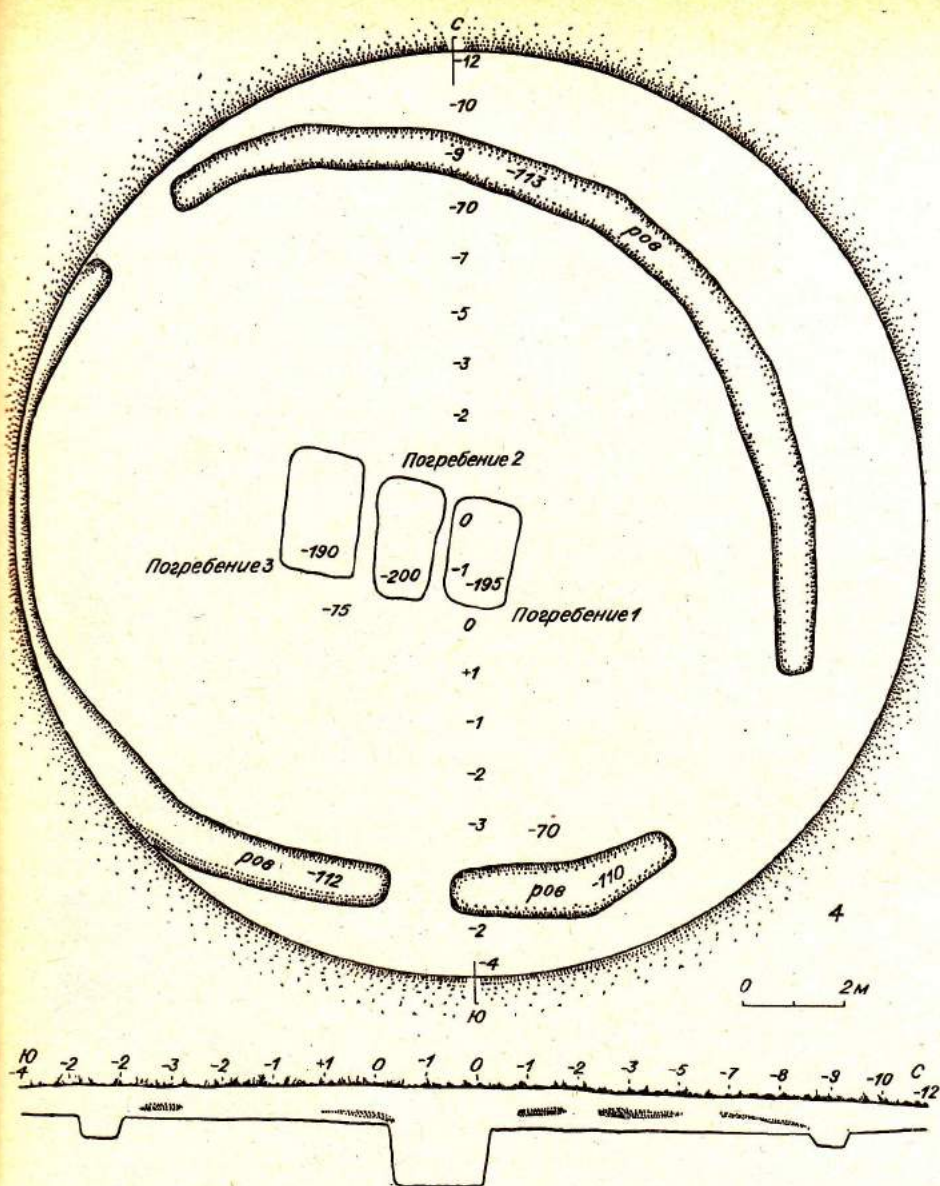

Рис. 3. Савиновский могильник, кург. 1.
1 — погр. 3; 2 — погр. 2; 3 — погр. 1; 4 — план и разрез погребального сооружения.

женщины в возрасте от 40 до 60 лет. Погребение ограблено. Найдены черепки от разбитого горшка с „елочкой“ на шейке (рис. 6, 20), три мелкие плоские гагатовые и одна стеклянная бусинки (см. рис. 4, 17–20), кости одной взрослой особи лошади.

Кург. 3. Высота его уплощенной сверху насыпи составляла около 2,8 м, диаметр 30 м. Насыпь однородная по составу, из чернозема. Судя по конфигурации рва, первоначально надмогильное сооружение из земли имело в плане форму не совсем правильного овала размерами

28x33 м, ров оказался многоугольной формы, в разрезе конический (рис. 7). Его ширина достигала местами 3 м, а глубина в среднем составляла 1,2 м. Находок при исследовании встречено очень мало: черепок горшка с фестончатым орнаментом (см. рис. 6, 15), кость взрослой лошади. Выброшенная при сооружении рва материковая глина была уложена кольцом по склонам насыпи на высоту не менее чем 2 м от основания кургана. Таким образом, есть основания предполагать, что ров был выкопан после завершения насыпи кургана. Судя по положению глинистых прослоек в разрезе, насыпь этого кургана первоначально имела гораздо более правильный, чем сейчас, и, наверное, почти треугольный в профиле вид. Общая его высота при условии, что вершина кургана не была уплощенной, составляла около 4,5 м. Обнаруженная во рву керамика позволила отнести объект к саргатской культуре. Под центром насыпи на уровне погребенной почвы находились плохо сохранившиеся остатки деревянной платформы из березовых бревен, разрушенной в центральной части грабителями, пробиравшимися к центральному захоронению. Оно располагалось почти точно по центру кур-

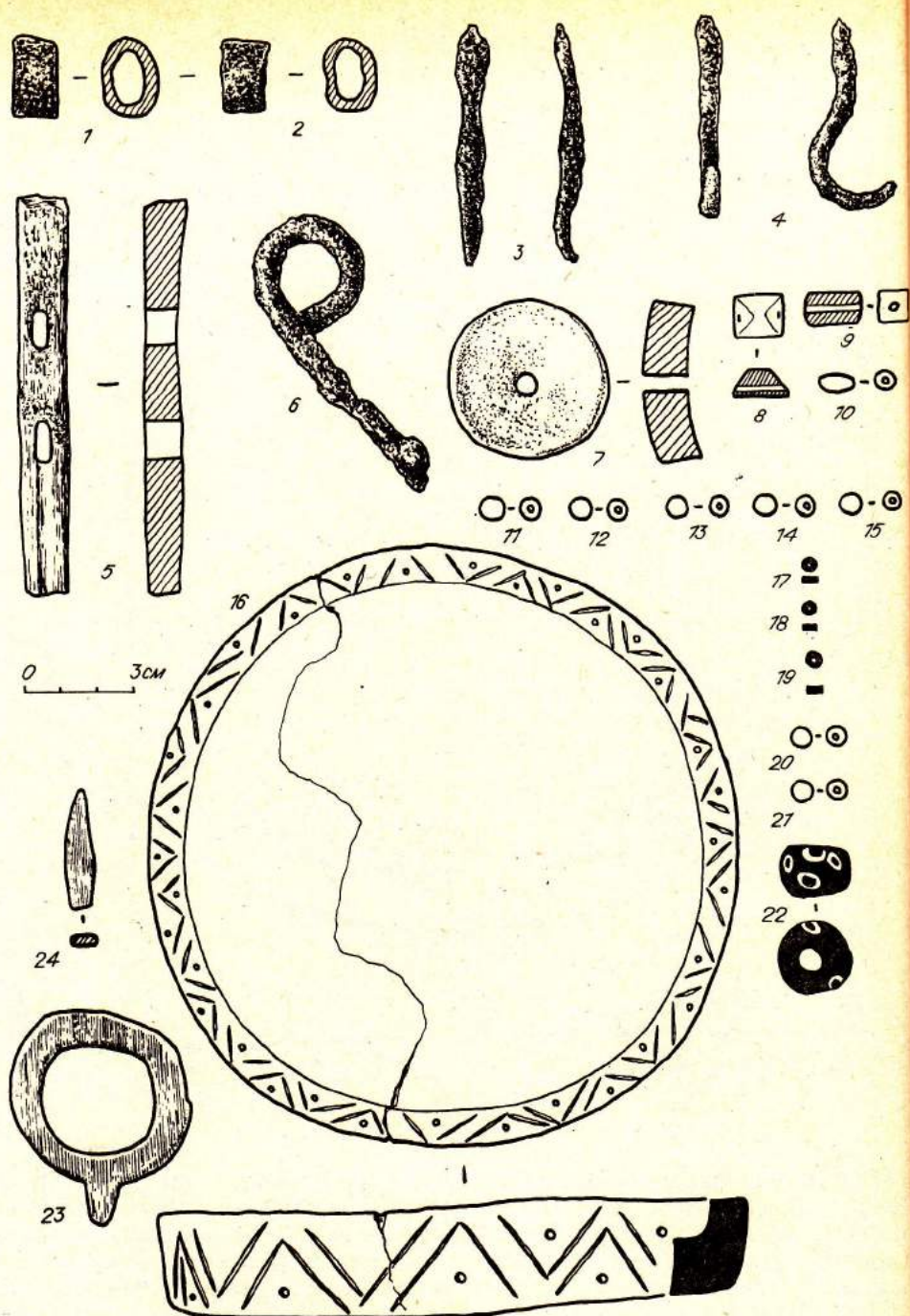

Рис. 4. Савиновский могильник. Инвентарь погребений курганов 1 и 2.
1, 2 — погр. 2; 3-16 — погр. 1; 17-20 — кург. 2; 21-24 — погр. 3. 1-4, 6 — железо; 5, 23, 24 — ость; 7, 16 — глина; 8-15, 17-22 — стекло.

гана. Могила представляла собой подпрямоугольную камеру размерами 3х2,1 м, глубиной 1,6 м и была ориентирована длинными сторонами с юго-юго-востока на северо-северо-запад. В двух противоположных стенках имелись две полукруглые ниши, напоминавшие пазы для установки поперек камеры толстого бревна (рис. 7). На дне могилы и в ее заполнении никаких находок, за исключением небольшого фрагмента брев-

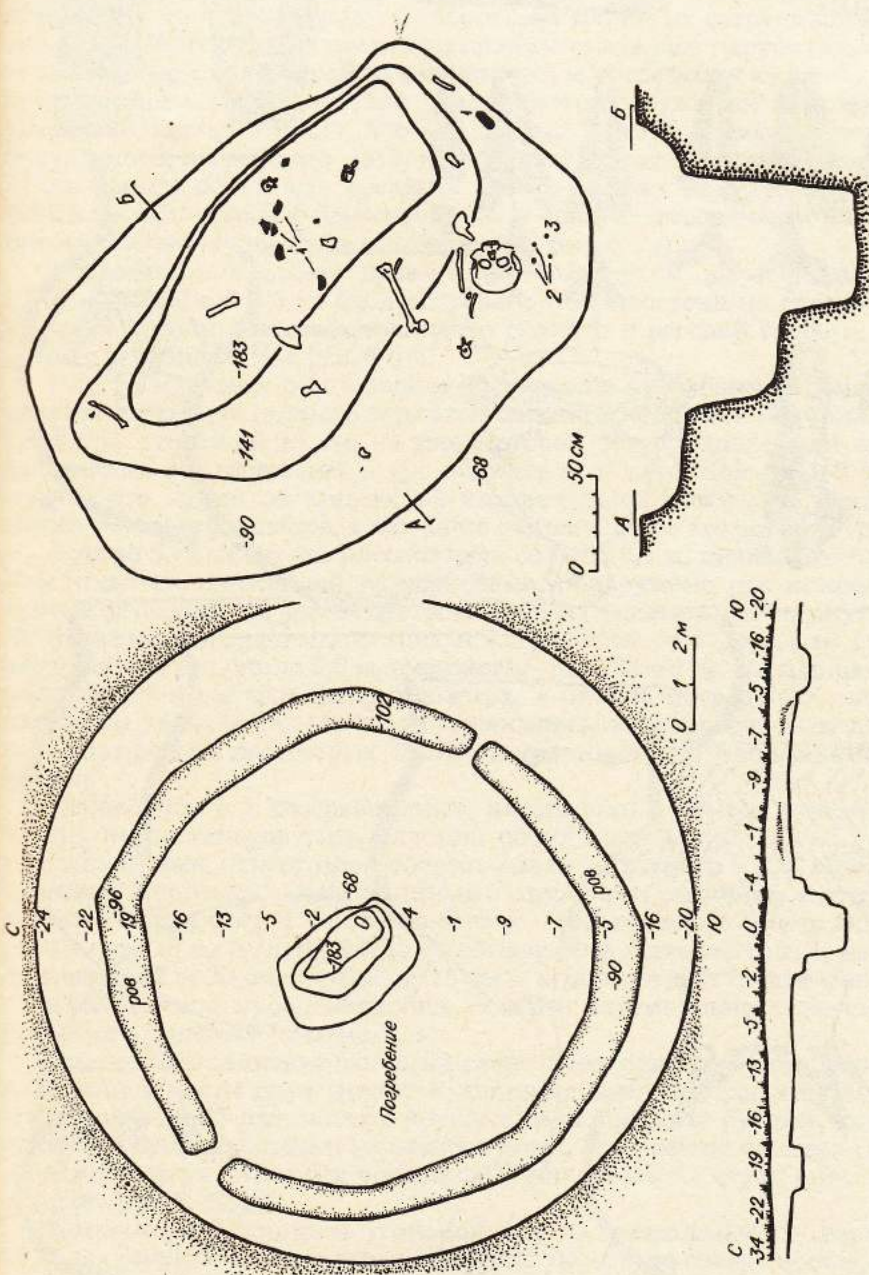

Рис. 5. Сзвинский могильник. кург. 2.

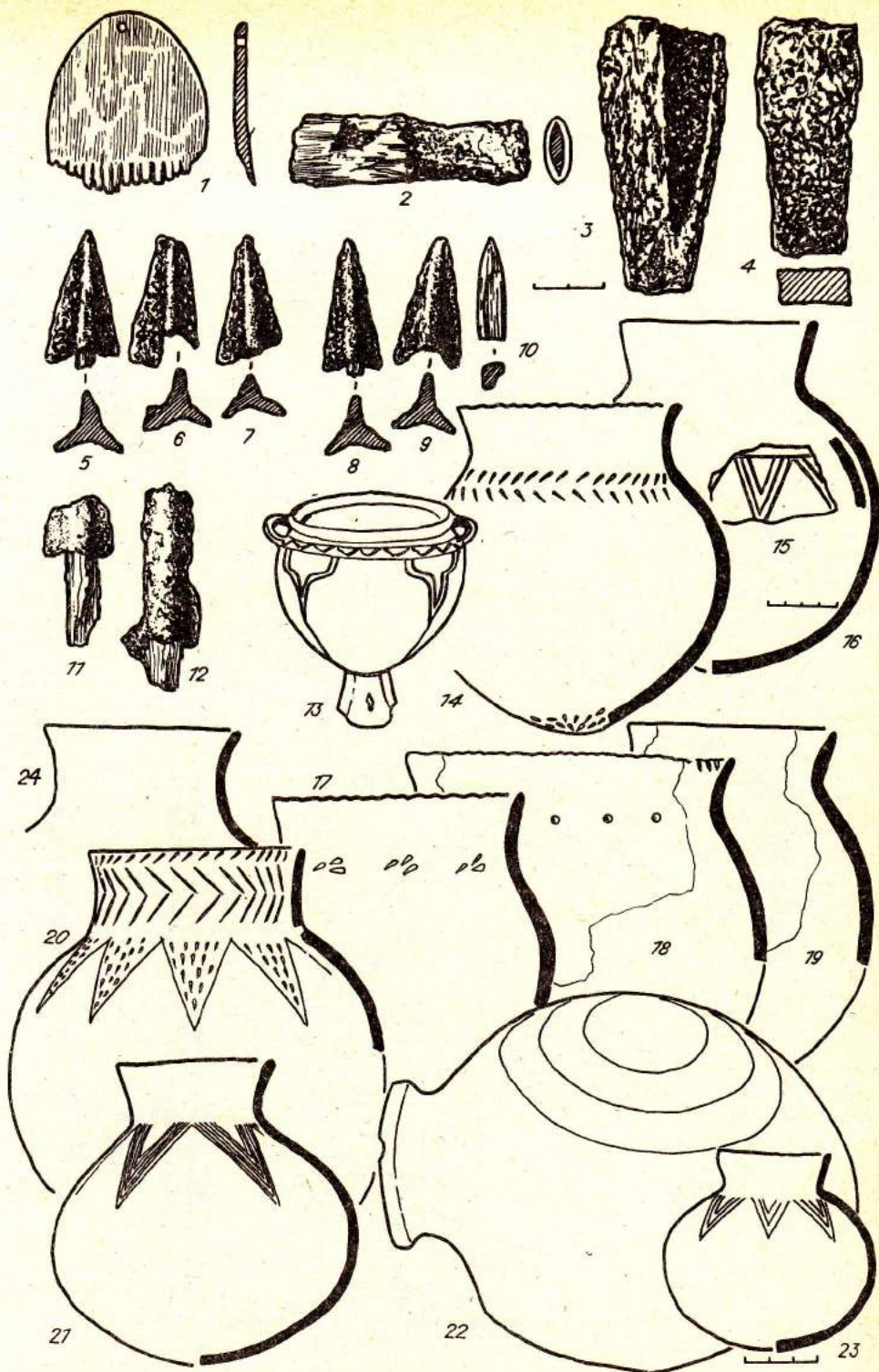

Рис. 6. Савиновский могильник. Инвентарь и керамика из курганов 2 (20), 3 (15), 4 (1, 14), 5 (16-19, 23, 24) и 7 (2-13, 21, 22). 1 — кость; 2-12 — железо; 13 — бронза; 14-23 — глина.

на диаметром около 12 см, не обнаружено. После зачистки дна углубления в северном конце было выявлено округлое пятно диаметром около 1,2 см. В ходе его исследования открылась вертикальная, постепенно расширявшаяся штольня диаметром 1,2-1,6 м, глубиной от уровня мате-

рика до 4 м, заполненная рыхлым желтым суглинком (рис. 7, 3). Никаких находок в штольне не было.

Курган 4. Диаметр его насыпи 14 м, высота 0,75 м. Чуть выше уровня погребенной почвы почти точно по центру кургана находились остатки плохо сохранившегося деревянного сооружения типа платформы площадью не менее 45 м². Сооружение состояло из горизонтально лежащих почти вплотную друг к другу березовых бревен или даже целых стволов диаметром до 40 см (рис. 8). Наибольшая длина их сохранившихся частей 3,5 м. Центральная часть платформы оказалась нарушенной грабительской ямой, вышедшей на единственное погребение кургана. Детали конструктивных особенностей деревянного сооружения проследить не удалось. Отмечено лишь, что платформа лежала непосредственно на окружавшем погребение материковом выбросе из могилы толщиной до 36 см. Между остатками бревен к северо-востоку от захоронения находился целый горшок с приостренным и орнаментированным насечками дном и елочным узором на плечиках (см. рис. 6, 14).

Погребение не совсем правильной вытянутой формы, размерами 3,5х2 м, глубиной 0,3 м. Ориентировано с юго-востока на северо-северо-запад. В заполнении найдены кости скелета и роговой гребень с обломанными зубцами (см. рис. 6, 1).

В 0,75 м к западу от погребения на уровне погребенной почвы обнаружены остатки неполного скелета лошади, а под ним в материке – яма 1,3х0,9 м, глубиной 15 см, на дне которой без определенной системы находилось 10 маленьких ямок диаметром и глубиной по 4–5 см. Возможно, это лунки от кольев, на которых была растянута несохранившаяся лошадиная шкура, а лежащие рядом кости – это остатки тризны.

Курган 5. Высота его насыпи чуть больше 0,5 м, диаметр около 26 м. Под насыпью, сложенной из чернозема, обнаружено два концентрических многоугольных рва диаметром 20–22 м (внешний) и 14 м внутренний. Их ширина примерно одинакова и колеблется от 1 до 1,6 м. Глубина внутреннего рва около 0,6 м, внешнего – от 0,5 до 1 м. На площадке, ограниченной рвом меньшего диаметра, – четыре погребения, пятое обнаружено в самом рву. Местами сохранились остатки бревен от деревянной платформы диаметром 15–20 см сравнительно небольшой длины (рис. 9).

Погребения 1, 2 разграбленные, находились в центре кургана, одно из них перерезано другим. Глубина обоих погребений 0,65 м. Размеры могильной ямы первого погребения 2,25х1 м, второго – 2,87х1,45 м. Погребение 2 ориентировано длинными сторонами по линии юго-восток – северо-запад, а погр. 1 – юго-юго-восток – северо-северо-запад. Одна яма диаметром 10 см и глубиной 20 см обнаружена в дне могилы 1, две ямки диаметром 8 и 20 см, глубиной 15 см – в дне погр. 2. В заполнении последней хорошо прослеживались остатки вертикально стоявшего деревянного столбика (см. рис. 9, 3).

На дне обеих могил и выше, на разных уровнях, в полном беспорядке находились кости двух скелетов, принадлежащих взрослому мужчине и женщине 30–35 лет, четыре круглые сердоликовые бусины, фигурная янтарная бусина, остатки железного ножа, фрагменты четырех сосудов, а также четыре железных черешковых наконечника стрел (рис. 10, 1, 2, 7–10; см. рис. 6, 19, 24).

Погребение 3 подпрямоугольной формы, размерами по верху 4,5х3,15 м, ориентировано с юго-юго-запада на северо-северо-восток, располагалось к востоку от центра кургана. На глубине 0,55–0,85 м от верхнего уровня могильная яма сужалась до 2–2,15 м, образуя вдоль длинных стенок заплечики шириной в среднем около 0,5 м. Ниже, на глубине 0,15–0,45 м от них, располагался второй ряд заплечиков, более узких, чем верхние, но расположенных по всем четырем сторонам могилы. Их ширина колеблется от 0,12 до 0,45 м. Глубина нижней части могильной ямы около 1 м, а ее размеры по дну – 3,7х1,75 м (см. рис. 9, 1). В заполнении могилы – остатки двухъярусного настила из тонких бревен или плах ши-

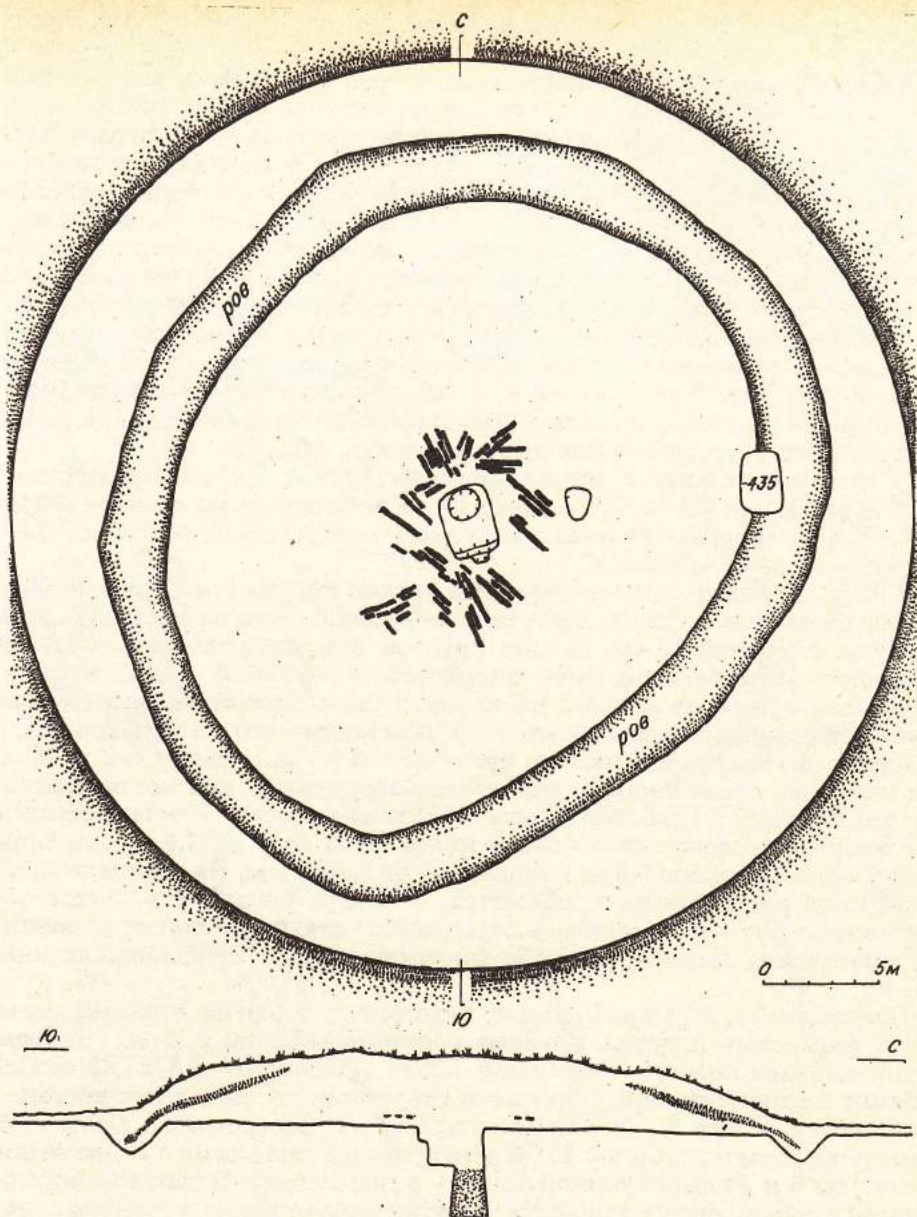
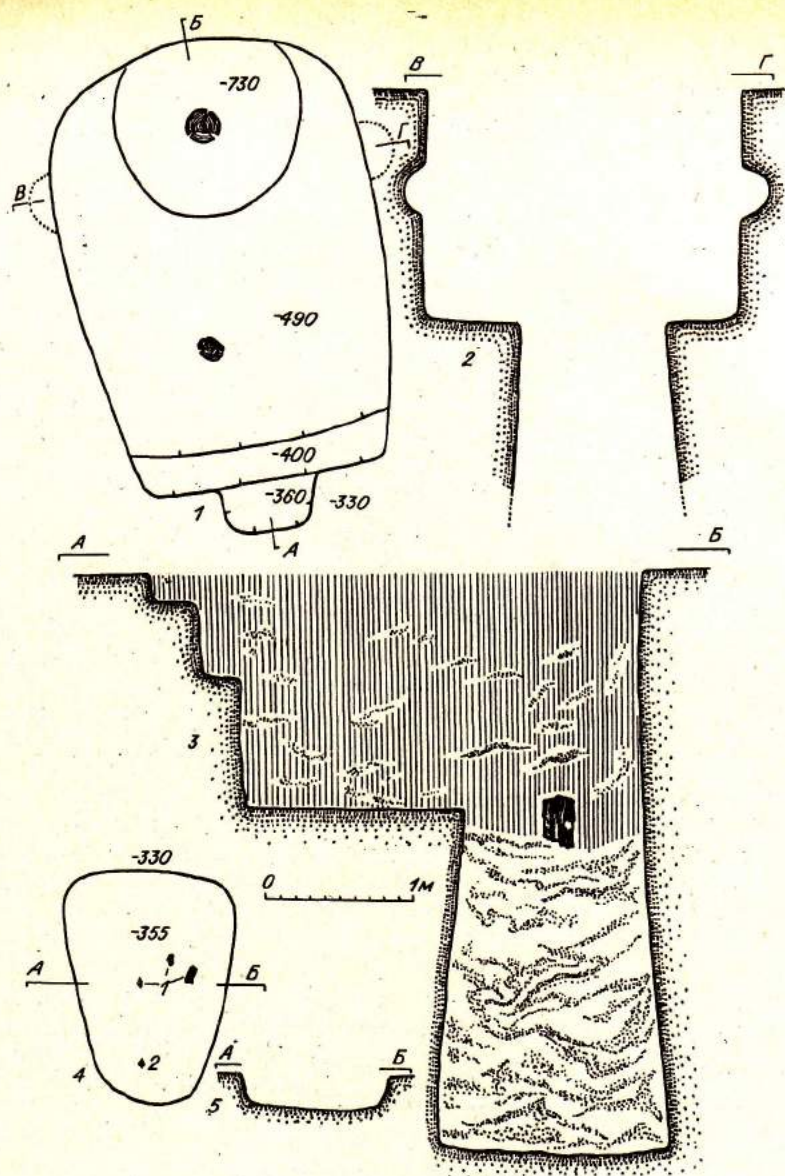

Рис. 7. Савиновский могильник, кург. 3.

риной до 0,15 м и длиной до 1,6 м. Верхний ряд их располагался поперек могилы, а нижний – вдоль; облицованы деревом и стены могилы. Около восточной и северной стен сохранились остатки соответственно шести и трех вертикальных столбов диаметром около 10 см и высотой от 0,2 до 0,8 м. Между ними и стенками могильной ямы не менее чем в четыре ряда по вертикали были заложены плоские деревянные плахи шириной около 15 см. Остатки трех столбиков находились также вдоль южной стенки могилы и еще двух – посредине головного конца могилы. Примечательно, что ни одной столбовой ямы на дне могилы не обнаружено. Скорее всего, столбы, поддерживавшие облицовку стен, крепились распорками или соединялись друг с другом в жесткую конструкцию каким-то другим способом.

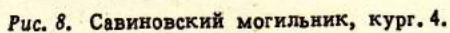
Все кости погребенного мужчины 50–60 лет находились в беспоряд-

ке, причем значительная их часть, включая остатки разбитого черепа, концентрировались кучкой около восточной стенки могилы, рядом найдены черепки раздавленного горшка. Сохранились бронзовая овальная пряжка с погнутым язычком, два бронзовых наконечника ремня, три литые полушаровидные крупные бронзовые и три полушаровидные штампованные мелкие бляшки (см. рис. 10, 12-14, 16-20), бронзовая ложечковидная застёжка, около десяти железных трехлопастных наконечников стрел, ажурная сердцевидная железная бляха и обломок ажурной бляшки (см. рис. 10, 15, 21, 22, 27-34), фрагменты двух небольших железных ножей, обломок прямоугольного в сечении железного стержня, железная пластина (см. рис. 10, 3-5, 25, 35-37), обломки железных колец от удила (?), небольшой выпуклый железный диск с отверстием в центре, несколько обломков обоюдоострого меча или кинжала, ширина лезвия которого не менее 4 см, с остатками деревянных ножен, фрагменты кожи, окрашенной красной краской, костяной наконечник стрелы (см. рис. 10, 26, 38, 39). Около северной стены могилы обнаружены череп и несколько ребер двух лошадей.

На дне обнаружен скелет мужчины 25–30 лет, уложенного вытянуто, на спине, головой на юго-запад, руки слегка согнуты в локтях и находились в области таза. Сверху и снизу костяка – следы древесного тлена. Около левого плеча обнаружены фрагменты раздавленного неорнаментированного горшка, другой сосуд, целый, с фестонами на плечиках, стоял в южном углу могильной ямы (см. рис. 6, 16, 23). Справа от черепа найден большой кусок мела, у левого плеча – биконическое глиняное пряслище. На обоих предплечьях надето по бронзовому браслету, а на пальце правой руки – бронзовый перстень (см. рис. 10, 40–44). Кроме того, у запястья левой руки находились остатки какого-то железного изделия с остатками дерева и следами красной краски (?). В западном углу могилы лежали череп и несколько костей овцы или козы.

Погребение 5 обнаружено во рву меньшего диаметра под южной полкой кургана. Скелет мужчины 40–50 лет лежал на спине, головой на запад. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая слегка согнута в локте, его кисть находилась в области таза. Инвентарь отсутствовал (см. рис. 9, 4).

Последовательность захоронений в кург. 5 можно представить следующим образом. Вместе с первой могилой 2 вокруг надмогильного сооружения, которое из-за отсутствия сколько-нибудь высокой насыпи еще нельзя назвать курганом, появился и первый ров сравнительно небольшого диаметра. После устройства внутри него второй могилы (погр. 1) ров, судя по выбросу из него, был подновлен и углублен. Второй ров вокруг надмогильного сооружения и могилы 3 и 4 появились позднее. Так, выброс из внешнего рва в южной части разреза перекрыл прослойку глинистого выброса из внутреннего рва, а выброс из погр. 4 располагался выше выбросов из могил 1 и 2 и опять-таки перекрыл выбросы из вырытого одновременно с ним рва меньшего диаметра.

Курган 6. Высота его насыпи чуть больше 0,4 м, диаметр 24 м. Надмогильное сооружение окружено многоугольным рвом шириной 1,3х1,5 м и глубиной 1,5 м, имеющим в разрезе подтреугольную форму. Внутренний диаметр рва 16–19 м. В центре окруженной им площадки чуть выше уровня погребенной почвы находились остатки деревянного сооружения типа платформы из горизонтально уложенных рядом друг с другом березовых бревен. Длина сохранившихся бревен – до 3,5 м, диаметр – до 0,3 м. Платформа лежала на глинистом выкиде из центрального погребения и при ограблении была разрушена „бугровщиками“.

Погребение 1 подпрямоугольной формы, размерами 2,95х1,95 м, глубиной 1,4 м ориентировано с юго-востока на северо-запад и полностью ограблено (рис. 11, 1). В заполнении на разных уровнях обнаружены разрозненные кости скелета мужчины 35–40 лет. Найден небольшой обломок железного ножа.

Погребение 2 размерами 2,2х1,75 м вырыто в уже почти полностью затянувшемся рву с юго-западной стороны кургана на глубину 0,4 м. В верхней ее части находился череп мужчины в возрасте около 40 лет. Находок нет (рис. 11, 2).

Курган 7. Входил в число трех самых крупных здесь курганов, не распахан. В диаметре к началу раскопок он достигал 32 м, в высоту – 2,5 м. Вершина насыпи сильно уплощена и имела неровную поверхность – следствие неоднократных попыток ограбления. В ходе раскопок удалось установить, что после устройства первого захоронения над курганом на уровне погребенной почвы было возведено деревянное сооружение типа платформы из горизонтально уложенных березовых бревен. От него до нашего времени сохранилась лишь небольшая часть. В местах, где это удалось проследить, бревна диаметром около 30 см лежали почти вплотную друг к другу. Прямо на них в сохранившейся части платформы обнаружена раздавленная красноглиняная станковая среднеазиатская фляга с узором из концентрических окружностей на внешней выпуклой стороне (см. рис. 6, 22). После сооружения платформы была возведена насыпь и окруженная рвом. Судя по конфигурации рва, она имела в плане округлую форму и достигала в диаметре примерно 19 м. Ров был многоугольный в плане. Его ширина составляла 1,4–2 м, а глубина – 0,5 м. Выброшенная при его сооружении глина так же, как и в кург. 3, была уложена по склонам насыпи кольцом на высоте не менее чем в 2 м (рис. 12). Спустя какое-то время в центре кургана было произведено второе погребение, частично перерезавшее первое. Насыпь кургана досыпали, причем, скорее всего, в высоту. Видимо, это произошло, когда старый ров еще не заплыл и оставался хорошо виден, так что соорудить новый не стали. Наличие досыпки в разрезе не фиксируется, но устанавливается по очень сильному распылу насыпи, которая впоследствии не только заполнила собой ров, но и почти на 5 м вышла везде за его пределы, чего мы не наблюдали в кург. 3, также больших размеров и с высокой насыпью, но содержавшем только одно

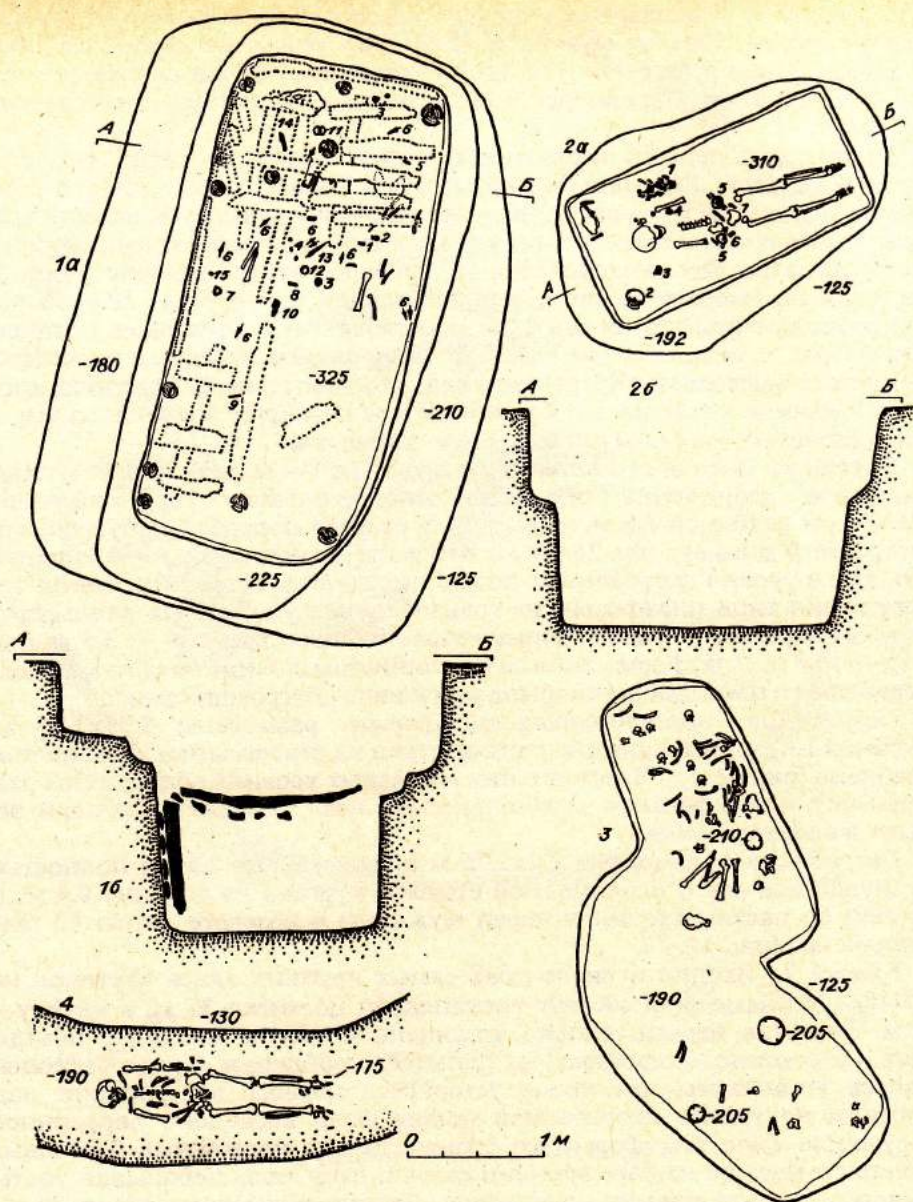
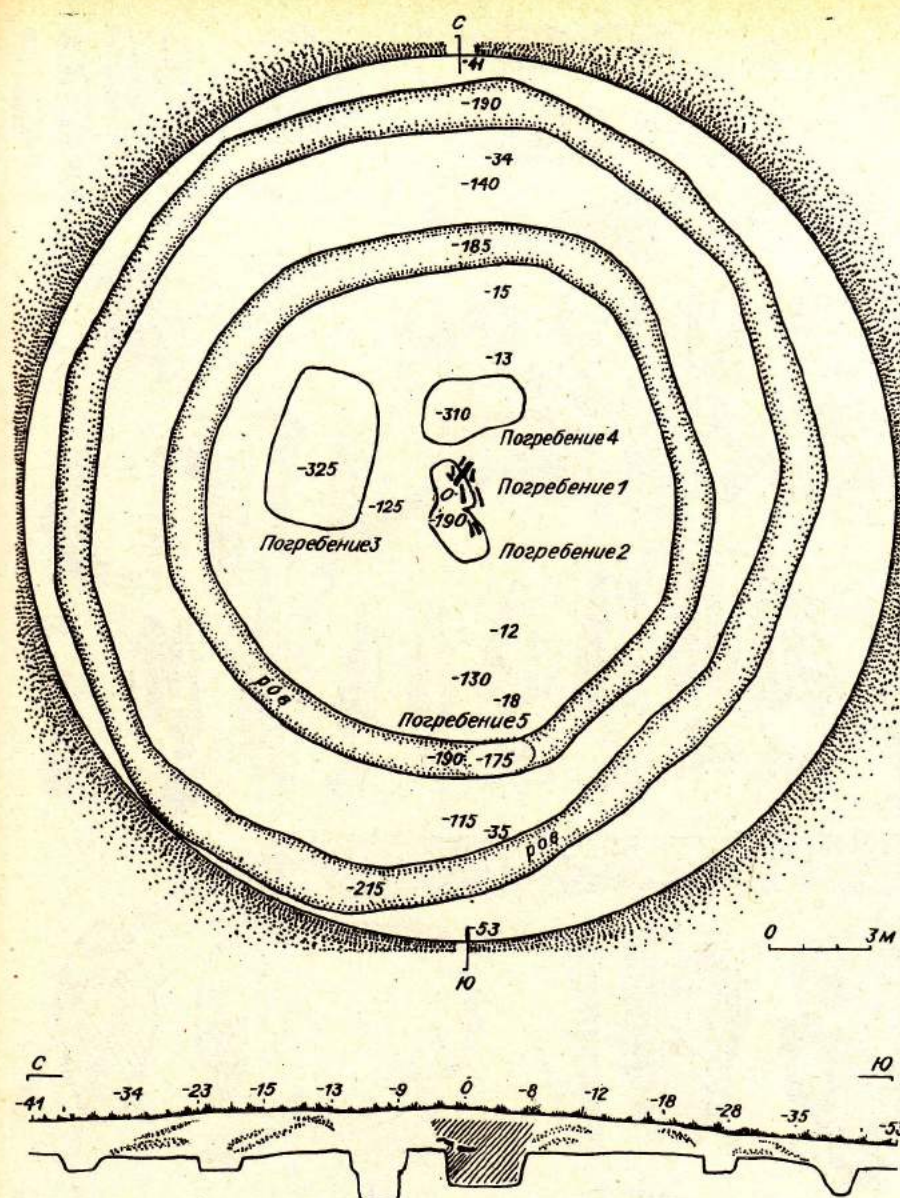

Рис. 9. Савиновский могильник. Планы и разрезы погр. 3 (1), погр. 2 (2), погр. 1, 2 (3), погр. 5 (4) и погребального сооружения (5) кург. 5.

захоронение и, следовательно, не подвергавшемся досыпке. О том, что насыпь кургана досыпалась именно вверх, говорит и еще одно наблюдение. В северо-западной и восточной частях его рва обнаружены два выступа – очевидно, следы двух выкопанных в нем позднее ям. С точностью говорить об их размерах нельзя, поскольку ни та, ни другая яма не была углублена в дно рва. Можно только заметить, что обе примерно соответствовали размерам могилы, хотя и не содержали костей и других находок, как и яма во рву кург. 3. Скорее всего, каждую из них выкапывали вместе с соответствующим ей захоронением в кургане, причем обе тогда, когда ров был еще хорошо виден.

Первоначальная высота насыпи кургана не известна. Более точно можно говорить о ее размерах после досыпки. Судя по направлению

материковых выбросов на склонах насыпи и объему грунта, который позднее сполз с вершины кургана и оказался за пределами рва, высота сооружения достигала 7 м. При этом наиболее вероятно, что вершина кургана была не уплощенной, а конусообразной.

Погребение 1 подпрямоугольных очертаний, размерами 4,85x3,7 м по верху и глубиной 1,95 м ориентировано с юго-востока на северо-запад. На глубине 0,7 м вдоль ее юго-западной стенки находилось хорошо выраженное заплечико, противоположное располагалось немного ниже. На поверхности обоих заплечиков сохранились остатки березовых бревен от перекрытия могильной ямы. Диаметр их 25 см, наибольшая длина 3,75 м. В одном направлении с этими бревнами на том же уровне лежали остатки бревен у короткой юго-восточной стенки. Размеры могильной ямы по дну — 4,2x2 м. В ее южном углу, примыкая к юго-западной стенке, имелся ориентированный по длинной оси могилы прямоугольный материковый выступ размерами 3x1,5 м, высотой до 0,5 м от дна. В каждом из четырех углов ямы на материковом выступе было сделано по круглой, с вертикальными стенками яме диаметром 25 см и глубиной по 0,5 м, в

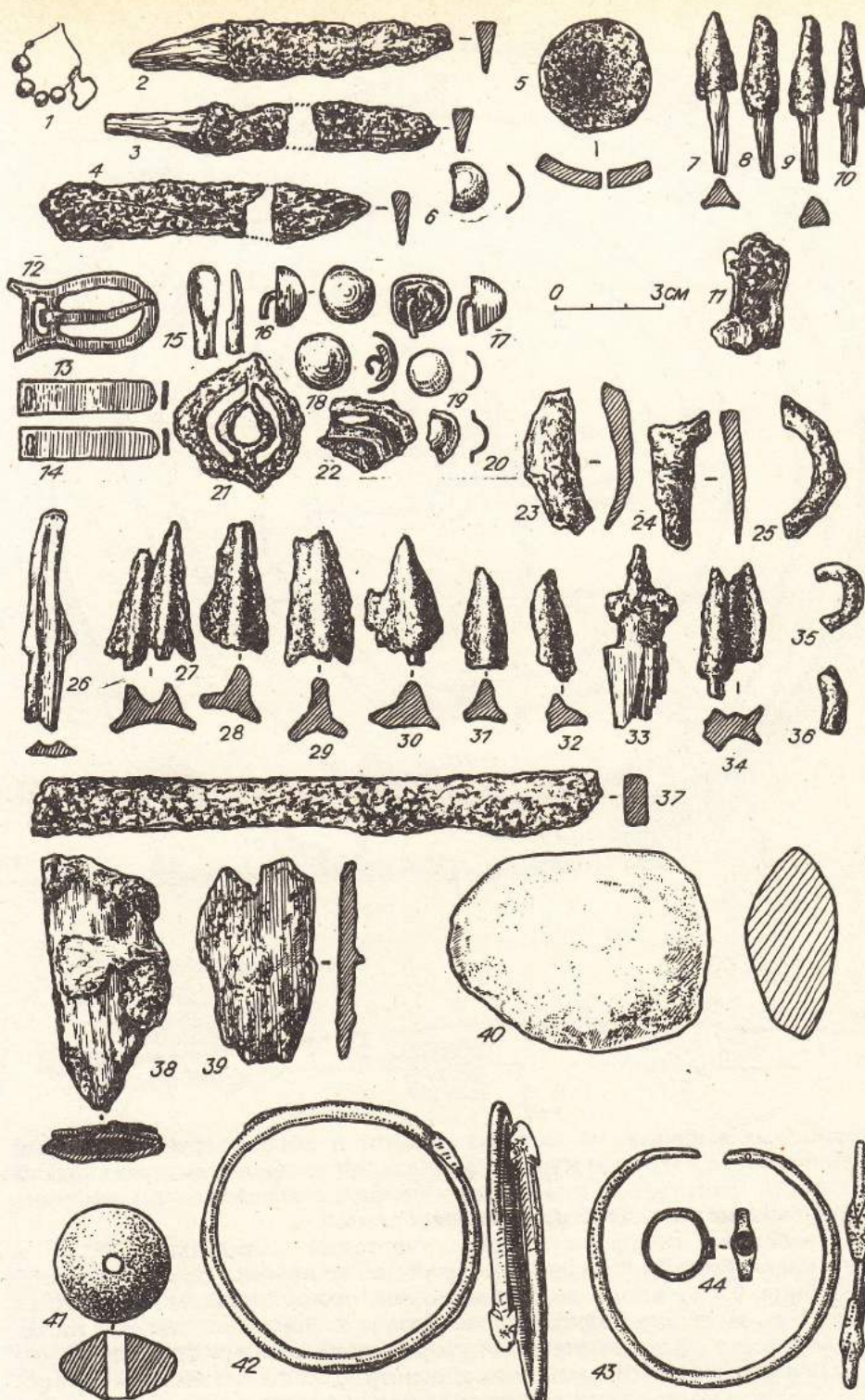

Рис. 10. Савиновский могильник. Инвентарь из погребений кург. 5.
 1, 2, 7-10 - погр. 1, 2; 3-6, 11-39 - погр. 3; 40-44 - погр. 4. 1 - стекло, янтарь; 2-5, 7-11,
 21-39 - железо; 6, 12-20, 42-44 - бронза; 40 - мел; 41 - глина.

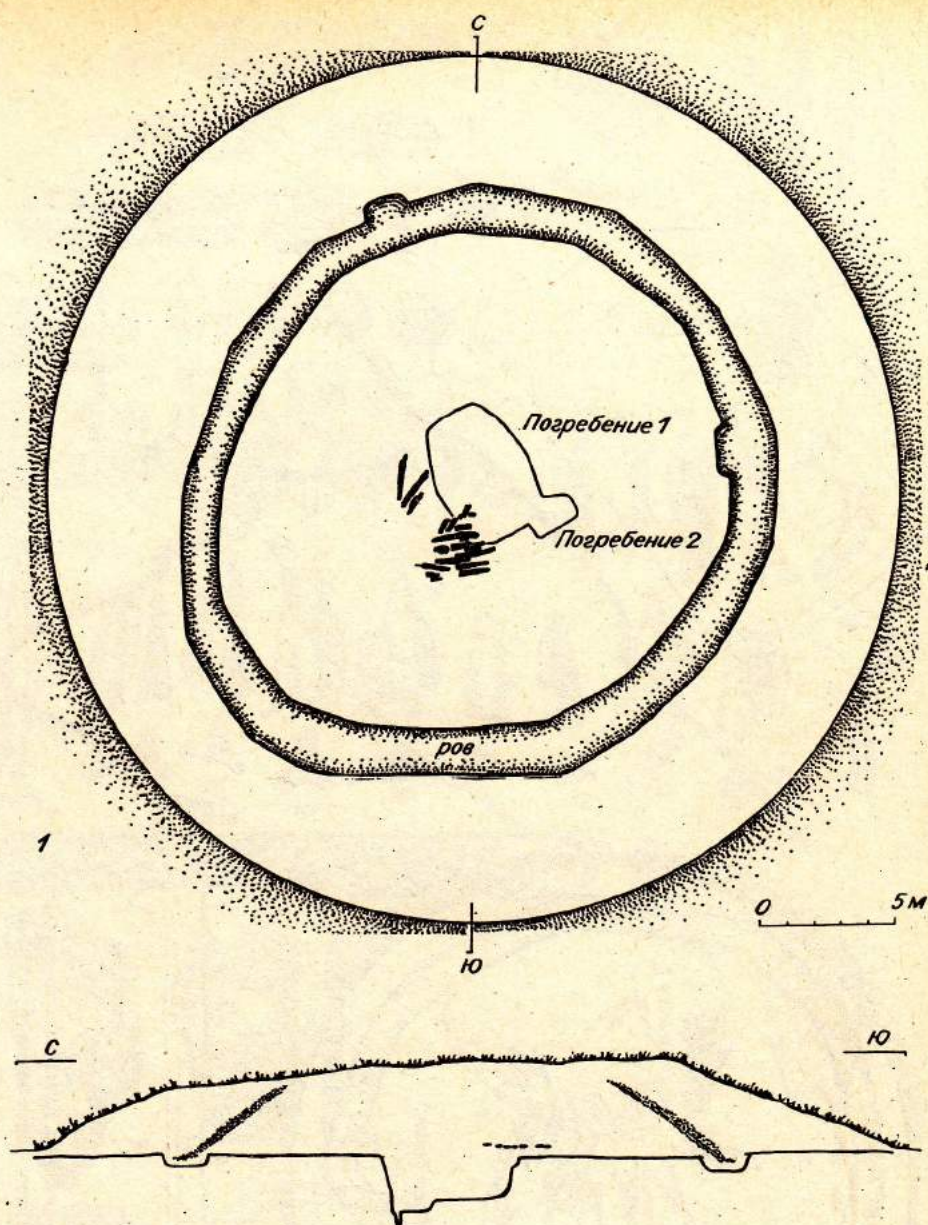
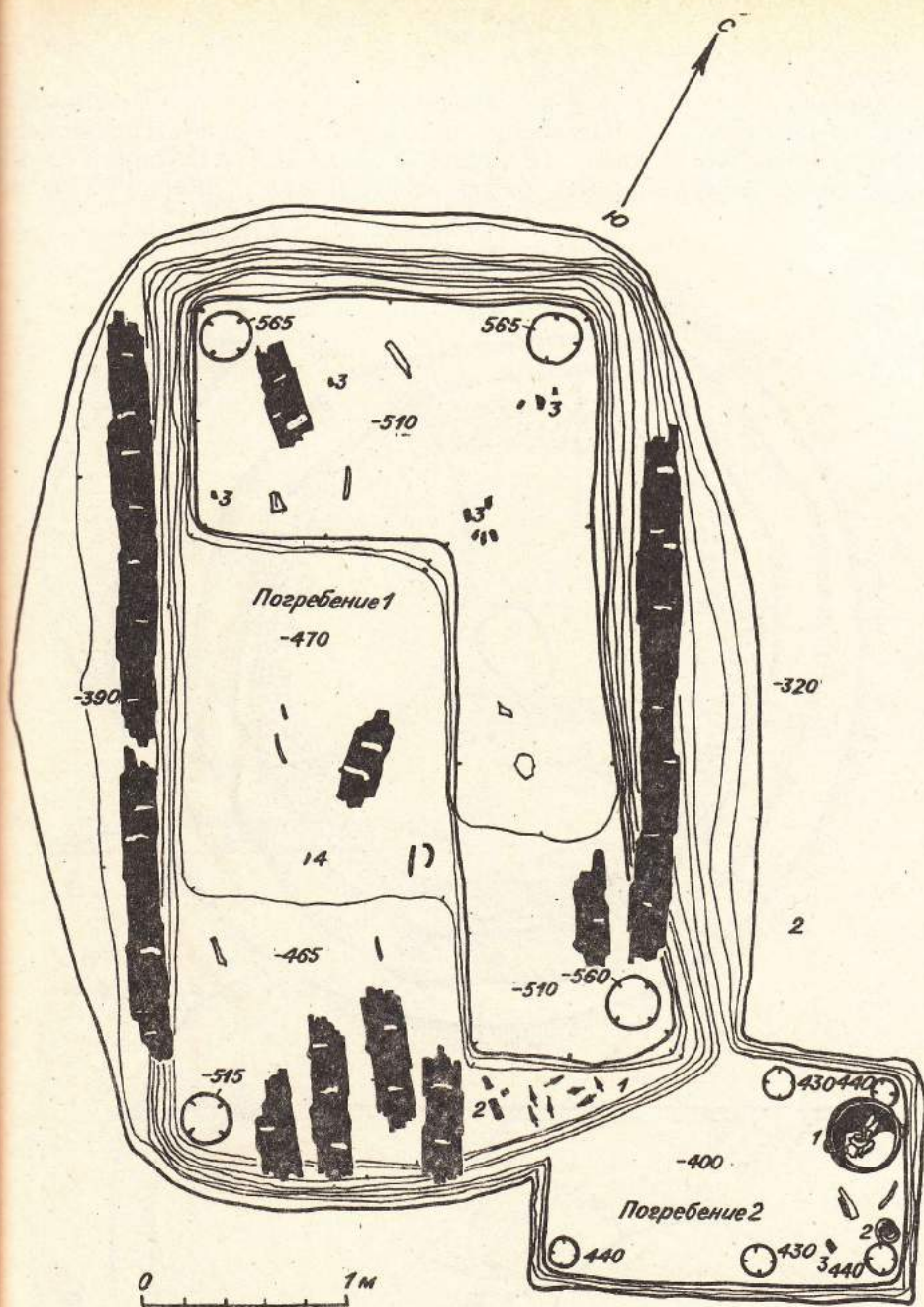

Рис. 12. Савиновский могильник. План и разрез кург. 7 (1) и план погребений 1, 2 (2).

заполнении отмечены остатки сгнивших деревянных столбов, очевидно поддерживавших перекрытие. В могиле находились разрозненные кости скелета взрослого мужчины. Из сопровождающего инвентаря обнаружено семь железных трехлопастных наконечников стрел (см. рис. 6, 5-12), обломки железного меча или кинжала плохой сохранности с остатками деревянных ножен, еще несколько обломков каких-то железных изделий, обломок костяного изделия, возможно, наконечника стрелы (см. рис. 6, 2, 4).

Погребение 2 прямоугольной в плане формы, размерами 1,9х1,3 м и глубиной 0,8 м ориентировано с юго-запада на северо-восток, располагалось вплотную к юго-восточному углу погр. 1 и частично его срезало. В ямках по периметру могилы стояли столбы, поддерживающие перекрытия могилы. Нетронутым грабителями оказался только небольшой

участок в ее северо-восточном конце, где сохранились крупный бронзовый котел с поддоном, содержащий остатки черепа молодой лошади (см. рис. 6, 13), горшок с треугольными фестонами на плечиках, остатки железного кельта-мотыжки (см. рис. 6, 3, 21), а также бедренная кость молодой овцы или козы и несколько лошадиных ребер. В заполнении находились кости взрослого мужчины, видимо, того же, что был похоронен в мог. 1, и обломок большой берцовой кости подростка.

Искровский могильник

Расположен в междуречье Ниж. Исети и ее правого притока р. Ингалы на увале Искра, в 1,2 км к юго-востоку от казахского аула.

С запада на восток по гребню увала неровной цепью вытянуты во семь курганов высотой 1,5–3 м. В 1982 г. А. В. Матвеевым и автором исследовано одно из сооружений.

Курган 1. Насыпь почти до материка была срыта при нивелировке поля. Обнаружено одно погребение, окруженное рвом почти правильной формы, диаметром около 20 м и шириной 1,2–1,4 м. Ров глубиной 0,9–1 м в разрезе конической формы. Выброс из рва лежал примерно на уровне

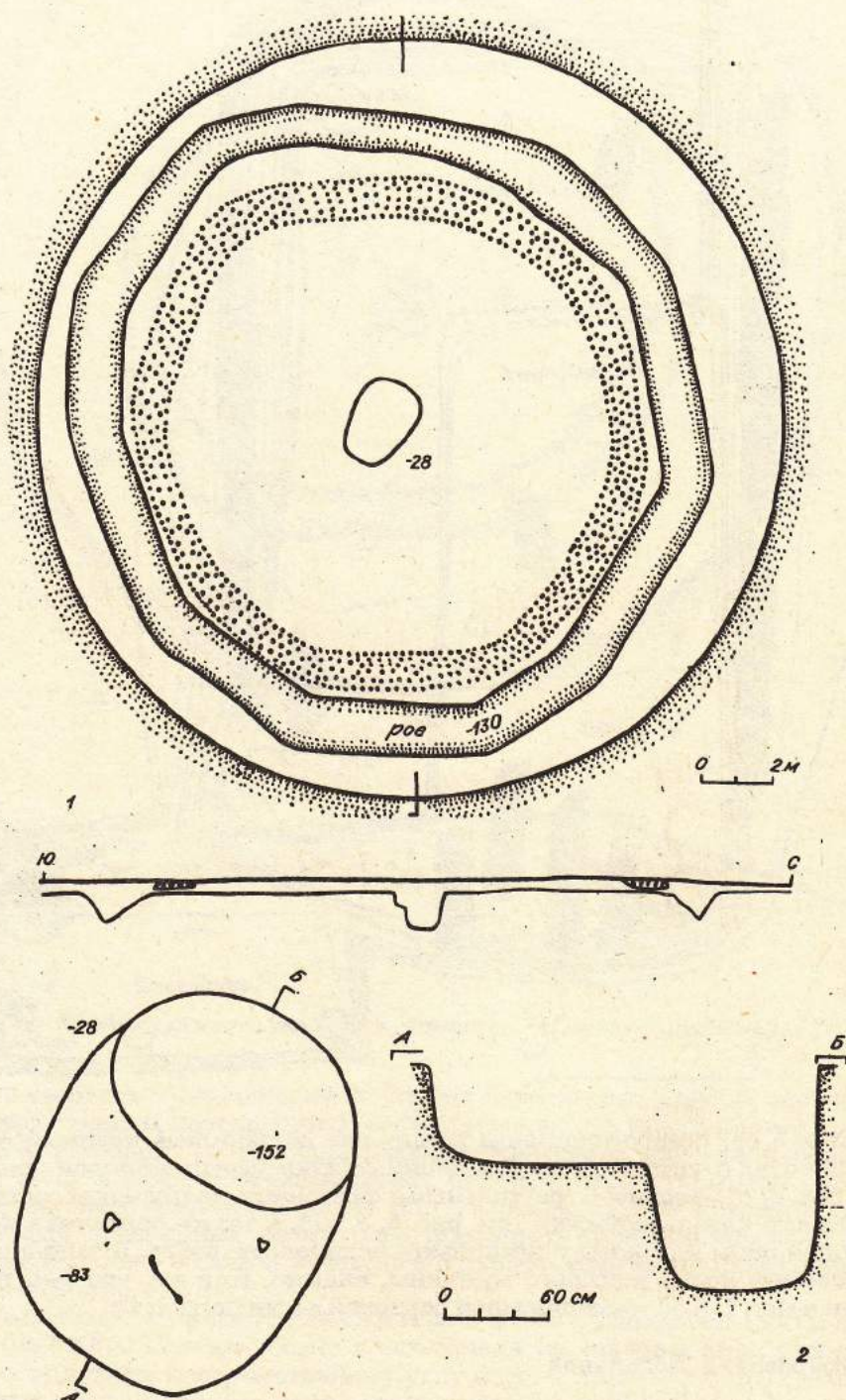
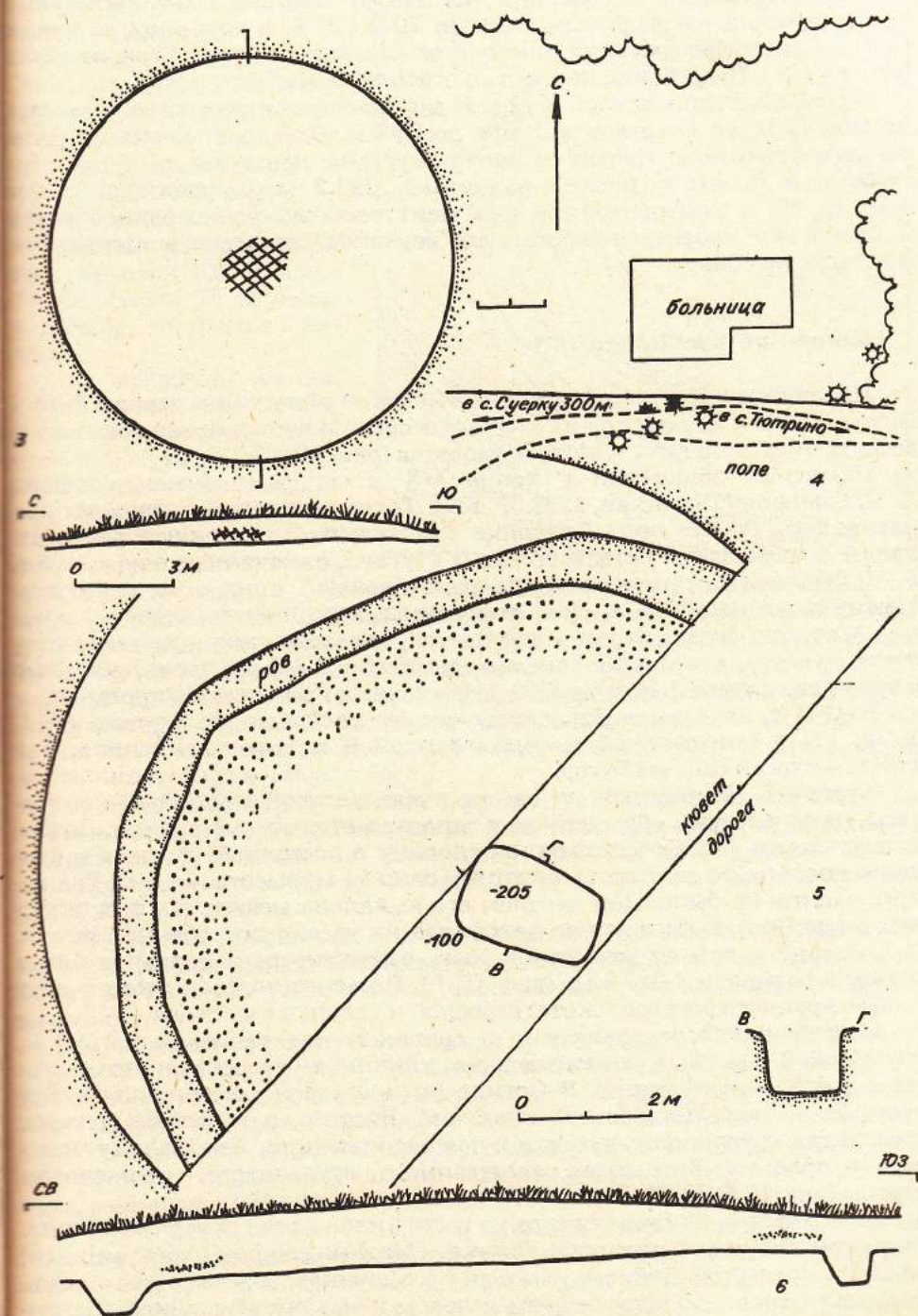

Рис. 13. Могильники Искровский, кург. 1 (1, 2) и Суерский (3–5).

погребенной почвы внутри подкурганной площадки. Могильная яма располагалась по центру кургана и была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток, в плане овальной формы. Размеры могилы по верху 1,3x1,75 м, глубина 0,55 м. В ее северо-восточном конце – овальное углубление размерами 1,6x1,3 м, глубиной 0,69 м. Возможно, что это грабительский лаз. Могила полностью ограблена. Найдены только фрагмент черепа и обломок берцовой кости человека (рис. 13, 1, 2).

Наличие многоугольного рва позволяет предположительно отнести исследованный курган к саргатской культуре.

Моги́льник Суерка-1

Расположен на высокой надпойменной террасе левого берега Тобола на восточной окраине с. Суерка возле дороги, идущей к селам Тютрино и Бызово. Включает семь курганов. В 1982 г. А. В. Матвеевым раскопано два кургана (рис. 13, 4).

Курган 1. Почти наполовину был разрезан при углублении кювета дороги. Диаметр кургана около 13 м, наибольшая высота – 0,4 м. Насыпь однородная, сложена из чернозема. Под насыпью обнаружены части рва многоугольной в плане формы, шириной 0,6–1 м, глубиной 0,4–0,5 м и полуразрушенное погребение по центру кургана. Моги́льная яма подпрямоугольной формы, размерами 2,15х1,35 м и глубиной не менее 1,05 м. Ориентирована по линии восток-юго-восток – запад-северо-запад (рис. 13, 5, 6). Погребение полностью ограблено. Находок нет.

Курган 2. Располагался в 12 м к северо-востоку от кург. 1. Диаметр насыпи 12 м, ее высота в рельефе до 0,38 м. Насыпь сложена из однородного чернозема. Прямо по центру кургана, примерно на уровне погребенной почвы, – прокол размерами 2х1,2 м, мощностью 0,15 м (рис. 13, 3). В нем обнаружен фрагмент необоженной черепной кости и несколько неорнаментированных черепков саргатского сосуда. Ров и могилы не обнаружены.

Моги́льник Красногорский-1

Находится в Исетском районе Тюменской области, на правом берегу Исети, в 1 км к юго-западу от д. Красногорка. Моги́льник занимает северо-западную площадку высокого урочища (рис. 14).

Памятник обнаружен в конце XIX в. Впервые о нем сообщил И. Я. Слонов [Талицкая, 1953, № 539]. Тогда площадь моги́льника распахивалась, но все поле бугрилось курганами. В настоящее время на пашне возвышаются четыре больших кургана, отмеченные еще в 1963 г. В. М. Фроловым, и на вершине большого холма один – Долгий Бугор. Между ними цепочками, ориентированными по линиям север – юг, запад – восток, северо-запад – юго-восток, северо-восток – юго-запад тянутся курганы меньшей величины (высотой 0,3–1,2 м), представленные в виде всхолмлений. Всего в 1982–1983 гг. нами насчитано 18 курганов.

В 1983 г. автором исследованы четыре распаханых кургана (№ 1, 3, 12, 17) в центральной и северо-западной частях моги́льника, а в 1984 г. – курган Долгий Бугор.

Курган 1. Находился на самом краю высокой надпойменной террасы, на ее выступе, обращенном к западу, в сторону д. Ботники. До раскопок насыпь была распахана наполовину в восточной части, в западной – сползла по склону. Диаметр кургана 14 м, высота – 0,7 м. Рва вокруг насыпи не было. Под центром его выявлена моги́льная яма округлых очертаний, выкид из нее находился на уровне погребенной почвы. В 2 метрах к югу от моги́льной ямы зафиксировано овальное пятно прокала размером 1,7х2,3 м (рис. 15, 1). В насыпи найдены кости двух особей крупного рогатого скота: взрослой и теленка 6 месяцев.

Погребение было совершено в овальной яме размером 2,2х1,7 м, глубиной 0,7 м. Яма ориентирована длинными сторонами по линии северо-запад – юго-восток. В могиле была захоронена женщина в возрасте 25–30 лет. Погребение ограблено. Видимо, в изголовье, справа, стояли два круглодонных сосуда и лежало пряслице, неподалеку находился обломок бронзового трехгранного втульчатого наконечника стрелы (рис. 16, 4; 17, 35–38).

В погребении найдена посуда из теста с небольшой примесью талька. Рядом обнаружены кусочки талька. Малый горшок, шаровидный, со слабо отогнутой шейкой, украшен по плечикам резными фестонами. Большой горшок с шаровидным туловом и вытянутой шейкой, по пле-

Рис. 14. Могильник Красногорский-1. Ситуационный план.

чикам украшен лентой, разделенной резными линиями на треугольники, по переходу от шейки к плечикам – рядом наклонных насечек. Пряслице плоское, цилиндрическое, из глиняного теста с примесью талька.

Курган 3. Отстоит на 130 м к востоку от обращенного в сторону Красногорки кург. 1 и является третьим в цепочке, вытянутой по линии запад – восток вдоль края третьей надпойменной террасы. Насыпь высотой 0,5 м, диаметром около 20 м была распахана, но хорошо заметна.

При вскрытии ее на уровне погребенной почвы в северо-восточном, юго-восточном и юго-западном секторах отмечены могильные выкиды, скопление расщепленных костей двух особей рогатого скота – овцы и лошади. В центре зафиксированы плохо сохранившиеся остатки бревенчатого перекрытия. Бревна лежали параллельно друг другу в направлении юго-запад – северо-восток. Толщина их 10–15 см. При зачистке на уровне материка выявлены очертания многоугольного рва. В западном поле кургана ров расширяется в трех местах и образует округлые ямы. Они появились позже самого рва, прорезают его, выкиды из них более массивны, около ямы 4 – отдельный выкид, не сливающийся с выкидом из рва (см. рис. 15, 6).

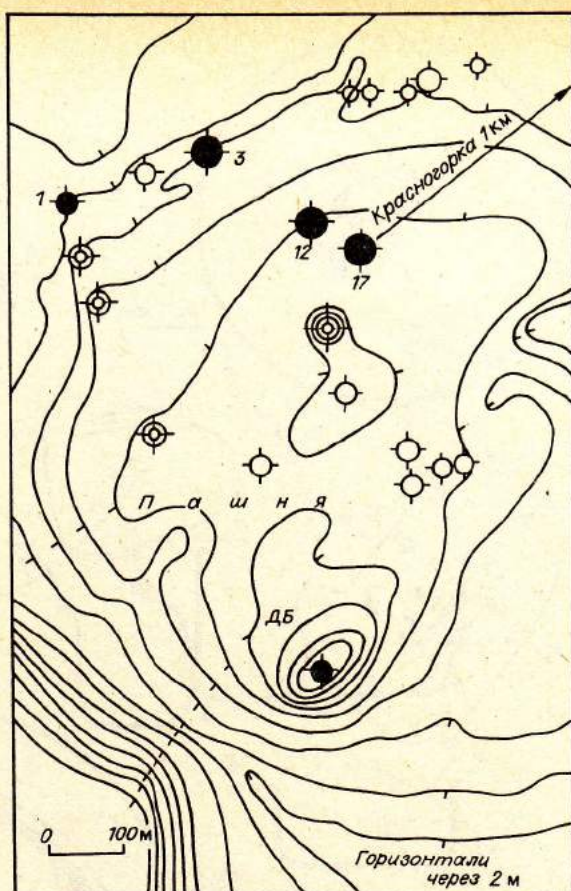
Ров имеет диаметр описанной окружности 17 м, ширина его 0,6–0,7 м, глубина 0,6 м, в разрезе конический. В выкопанных в нем ямах (2, 4, 7) находки отсутствовали, они были заполнены мешаной землей. Яма 2 овальной формы, размерами 1,3х0,8х1 м; 4, 7 – округлые соответственно 1,2х1,2х1 и 1,2х1х0,8 м.

У внутреннего края рва в северо-западном секторе обнаружена маленькая круглая ямка диаметром 0,4 м, глубиной 0,3 м, в заполнении ее ничего не найдено. Аналогичная ямка обнаружена в 1 м от основного захоронения.

Ров окружал курганный площадку с четырьмя глубокими ямами, напоминавшими по форме и размерам могильные. Но две из этих ям (5, 6) никаких находок не содержали. Яма 5 подтреугольной формы, с почти вертикальными стенками, изрытыми грызунами, размерами 2,3х1,5х1 м, яма 6 – также подтреугольная, со ступенькой в северной стенке, внизу подпрямоугольная, с вертикальными стенками, ровным дном, размерами 1,4х1,1х1,35 м (см. рис. 15, 2, 4).

В яме 1 размером 2,5х1,5х0,75 м, находившейся в 2 м южнее центра подкурганной площадки и вырытой до возведения насыпи, найдены сложенные в кучу отдельные кости скелета лошади (см. рис. 15, 5).

Единственное захоронение в кургане было совершено в центральной

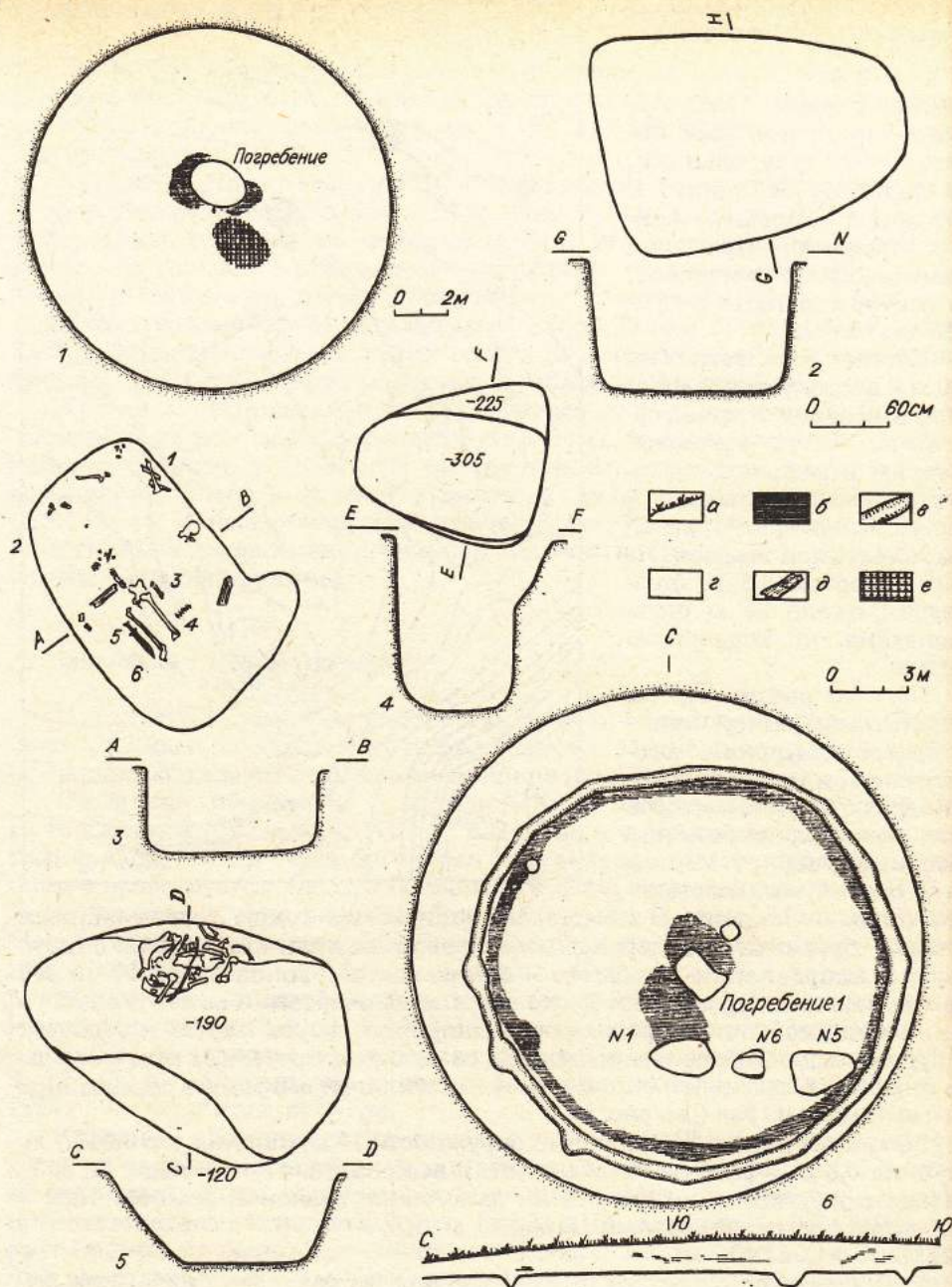

Рис. 15. Могильник Красногорский-1. Планы и разрезы курганов 1 (1) и 3 (2-6).
а — дерн; б — выброс; в — ров; г — насыпь; д — дерево; е — прокол.

части, в подпрямоугольной, ориентированной с юго-востока на северо-запад яме с небольшим выступом в восточном углу. Яма размерами 2,2x1,3 м имела глубину 65 см. Погребенный — мужчина не моложе 25 лет — был положен вытянуто на спине, головой на северо-запад. Погребение ограблено или сильно потревожено грызунами. Череп отсутствовал, сохранились крылья таза, позвоночные, бедренные и пястные кости. Кости грудной клетки, рук были разбросаны в головном конце ямы, берцовые кости отсутствовали. Возможно, голова была похищена вскоре после захоронения, так как основная часть скелета и вещи покойного остались на своих местах (см. рис. 15, 3).

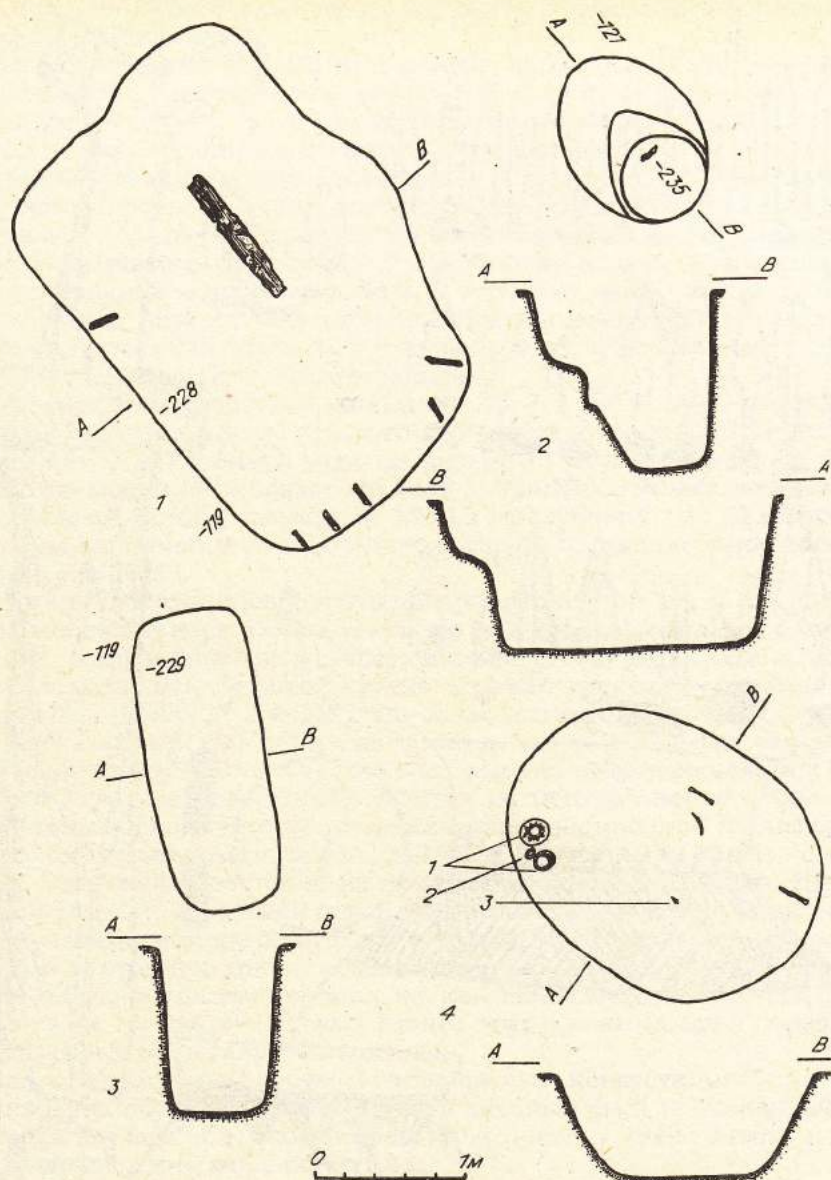

Рис. 16. Могильник Красногорский-1. Планы и разрезы погр.12 (1-3) и кург. 1 (4).

В головном конце могилы найдены обломки железного ножа, стеклянная бусинка с внутренней позолотой, несколько мелких фрагментов керамики, в области таза – бронзовая литая бабочковидная бляшка с петелькой на обороте и остатками кожаного шнура в отверстии (рис. 17, 33, 34). С бляшки, крылья которой украшены стилизованными изображениями голов грифонов, свисала тонкая железная цепочка с овальными звеньями, полностью коррозированная. У правого бедра найден железный кинжал с прямым брусковидным перекрестьем и серповидным навершием в деревянных ножнах (рис. 17, 39), у левого колена – лежавшие кучкой остриями вниз наконечники стрел в кожаном колчане с небольшими остатками древков во втулках, среди них 16 трехгранных втульчатых костяных, 15 железных черешковых и 3 бронзовых трехгранных (рис. 17, 1-32). Дно могилы ровное, остатки продольно лежавших и поперечных плах позволяют предположить, что перекрытие было двойное – продольно-поперечное.

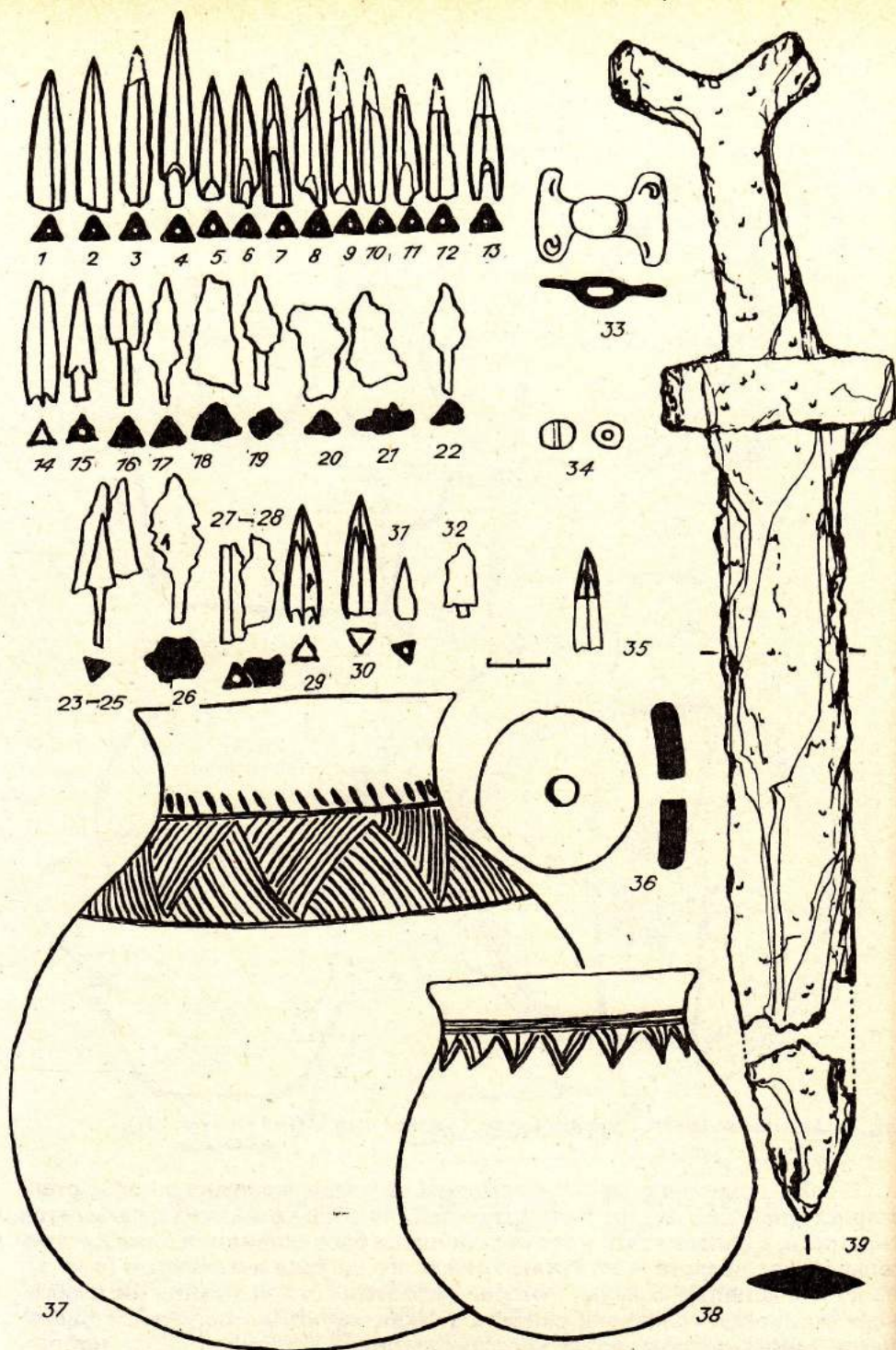

Рис. 17. Могильник Красногорский-1. Инвентарь из курганов 3 (1-34, 39) и 1 (35-38).
1-15, 31 - кость, 16-24, 26-28, 32, 39 - железо; 25, 29, 30, 33, 35 - бронза; 34 - стекло; 36-38 - глина.

Курган 12. Находился в 100 м южнее кург. 3. Высота его 0,5 м, диаметр 25 м. В юго-западном секторе в насыпи кургана обнаружены в анатомическом порядке кости крупного животного. Под скелетом была рыхлая масса коричневого цвета, лежавшая складками, толщина

ее разная — от 0,5 до 2 см. Видимо, это шкура животного, положенная на берестяную подстилку.

Две могилы, расположенные в центре, окружены замкнутым многоугольным рвом. Кольцевидный выкид шириной 0,6–0,7 м сделан на подкурганную площадку. Ров в разрезе конический, ширина его 1,5 м, глубина 0,8 м, диаметр описанной окружности 20 м (рис. 18, 1).

Погребение 1 совершено в обширной прямоугольной яме глубиной 1,9 м, ориентированной с юго-востока на северо-запад. Вдоль юго-западной стенки — заплечико шириной 12 см (см. рис. 16, 1). Прослежены остатки бревенчатого перекрытия — продольные плахи вдоль длинных стен, поперечные — вдоль коротких. В торцовых частях могилы обнаружены остатки вертикально стоявших бревен толщиной 15–20 см. На стенках в придонной части ямы видны отпечатки дерева — вероятно от облицовки камеры. Полностью ограблена.

Погребение 2 находилось западнее погр. 1, в узкой, ориентированной по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток, прямоугольной яме размерами 0,8х1,9 м, глубиной 1,1 м (см. рис. 16, 3). Ограблено.

Южнее могил зафиксирована яма, оставленная кладоискателями. Она овальной формы, размерами 0,9х1,2 м, глубиной 1,14 м. Наклонно, колодцем, заполнение с вкраплениями серого песка шло к погребениям 1 и 2 (см. рис. 16, 2).

Курган 17. Находился почти в центре могильника и в 60 м к востоку-северо-востоку от кург. 12 и на таком же расстоянии от большого кургана с хорошо сохранившейся насыпью, значившегося, видимо, в описании И. Я. Словцова как Большой красногорский курган окружностью 65 м, высотой 7 м [1890, № 238–249]. По словам местных жителей, кург. 17, ныне распаханый, был одним из самых высоких (возможно, это так называемый Черный). К началу раскопок высота насыпи составляла 0,8 м, диаметр 30 м. На поверхности выкида из центральной могилы были обнаружены остатки истлевшей деревянной конструкции. Концы бревен этой конструкции отстояли на 1,5–2 м от внутреннего кольца выкида из рва. Сооружение состояло из двух слоев березовых бревен. Нижний ряд был уложен на древней поверхности поверх выкида из могилы концентрическими, вписанными один в другой, многоугольниками, составленными из отрезков толстых бревен длиной 1,2–2,5 м. Поверх этого слоя длинные бревна уложены радиально, комлевыми частями к периферии, верхушками к центру кургана. Концы этих бревен заходят поверх тех, которые образуют перекрытие могилы.

Над юго-восточным краем могильной ямы конструкция была обожжена: бревна обуглены, фиксировался мощный слой прокаленной земли, прокален был весь слой погребенной почвы у края могилы и даже слой глины под ним мощностью 0,2 м.

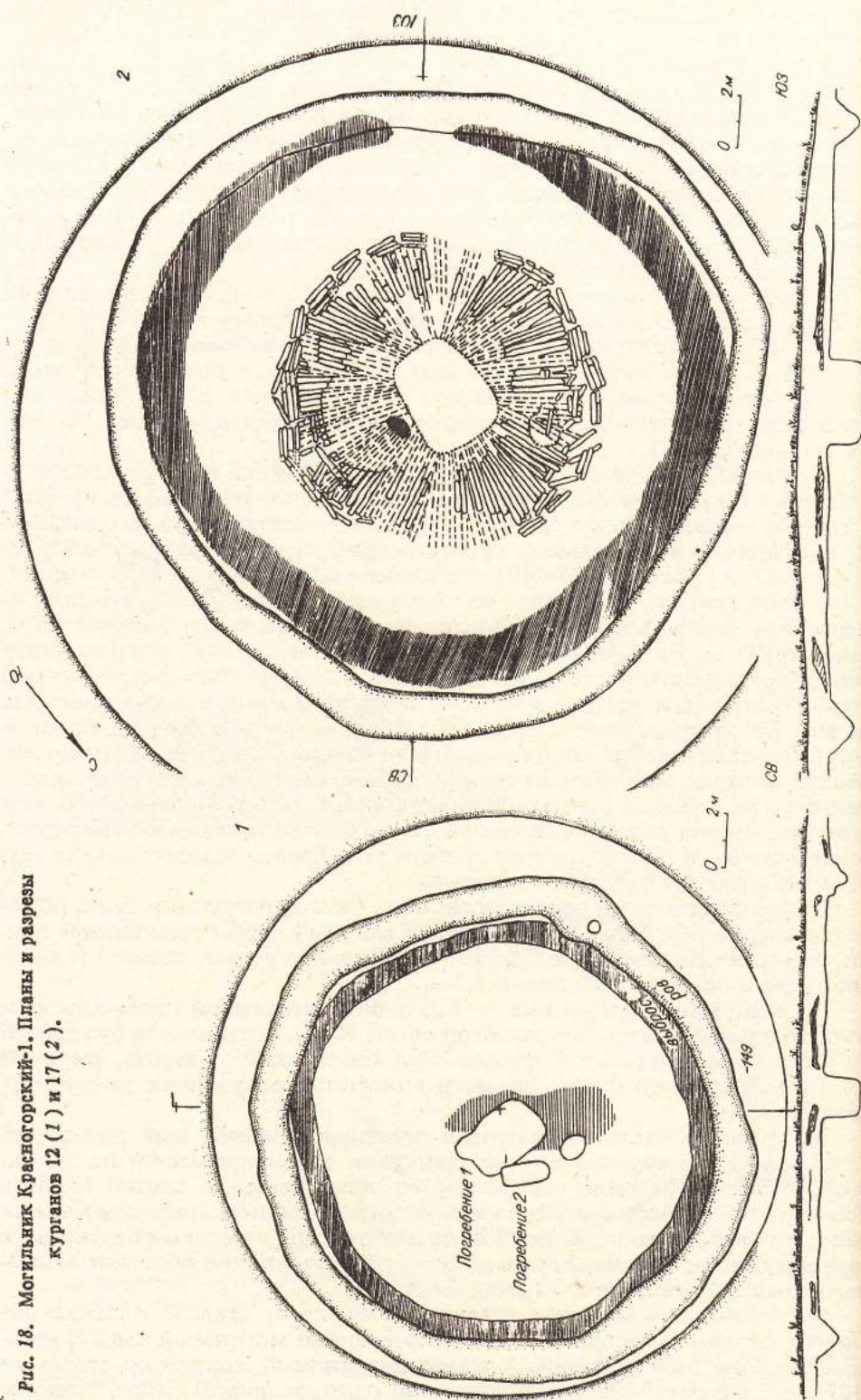
В целом конструкция имела вид низкой усеченной пирамиды или многоугольной платформы высотой около 60 см, поэтому и окружавший ее ров был многоугольной формы. Ров конический в разрезе, шириной 1,6–1,8 м, глубиной 0,5 м. Диаметр описанной окружности вокруг рва 26 м (рис. 18, 2).

Захоронение было совершено в подпрямоугольной яме размерами 3,9х2,9х1,35 м с вертикальными стенками, ориентированной по линии север — юг. Погребение ограблено, но часть вещей и костей нижних конечностей погребенного осталась непотревоженной. Найдены мелкие обломки бронзового изделия (сосуда или зеркала с высоким бортиком) с гравированным елочным орнаментом, а также мелкие обломки железного ножа, золотая бляшка (рис. 19, 118, 134).

Погребенный — мужчина старше 30 лет, но не старый — лежал вытянуто на спине, головой на север, посередине могильной ямы. В изголовье справа был положен большой деревянный колчан со стрелами (107 экз.), а сверху — наборный костяной панцирь, рядом с ним, ближе к стенке могилы — бронзовый кельт на деревянной рукояти. Панцирь был помят грабителями. При расчистке обнаружено около 40 пластин размерами 10х4 и 10х3 см, они плотно прилегали друг к другу, заходя одна

Рис. 18. Могильник Красногорский-1. Планы и разрезы курганов 12 (1) и 17 (2).

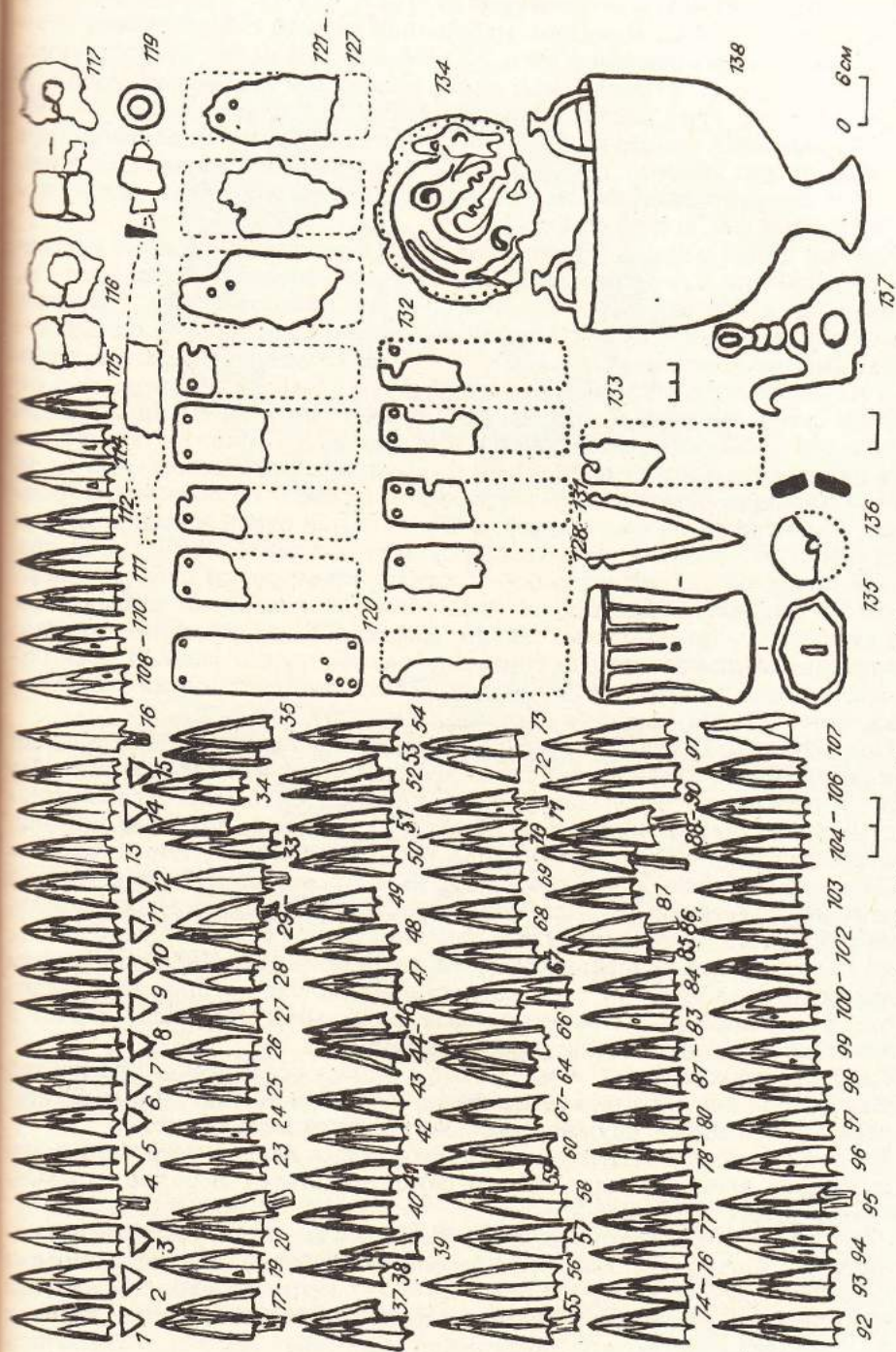

Рис. 19. Могильник Красногорский-1. Инвентарь кург. 17.
1-106, 108-115, 119, 135-138 - бронза; 116-118 - золото; 136 - глина; 107, 120-133 - кость.

на другую. При разборке панциря было выявлено два слоя: верхний – пластины обращены выпуклой сторсной вверх и нижний – плоской поверхностью вверх. Все пластины закреплены рядами сверху вниз на спине и груди, по бокам панциря – поперек. В северо-восточном углу найдены бронзовая литая подвеска и кольцо на кожаном ремешке, обломки каких-то железных обойм (рис. 19, 1–107, 116, 117, 119, 120–133, 137). У левой голени лежал еще один небольшой колчан с бронзовыми стрелами (8 экз.), остриями вниз (рис. 19, 108–115). В ногах погребенного, в юго-восточном углу могильной ямы, находился бронзовый котел. В северо-западном углу могилы, там же, где был найден кельт (рис. 19, 135, 138), зачищены остатки двух досок и коры (бересты), застилавшие пол ямы. В заполнении могилы также найдены: обломок пряслища, фрагмент андроновской керамики, кусочек мела. Материал опубликован [Матвеева, 1987а, с. 60–67].

Курган Долгий Бугор. Находится на юго-западной окраине курганного могильника Красногорский-1, на вершине холма. Высота его 2 м, диаметр 21 м. По структуре насыпь кургана слоистая, что отражает, видимо, производившуюся подсыпку. Находившийся сверху под дерном слой темно-серой земли мощностью 40–100 см составляет верхнюю часть насыпи. Темно-коричневая супесь мощностью 30–40 см – в виде двух отдельных линз, причем наиболее обширная – под слоем темно-серой земли в северной поле, небольшая – под дерном – по центру. Основную часть насыпи составляет слой бурой рыхлой земли мощностью до 1,1 м. По всей площади кургана он перекрывает погребенную почву и выбросы могил. В центральной части кургана слой рыхлой бурой земли разделен однородной прослойкой темно-серой супеси толщиной 40–50 см. Погребенная почва представляет собой плотную темно-серую супесь толщиной 20–30 см. Вокруг могильной ямы обнаружен мощный выброс желтого суглинка – до 30–50 см, поверх выкида были уложены толстые бревна надмогильного сооружения, превратившиеся в тлен. В нескольких местах насыпи и над могилой прослежены мощные линзы (до 25 см) прокаленной земли – остатки кострищ.

Под насыпью в центре кургана обнаружена обширная и глубокая могильная яма 1, окруженная слоем суглинистого желтого выкида. По краям и поверх этого выкида уложены в один слой многоугольником толстые бревенчатые обрезки до 30 см в диаметре и до 2–3 м длиной. Пространство внутри многоугольника было заполнено уложенными не менее чем в два слоя березовыми бревнами. Бревенчатая надмогильная конструкция частично истлела, частично была разрушена грабительскими вкопами, над погребением она практически не сохранилась. Однако, судя по уцелевшим участкам, сооружение можно считать аналогичным обнаруженному в кург. 17 того же могильника. Это не шатровое сооружение, рухнувшее под тяжестью насыпи, а многослойный настил в форме призмы или усеченной пирамиды (рис. 20).

На бревенчатом настиле и в насыпи обнаружено несколько костей животных. Рва вокруг кургана не было, что объясняется, видимо, крутыми склонами холма, служившими ему естественной защитой.

В 2,5 м к северу от центрального находилось второе погребение, перекрывавшее выкид из мог. 1, что свидетельствует о более позднем характере захоронения 2.

Погребение 1 центральное, ориентировано по линии северо-запад – юго-восток. Могильная яма прямоугольной формы, со скругленными углами. Размеры 4,8х3,8 м, глубина 1,8 м. Полностью ограблена. Стенки могильной ямы отвесные, укрепленные мощным заплотом из толстых (до 30 см) березовых бревен. Деревянная облицовка могилы сохранилась лишь в ее северо-западной части, в других частях она была разрушена грабителями. Заплот по северо-западному краю могильной ямы состоял из двух рядов вкопанных впритык друг к другу столбов, пространство между рядами шириной в одно бревно, так же как и пространство между вто-

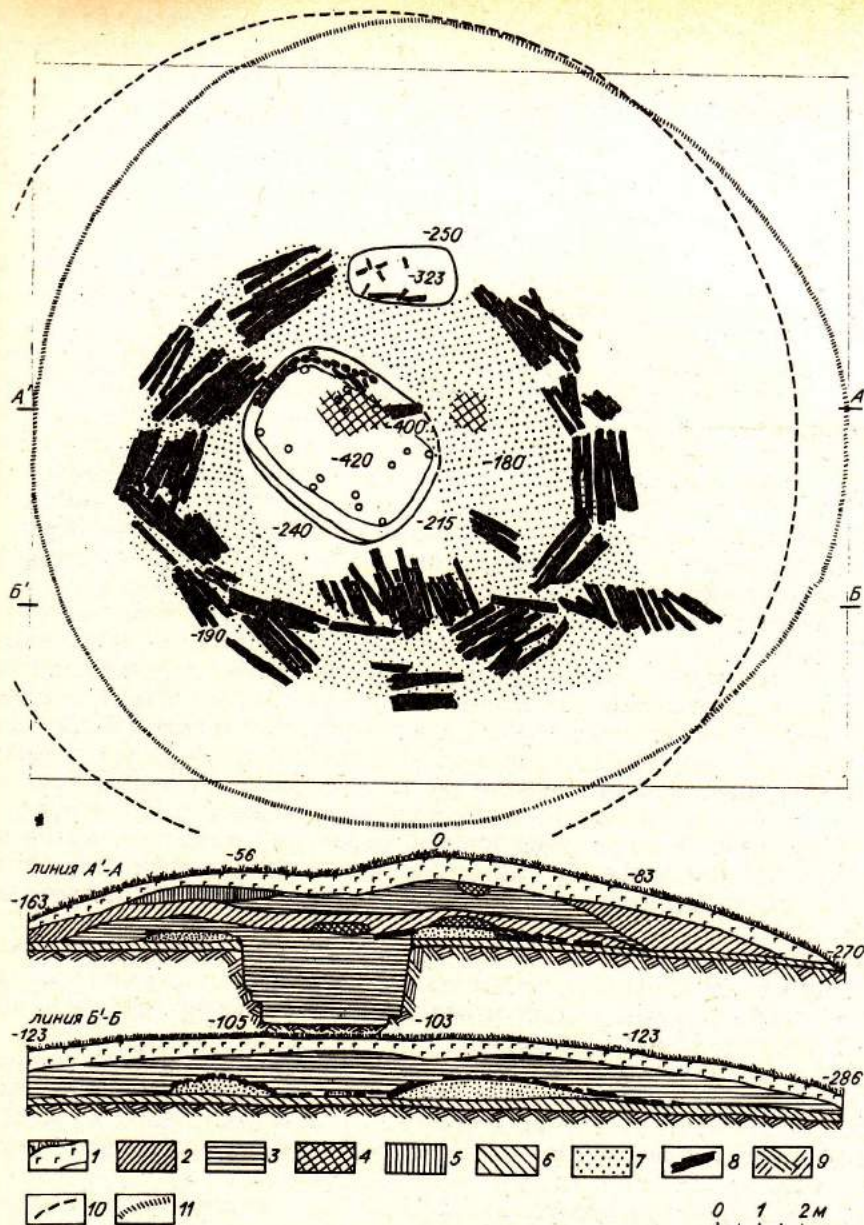

Рис. 20. Могильник Красногорский-1. План и разрез кургана Долгий Бугор.

1 — дерново-гумусный слой; 2 — темно-серая земля; 3 — бурая темная рыхлая; 4 — прокол; 5 — темно-коричневая супесь; 6 — погребенная почва; 7 — суглинистый выкид; 8 — дерево; 9 — материк; 10, 11 — предполагаемые границы насыпи.

рым рядом и стенкой камеры, было плотно заложено горизонтальными рядами бревен. Пол могильной ямы ровный, с ямками от столбов. В северо-западном углу могильной ямы в такой ямке стоял полуистлевший столб высотой 40 см, диаметром 15 см. Реальные размеры столбов вполне соответствуют столбовым ямкам и могут быть определены по размеру последних. Глубина ямок 5–70 см, диаметр 20–25 см. В верхних слоях заполнения могилы найдены фрагменты плечевой кости человека и по одной кости крупного и мелкого рогатого скота. В северном конце могильной ямы на ее дне найден истлевший наборный костяной панцирь.

Погребение 2 впускное, располагалось в трапецевидной яме со скругленными углами размерами 2,5х1,3 м, глубиной 73 см. Яма ориен-

тирована по линии запад – восток; расширенный восточный конец, видимо, был головным. Стенки отвесные. Погребение перекрыто накатом в два яруса: верхний – бревнами, положенными поперек, нижний – положенными вдоль, толщина их 12–15 см. Захоронение полностью ограблено. По особенностям погребального сооружения, характеру могильных ям и находок в погр. 1 курган Долгий Бугор близок курганам 12 и 17 могильника Красногорский-1, что позволяет отнести его к саргатской культуре и датировать IV–III вв. до н. э.

Могильник Красногорский-2

Находится в 2,3 км к юго-западу от д. Красногорки в Исетском районе Тюменской области, в глубине высокой надпойменной террасы правого берега р. Исеть, не менее чем в 40 км над уровнем поймы. Впервые описан И. Я. Словцовым [1890]. Памятник представляет собой группу из небольших цепочек курганов, ориентированных по линиям север – юг, запад – восток, северо-восток – юго-запад. Насчитывает 11 курганов высотой 0,3–5 м, диаметром 12–48 м. Нами в 1986 г. исследован кург. 1, многократно ограбленный, в последний раз – местными жителями, которые действовали с помощью бульдозера.

Курган достигал в высоту 5 м, в диаметре 33 м. Основная часть насыпи состояла из темно-серой супеси разной плотности, нарушенной перекопками и норами. В заполнении грабительской ямы наблюдалась серая супесь с вкраплениями глины. Выкиды из могил земли, смешанной с глиной или чистого суглинка, имели вид линз толщиной 0,2–0,3 м. Несмотря на наличие под насыпью валика шириной 1,8–2,8 м и высотой 0,4–0,6 м, являющегося в курганах обычно выкидом из рва, сам ров обнаружен не был, хотя насыпь была раскопана полностью. Следует заключить, что ров, окружающий курган, вероятно, отстоял от краев насыпи на 7–8 м или более. Другая особенность планиграфии погребений кург. 1 – несовпадение центра насыпи и центрального погребения (рис. 21, 1).

Погребение 1. Могильная яма прямоугольной формы, размерами 2,4х5,9 м, глубиной 130 см находилась в 1,5 м к юго-западу от геометрического центра кургана, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад, повреждена бульдозером.

Погребение 2. Находилось под северной полой насыпи. Могильная яма размерами 1,7х0,75 м и глубиной 0,15 м от уровня материка была ориентирована по линии запад – восток. Стенки отвесные, дно ровное. Погребение ограблено. Вдоль длинных стенок могилы лежали крупные обломки саргатского горшка с елочным узором (рис. 21, 9).

Погребение 3. Расположено в восточной части кургана в яме со скругленными концами размерами 1,9х0,9 м, ко дну сужается до размеров 1,8х0,8 м, глубина могилы 0,4 м. Погребенный – мужчина старше 25 лет, ростом 177–184 см, лежал в центре могильной ямы вытянуто на спине, головой на северо-запад. У левой голени найдены два плоских бронзовых очень маленьких наконечника стрел, кованых, ромбической формы (рис. 21, 7, 8).

Погребение 4. Находилось под западной полой. Могильная яма порчена неоднократными вторжениями грабителей. Погребение размерами около 1,25х2,2 м, глубиной 0,33 м ориентировано по линии запад – восток, вдоль – небольшие заплечики шириной 5–12 см. Находок нет.

Погребение 5. Находилось под юго-западным краем полой кургана, в прямоугольной обширной яме размерами 1,98х3 м и глубиной 1,35 м, ориентировано по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Найдены большие куски бересты, поверх которых лежали небольшие прутья и остатки бревен. В юго-западном углу могильной ямы на глубине 78 см от края находилась ступенька шириной 26 см. Встречено большое количество обломков железных изделий, а также найдены три целых желе-

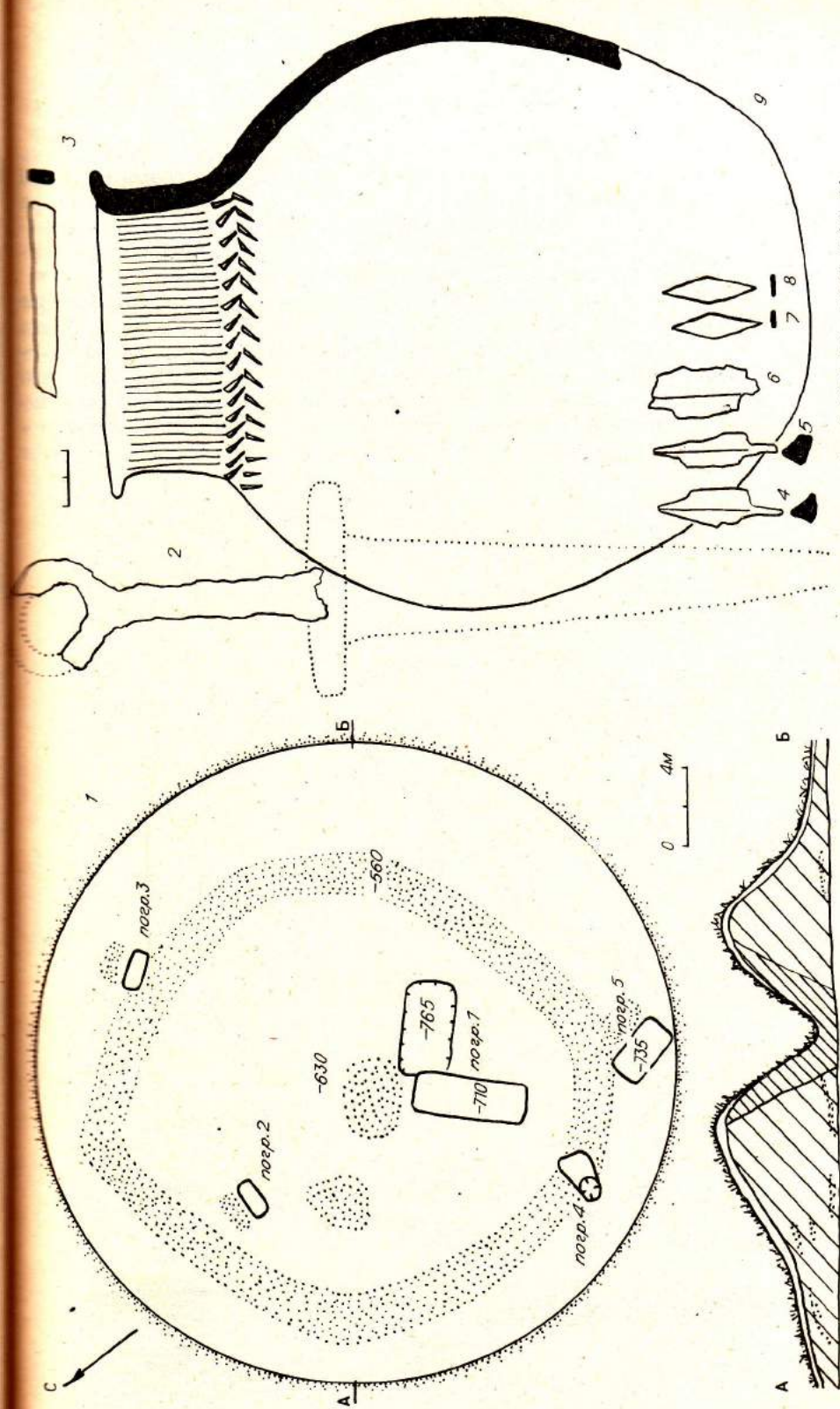

Рис. 21. Могилище Красногорский-2. План и разрез кург. 1 (1) и инвентарь из погребений 3 (7, 8) и 2 (9), 5 (2-4).
2-6 — железо, 7, 8 — бронза, 9 — глина.

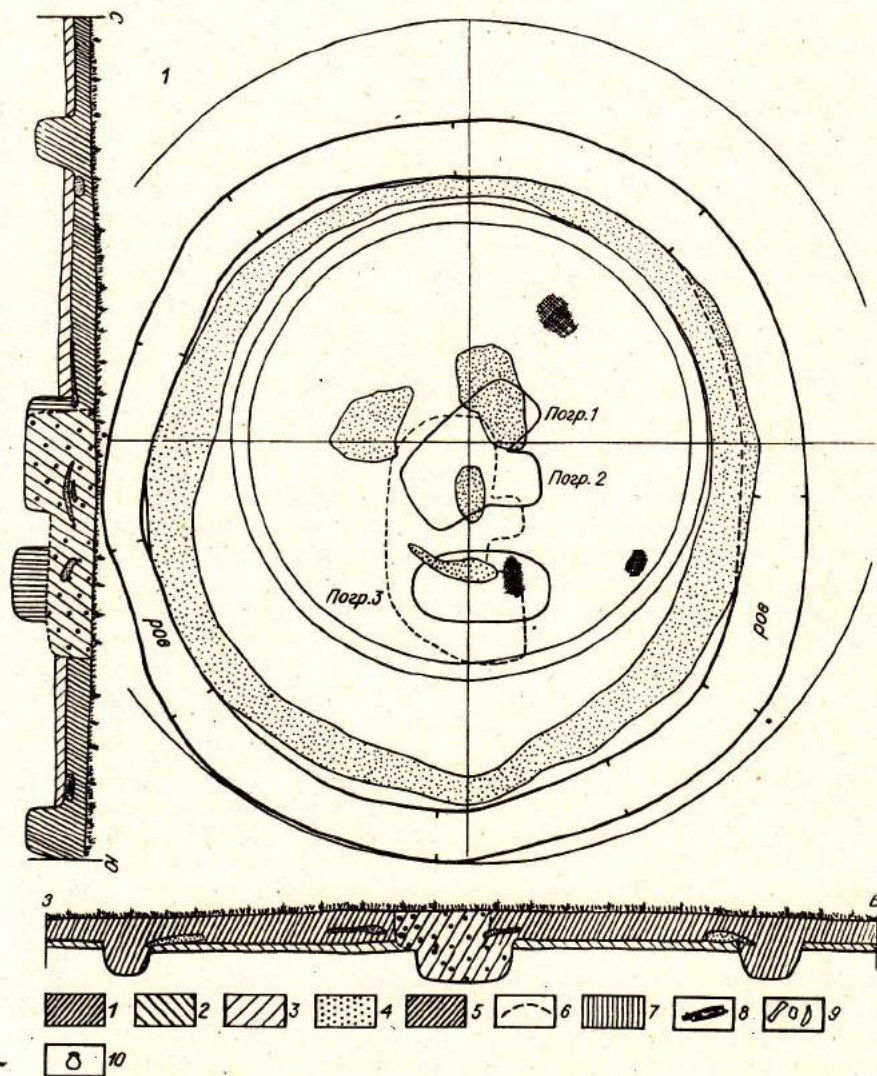

ных трехлопастных наконечника стрел и девять фрагментов, рукоять железного кинжала с кольцевидным навершием и, видимо, прямым перекрестием (рис. 21, 2, 4). Разрозненные кости скелета принадлежали мужчине в возрасте 30–40 лет.

Моги́льник Красногорский Борок

Моги́льник Красногорский Борок расположен в 2 км западнее д. Красногорка Исетского района Тюменской области, представляет собой скопление из 10 курганов, насыпанных цепочкой с северо-востока на юго-запад на первой надпойменной террасе р. Исети, на берегу Красногорской старицы, распаханых. Моги́льник открыт в XIX в. И. Я. Слобцовым [1890]. В 1984 г. автором исследовано два кургана.

Курган 1. Находился на юго-западном конце моги́льной группы. Его высота 0,25 м, диаметр насыпи 14 м. Курган, насыпь которого сложена из чернозема, окружен замкнутым трапециевидным в разрезе, многоугольным рвом шириной 105 см и глубиной 50 см. Выброс из рва сделан вовнутрь подкурганной площадки и зафиксирован на уровне погребенной почвы. В заполнении рва встречены мелкие косточки, в насыпи — черепок, угли, обугленное дерево. В северо-восточном секторе в 1 м от

от погр. 1, над мог. 3 и в 1,5 м к востоку, в юго-восточном секторе, обнаружены небольшие линзы прокаленной земли (до 5–8 см), рядом с которыми – мелкие кости животных, в юго-западном секторе – зубы молодой лошади (рис. 22, 1).

Погребение 1 совершено в прямоугольной яме со скругленными углами, размерами 2,5х1,1 м, ориентировано на северо-восток. Глубина могильной ямы от уровня материка 55 см, стенки отвесные (рис. 23, 4). В северо-восточной части могильной ямы обнаружены развал саргатского сосуда, украшенного насечками (рис. 24, 5), мелкие кости скелета мужчины в возрасте старше 40 лет, железный нож, истлевшие зубы домашнего животного. Погребение ограблено. В засыпке ямы встречены угли, прокаленная земля.

Погребение 2 совершено в прямоугольной яме со скругленными углами, размерами 2,05х0,9 м, глубиной 65 см от уровня материка. Погребение ориентировано по линии запад – восток и перекрывает погр. 1 (см. рис. 23, 4). Стенки могильной ямы отвесные, дно ровное. Найден обломок черепной крышки женщины 20–30 лет, несколько фрагментов керамики (см. рис. 24, 26). В засыпке встречены угли, прокаленная земля.

Погребение 3 совершено в широкой подовальной яме, ориентировано по линии запад – восток. Стенки могильной ямы отвесные, дно ровное

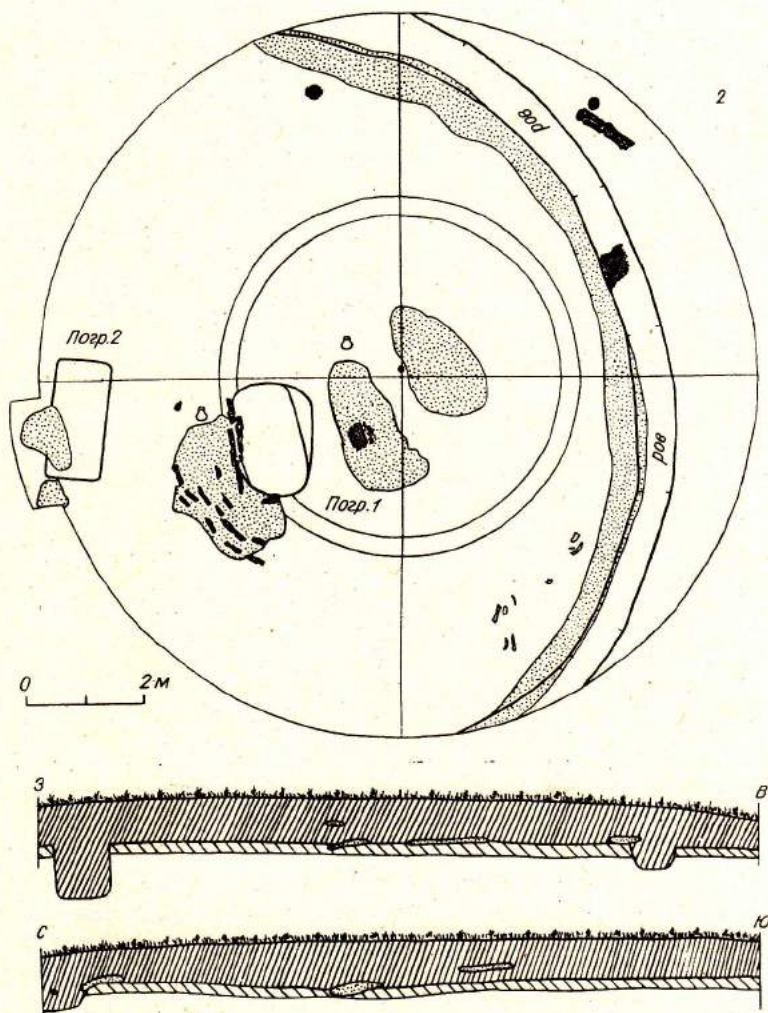

Рис. 22. Могильник Красногорский Борок. Планы и разрезы курганов 1 (1) и 2 (2). 1 – насыпь; 2 – погребенная почва; 3 – заполнение грабительской ямы; 4 – выброс; 5 – границы грабительской ямы; 6 – заполнение погр. 3; 6 – дерево; 8 – кости; 9 – сосуды.

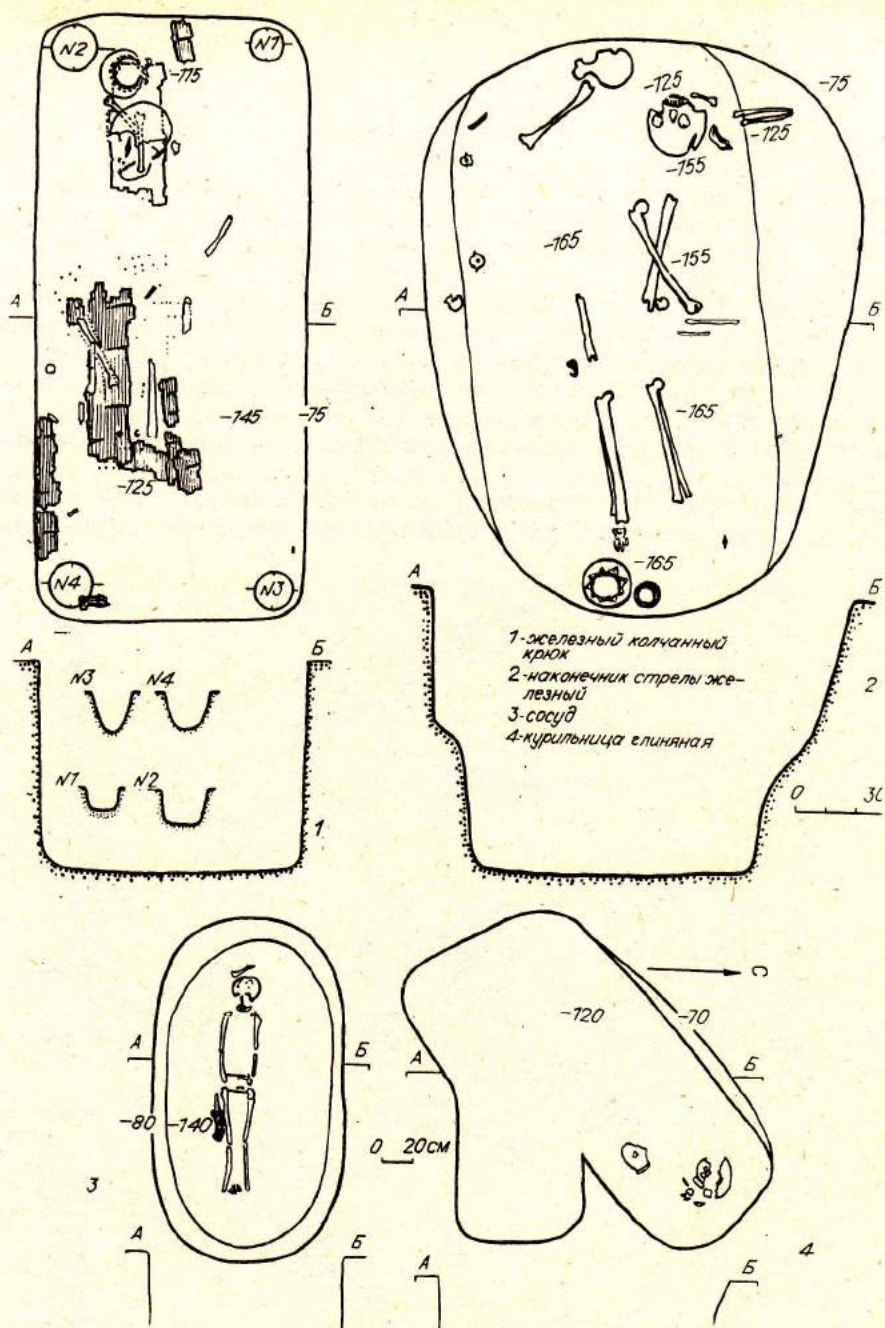

Рис. 23. Могильник Красногорский Борок. Планы и разрезы погр. 1(2) и 2 (1) кург. 2, погр. 1, 2 (4) и 3 (3) кург. 1.

(рис. 23, 3). Длина могильной ямы 2,25 м, ширина 1,3 м. Скелет женщины 50–60 лет лежал вытянуто на спине в центре могильной ямы, головой на восток. Заполнение могильной ямы изобиловало углем и комками прокаленной земли. Очевидно, погребенная была засыпана углями горящего костра, разведенного в стороне. Руки ее были вытянуты вдоль туловища, кисти сложены в области таза. Вдоль правого бедра находился кинжал в берестяных ножнах малинового цвета (рис. 24, 3). В области пояса найдены остатки широкого (12 см) кожного пояса с брон-

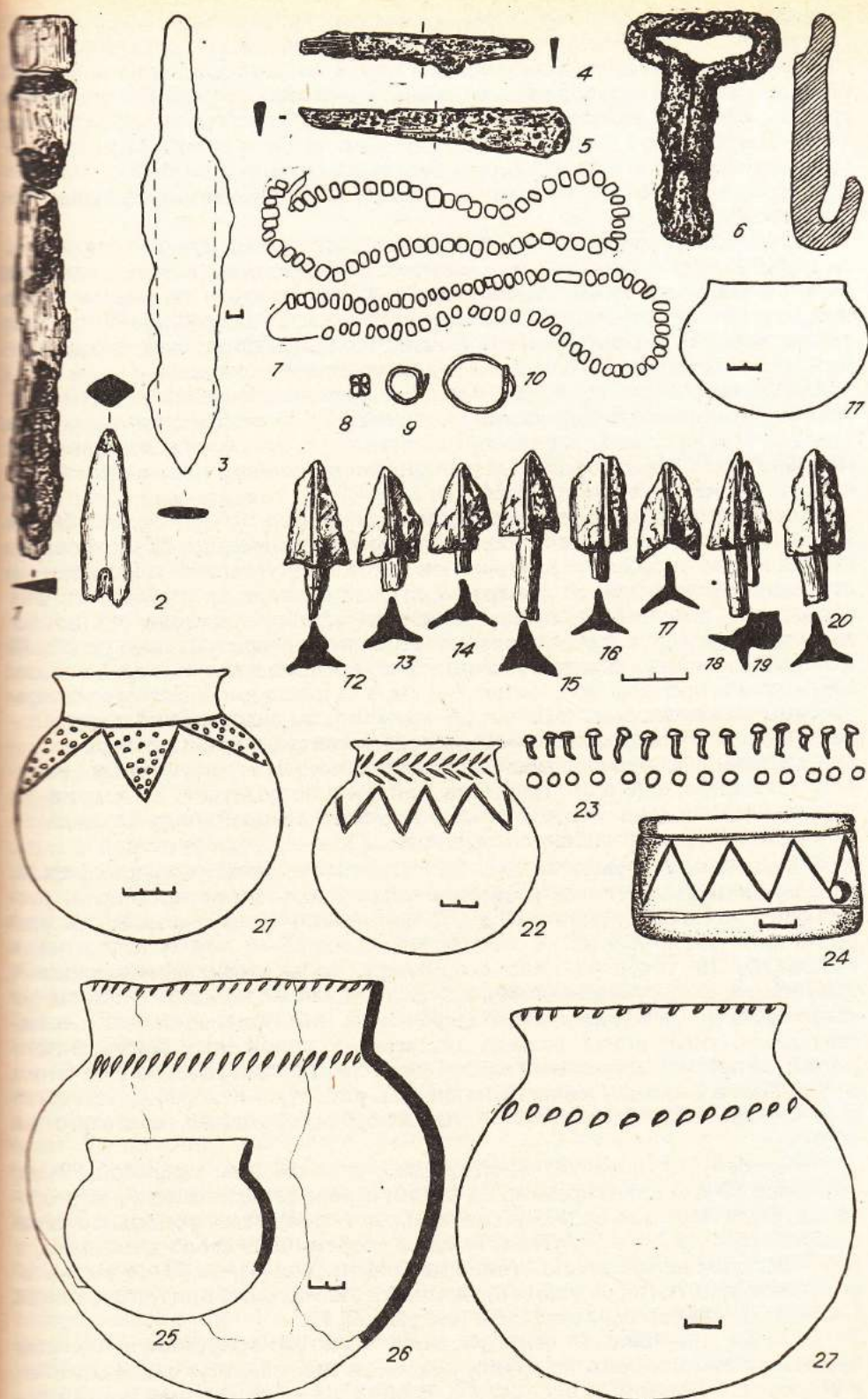

Рис. 24. Могильник Красногорский Борок. Инвентарь из погр. 3 кург. 1 (1-3, 12-20, 23); погр. 2 кург. 2 (2, 4, 7-10, 27), погр. 1 кург. 2 (5, 6, 21, 24), насыпи (11, 22), кург. 1 (25), погр. 2 кург. 1 (26).

1, 3-6, 12-20 - железо; 2 - кость; 7 - стекло; 8-10, 23 - бронза; 21, 22, 24 - глина.

зовыми заклепками по верхнему и нижнему краям (рис. 24, 23). У стоп был положен, очевидно, колчан со стрелами, но он не сохранился. Железные трехлопастные наконечники стрел лежали спекшейся массой концами вниз. С пояса до колен свисала кожаная полоса без заклепок (рис. 24, 12-20). В головах, сразу за черепом, найден железный нож (рис. 24, 1). Погребение 3, видимо, самое позднее, так как выкид заплыл сверху могильную яму, что позволяет предположить, что он был сделан не на погребенную почву, как выкид из мог. 1, а на насыпь уже существовавшего кургана.

Курган 2. Расположен в 140 м к северу от кург. 1. Его высота 0,25 м, диаметр 12 м. Насыпь кургана сложена из чернозема, перекрывавшего слой погребенной почвы толщиной 20-25 см. Выкиды из могил и рва представляют собой линзы желтого суглинка толщиной 15-20 см, они зафиксированы на погребенной почве, что свидетельствует о совершении всех захоронений и созданий рва до возведения насыпи.

В юго-западном секторе отмечены сильно обгоревшие березовые бревна деревянной конструкции, толщиной 10-15 см. На сохранившемся участке бревна лежат, вероятно, по периметру конструкции в два ряда (см. рис. 22, 2). На березовом настиле найден неорнаментированный горшочек с отбитым горлом (рис. 24, 11).

Ров со слабо выраженными углами, шириной 0,5-0,7 м, глубиной 0,45 м от уровня погребенной почвы, разрез трапециевидный, дно ровное. Выкид из рва уложен на внутреннюю часть подкурганной площадки на древнюю поверхность. В северо-восточном секторе за пределами рва обнаружено обугленное дерево; рядом в погребенную почву вкопан истлевший деревянный столб, в юго-восточном секторе над подкурганной площадке - кость молодой лошади, в северо-западном и северо-восточном - пятна прокала мощностью 4-5 см, в юго-западном секторе - плюсны овцы или козы. Под насыпью обнаружено два захоронения: центральное и в 1 м к востоку от него небольшое кострище, в 1 м к северо-востоку - небольшой круглодонный горшочек с резными фестонами и „елочкой” по шейке, еще один горшочек найден в полуметре к западу на остатках настила (рис. 24, 22). В 2,5 м к западу-северо-западу от первого находится второе погребение (см. рис. 22, 2).

Погребение 1 ограблено. Оно было, вероятно, прямоугольной формы, со скругленными углами и заплечиками вдоль длинных сторон, размерами 1,9х1,0 м, глубиной 90 см. В заполнении и на дне найдены разрозненные кости ребенка 6-7 лет и мужчины 35-40 лет. *In situ* в ногах стояли целый сосуд из теста с примесью талька, орнаментированный фестонами, выполненными ямочными вдавлениями, изготовленная из талькового теста курильница с дырочками для подвешивания и плоским дном, украшенная резным зигзагом. У левой ноги погребенного лежал железный колчаный крюк, согнутый из квадратного в сечении прута. Там же найден железный нож (см. рис. 24, 5, 6, 21, 24). Погребенный лежал, очевидно, головой на северо-северо-запад, вытянуто на спине.

Погребение 2 прямоугольной формы, длиной 2 м, шириной 90 см, глубиной 60 см ориентировано по линии северо-северо-восток - юго-юго-запад, расположено в западной поле. Имело поперечно-продольное двухслойное перекрытие. По углам могилы сохранились столбчатые ямки, в них - остатки вертикально стоявших бревен диаметром 11-14 см, которые, очевидно, поддерживали бревенчатое перекрытие над погребением. Стенки могильной ямы отвесные (см. рис. 23, 1).

Одежда погребенной была расшита мелкими голубыми и белыми бусинами: они найдены на груди, у пояса, в центральной части могилы, у западной стенки (см. рис. 24, 7). В области нижних конечностей параллельно располагались три цепочки бусин. Они, очевидно, оторачивали нижний край одежды, срединная цепочка состояла только из белых бусин. Там же найдены бронзовые кольца (см. рис. 24, 8-10). У кисти руки сохранилась цепочка голубых, лежащих полукругом бусин,

видимо, ими был оторочен и край длинного рукава одежды. В головах находились сосуд (см. рис. 24, 27) и нож (см. рис. 24, 4). Вдоль левого бедра по обеим сторонам конечности располагались две цепочки из белых бусин. Вдоль правого бедра — цепочка из белых, голубых и одной синей бусин.

Ольховский могильник

Расположен на правом берегу Исети в 3 км к западу от с. Рафайлово Исетского района, на мысу, образованном рекой и приустьевым участком старого русла ее небольшого притока — р. Ольховки. Мыс раскорчеван и распахан, сохранились пять-шесть курганов, насыпанных на территории поселения эпохи бронзы. Памятник открыт в 1985 г. А. В. Матвеевым, в 1987 г. им исследовано два кургана.

Курган 1. Находился на краю берега Исети и был разрушен обвалами. Часть его обнаружена при раскопках поселения. В рельефе курган не прослеживался.

Погребение 1 было совершено в прямоугольной яме со скругленными углами, размерами 2,55х0,4 м, с неровным дном. Ориентировано по линии север — юг. В погребении находились железная круглая язычковая пряжка, миниатюрный костяной наконечник стрелы и несколько костей.

Погребение 2 располагалось в 5 м к востоку от мог. 1 и представляло собой дугообразное углубление в материке на 5–10 см, размерами 4,1х0,8 м, ориентировано на север с небольшим отклонением на северо-запад. Найдены разрозненные кости взрослого мужчины и скопление черепков крупного горшка.

Курган 2. Находился в 10–12 м от кург. 1. Прослеживался в виде округлого всхолмления высотой 0,25 м и диаметром около 20 м. Содержал четыре могилы, расположенные в ряд по линии север — юг с интервалом в 1–3 м.

Погребение 1 было углублено на 0,4 м в материк, его форма и размеры вследствие нарушения грабительской ямы не восстанавливаются. На дне в куче найдены кости взрослого мужчины, остатки трех железных наконечников стрел, обломок костяного наконечника стрелы, кости птицы, рыбы, каких-то животных, часть из которых могла быть связана с культурным слоем поселения. В верхней части заполнения могилы обнаружены черепные и берцовые кости женщины 20–25 лет, фрагмент черепной крышки мужчины 50–60 лет, обломки свода, нижней челюсти, бедро, позвонки, локтевая кость и фаланги мужчины в возрасте не моложе 30 лет.

Погребение 2 находилось в 3 м к юго-юго-западу от мог. 1, прямоугольной формы, размерами 2,2х1,3 м, глубиной 0,5 м. Ориентировано длинной осью по линии северо-запад — юго-восток, разграблено. Погребенный — мужчина в возрасте 25–40 лет — был уложен на спину, головой на северо-запад. В верхней части заполнения могилы обнаружены обломки лучевой кости и бедра другого молодого человека. Рядом с могилой найдена половина маленького сосуда, украшенного фестонами.

Погребение 3 находилось на расстоянии около 3 м к северу от мог. 1, прямоугольных очертаний, размерами около 0,9х0,7 м, глубиной от уровня материака 0,35 м. Ориентировано по линии юго-юго-восток — северо-северо-запад. На дне найдены кости ребенка в возрасте до года (?). Он был положен на спину, головой на северо-северо-запад. В заполнении могилы найдены черепки сосудов бронзового века и кости животных, находящиеся во вторичном залегании. Данное погребение совершено позже первого, так как перерезало периферийный участок выброса из последнего. Рядом с мог. 3 найден миниатюрный горшочек.

Погребение 4 располагалось в 1 м к северо-северо-западу от мог. 3, прямоугольной формы, размерами 0,98х0,4х0,2 м. Ориентировано по ли-

нии запад – восток. На дне обнаружены остатки скелета ребенка (до 0,5 года), который находился на спине, головой на запад. В головной части могилы стоял неорнаментированный горшок.

Рафайловский могильник

Находится на правом берегу Исети, в 9 км к западу от с. Рафайлово, на северной окраине селища, за пределами укреплений Рафайловского городища. Представляет собой цепочку небольших курганов, один из которых исследован в 1985 г. автором.

Курган 1. Расположен на северо-западной окраине поселения. Диаметр его насыпи 15 м, высота 0,7–0,8 м. В центре видны воронки двух грабительских ям. Насыпь сложена из культурного слоя поселения и содержала множество черепков разнородной керамики. Под ней находились две могилы, окруженные замкнутым многоугольным рвом. Диаметр описанной окружности вокруг рва 15 м, ширина рва 1,3–1,7 м, глубина колеблется от 0,75 до 1,2 м от уровня погребенной почвы. В сечении ров конической формы. Выкид из него уложен с внутренней стороны валиком, высотой 0,2–0,3 м и шириной около 1 м.

В северо-западном секторе на древней поверхности обнаружены скопление мелких костей лошади (5/2) * и коровы (6/2) и пятно от кострища размерами 0,7х1,7 м. В юго-западном секторе зафиксированы скопление костей (голов и ног) лошадей (57/3), коров (32/2), овец (16/2) и близ него саргатский сосуд. В юго-восточном секторе найдены голова молодой лошади, а также голова, части ног взрослых лошадей (12/2), зубы, задние и передние ноги коров (28/4), кости ноги ягненка и взрослых овец (17/3), там же были обнаружены четыре кости человеческого скелета.

Погребение 1 находилось в центре кургана формы, близкой к ромбической, размерами 3,8х2,8 м. С глубины 0,6 м от уровня материка – яма прямоугольной формы, размерами 2,7х1,0 м, стенки отвесные, ориентировка по линии северо-запад – юго-восток. На глубине 1,1 м выявлены остатки разграбленного инвентаря; *in situ* стоял горшок с фестонами и три бронзовых втульчатых трехгранных наконечника стрел, в заполнении – обломки железных удилищ и псалиев, фрагмент колчанного крючка, кости скелета мужчины 50–60 лет и череп мужчины 40–50 лет. В могиле лежала голова молодой лошади с первым и вторым шейными позвонками (рис. 25, 2–4, 6–9, 14–16).

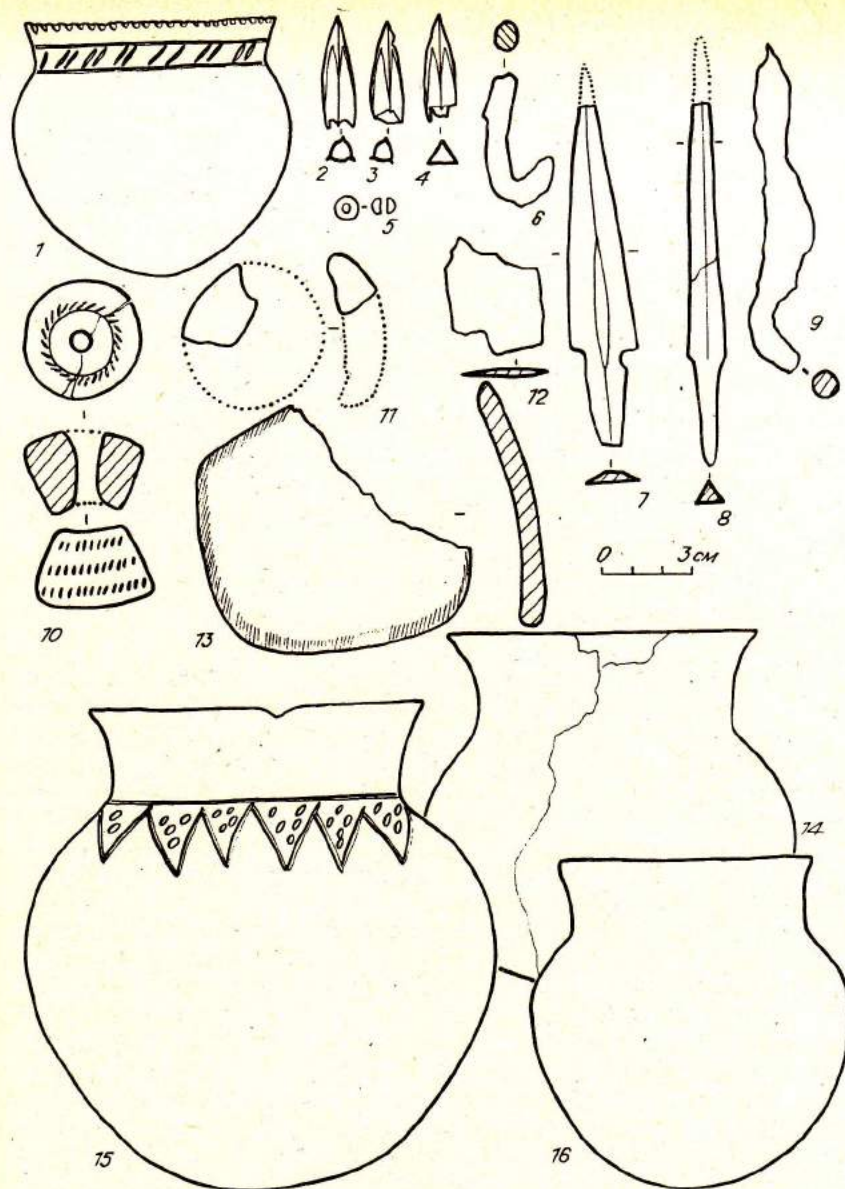
У западного угла могилы на древней поверхности обнаружено сопроводительное захоронение лошади – полный скелет полувзрослой особи, ориентированный подобно могиле, но с небольшим отклонением к западу. В 1 м от северного угла находились зубы лошади (1/1) и крупного рогатого скота (2/1). Неясно, с каким погребением связано обнаруженное в 2 м к северу от погр. 1 захоронение двух телят: новорожденного и в возрасте 2–3 месяцев.

Погребение 2 находилось к юго-востоку от погр. 1, почти вплотную к нему. Его яма подчетырехугольной формы, размерами 1,7х1,25 м ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. В нем находилось ограбленное захоронение ребенка 1–2 лет, череп искусственно деформирован. В головном северо-восточном конце найдена бусина из глухого красного стекла. Южнее погребения под насыпью обнаружен череп овцы (рис. 25, 5).

Погребение 3 обнаружено в юго-восточной части кург. 1, на дне рва. С внешней стороны в этом месте на древней почве прослежен прокал мощностью 4 см, размерами 0,5х1,8 м. Могильная яма не фиксировалась, лишь на глубине 1,2 м выявлены кости скелета женщины 25–30 лет. Погребенная была положена в скорченном положении: лежа на спине,

* В числителе – количество костей, в знаменателе – особей.

с согнутыми в локтях руками, кисти находились у подбородка, ноги согнуты. Скелет ориентирован головой на запад. Слева от него найдены зубы и фаланги лошади (3/1) и крупного рогатого скота (3/2). Плотнo сложенные кости рук и подбородка позволяют предположить, что погребенная была связана. В заполнении могилы не было мешаной земли, тонкая прослойка насыпанного слоя перекрывала захоронение. Эти наблюдения дают основания полагать, что человек был брошен на дно рва сразу после совершения захоронений на площадке кургана, до оплывания насыпи.

Грунтовое погребение на Рафайловском городище

Обнаружено на межжилищном пространстве селища неподалеку от камеры 3 жилища 8. Яма прямоугольной формы, размерами 1,8х0,85 м, углублена в материк на 12–15 см, ориентирована по линии северо-северо-запад – восток-юго-восток. Над могильной ямой – отдельные уголки, кусочки прокаленного песка, кучки золы. В 20 см выше черепа зафиксировано два скопления костей животных и черепков саргатской керамики.

Погребенная – женщина 18–20 лет, была положена вытянуто на спине по центру могильной ямы. Руки вытянуты вдоль туловища и прижаты к грудной клетке с боков. Ноги сведены вместе и закрыты корой сверху и снизу. Видимо, погребенная вся была обернута берестой. Никаких вещей с ней не было.

Захоронение было совершено, очевидно, после разрушения жилища 8, так как выброс мешаного слоя, сделанный при рытье могильной ямы, находится в верхнем слое заполнения котлована камеры 3. И котлован и погребение перекрыты одним слоем темно-серой супеси, затем дерново-гумусным.

Тютринский могильник

Расположен на второй надпойменной террасе левого берега р. Тобол между с. Бызово и д. Тютриной Упоровского района Тюменской области, в 11 км к юго-западу от с. Упорова. Впервые описан П. С. Палласом [1786, с. 71], затем И. Я. Словцовым [1890, № 544], осматривался Т. Г. Гашевой (см. [Голдина, 1969]). Могильник насчитывал 10 или 12 насыпей высотой 2–3 м, в последнее десятилетие распахивался. Исследован в 1981–1982 гг. А. В. и Н. П. Матвеевыми. Материалы памятника опубликованы [Матвеев, Матвеева, 1985, 1987, 1991]. Здесь приводится общая характеристика курганов и погребений (табл. 2–4).

Десять курганов, представляющих собой погребальные сооружения разных периодов, группировались в две цепочки. Курганы 6–10 насыпаны вдоль самого края террасы (рис. 26). Они характеризуются кучным расположением могил (от одного до четырех) и наличием одного замкнутого рва. Поверх выкида из захоронений на древней поверхности в названных курганах были сооружены бревенчатые платформы; в распаханых курганах они, видимо, не сохранились. Погребальные камеры широкие, прямоугольные, встречаются также квадратные, подовальные, с отвесными или наклонными стенками, как правило, без заплечиков. Камеры перекрыты толстыми досками или жердями в один-два слоя или мощным накатом из бревен толщиной 30–40 см. Могилы одиночные или парные (взрослый и ребенок), погребенные по обряду трупоположения положены вытянуто на спине, сопроводительный инвентарь включает оружие, предметы домашнего обихода, конской упряжки, украшения, заупокойную пищу – куски мяса лошади, коровы, овцы или птицы. Найдены наконечники стрел, кинжал, кельт, тесло, удила, псалии, сбруйные пряжки и бляшки, разнообразные бусы из стекла, гагата, сердолика, золота, обломки котлов, зеркала, курильницы и другие предметы материальной и духовной культуры древности, датирующие этот этап в существовании могильника III–II вв. до н. э. (рис. 27–30).

Насыпи курганов 1–5 расположены вдали от края террасы и сходятся с вышеуказанными у кург. 10, который содержал разновременные захоронения. Они функционировали в II–III вв. н. э. Курганы этого периода состоят из нескольких могил, расположенных кругом. Погребальные конструкции и обряд отличаются сложностью, что выражается в большем разнообразии форм и размеров могил: захоронений в почвенном слое (погр. 3, кург. 1; погр. 4, кург. 10) и до положения в гробницу на глубине 2,5 м (погр. 2, кург. 5). Встречаются разные погребаль-

Таблица 2

Характеристика курганов Тугринского могильника

Курган	Диаметр, м	Высота, м	Кол-во по- гребений	Кол-во рвов	Диаметр, рвов, м	Ширина рвов м	Глубина рвов, м	Деревянные конструкции	Прокалы, м	Следы гриз- ны, поминонок
1	20	0,35	3	3	13x15	0,5	0,25	+	6x4	+
2	18-20	0,2	2	2	?	?	0,25 0,15 0,22 0,65	-	-	+
3	40	0,75	7	1	18	1,35 1,5-1,8	0,35-0,5	+	10	+
4	22	0,3	4	4	14x15 15x15	0,5	0,25	-	+	-
5	20	0,2	2	2	10	0,6	0,4	-	4	+
6	12	2	3	1	14	0,6-0,8	0,28-0,38	+	-	-
7	25	0,2	4	1 с углубле- нием	22 28	1,6-1,8 2	0,5 1,25	-	+	+
8	20	0,2	4	1	20	0,7-0,8	0,2-0,27	-	-	-
9	30	0,5	1	1 с углубле- нием	26	1,5	0,6	-	-	-
10		0,5	4	3	?	0,8	0,2-0,35	+	5	-
					?	1,0	0,3			
					?	0,8-0,9	0,4-0,5			

Примечание. В табл. 2-4 знак + указывает на наличие признака, знак - отсутствие, знак ? - неизвестно.

Таблица 3
Погребения Тютринского могильника

Кург.	Погр.	Форма	Размеры, м	Глубина, м	Ориентировка	Запечеч- ки	Кол-во ниш	Кол-во ступенек	Кол-во канавок	Кол-во ямок	Слои пе- рекрытия	Примеча- ние
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	1	Прямо- угольная	2,2x1,1	0,35	Северо-северо- запад — юго-юго- восток	-	-	-	-	-	-	-
1	2	То же	1,23x0,52	0,37	Северо-запад — юго-восток	-	-	-	-	-	?	-
1	3	"	2,45x1,45	-	Северо-восток — юго-запад	-	-	-	-	-	?	-
2	1	"	4,1x2,2	1,6	Северо-запад — юго-восток	4+2	-	1	-	-	1	-
2	2	"	3,1x1,4	1,5	Запад — восток	4	1	-	1	-	1	Греб, мас- кировка
3	1	"	2,0x0,75	0,45	То же	-	-	-	-	-	?	-
3	2	Трапещи- евидная	3,0x1,7	1,15	Северо-запад — юго-восток	-	-	2	-	-	?	-
3	3	Прямо- угольная	2,15x0,73	0,2	Север — юг	-	-	-	-	-	?	-
3	4	Подпрямо- угольная	3,0x1,5	1,15	Северо-запад — юго-восток	3	2	-	2	2	1	-
3	5	Прямо- угольная	1,15x0,6	0,45	Северо-северо- запад — юго-юго- восток	-	-	-	-	-	?	-
3	6	То же	2,5x1,6	0,67	Северо-восток — юго-запад	4	-	1	-	4	1	-
3	7	"	1,9x0,97	0,5	Северо-северо- запад — юго-юго- восток	-	-	1	-	8	1	-
4	1	Трапещи- евидная	3,3x1,3	1,15	То же	4	-	1	2	-	?	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
10	1	То же	3x9	0,8	Северо-запад — юго-восток	—	—	—	—	—	—	
10	2	"	2,45x1,43	0,19	То же	—	—	—	—	"	?	
10	3	"	2,12x1,16	0,46	Северо-северо- запад—юго-юго- восток	—	—	—	—	—	?	
10	4	?	2,2x0,9	—	То же	—	—	—	—	—	?	

Таблица 4

Сопроводительный инвентарь и заупокойная пища в погребенных разных возрастных групп Тютринского могильника

Кург.	Погр.	Орудия труда	Оружие	Конская упряжь	Украшения	Предметы туалета	Посуда	Ритуальные предметы	Мясо	Пол	Возраст
1	1	?	?	?	?	?	?	?	Лошадь	?	?
1	2	—	+(1)	—	+(1)	—	2	—	?	?	Детский
1	3	+	?	?	+(3)	?	2	?	Козы	Муж.	30
2	1	?	?	?	+(2)	?	?	?	?	"	?
2	2	+	—	+	+(5)	+(2)	2	—	Лошадь	Жен.	50
3	1	?	+(2)	?	?	?	1	?	—	Муж.	35
3	2	?	?	?	?	?	1	?	?	"	20—30
3	3	+(2)	+(1)	—	+(5)	—	—	—	—	?	Детский
3	4	+(1)	+(3)	?	+(1)	?	—	?	Лошадь	Муж.	?
3	5	?	?	?	+(1)	?	1	?	Птицы	Жен.	20—25
3	6	?	?	?	+(1)	?	?	?	?	"	?
3	7	+(2)	?	+	+(1)	?	2	+(2)	?	"	35—40
4	1	+(1)	?	?	?	?	?	?	?	"	20—30

[illegible]

Примечание. В скобках указано количество видов инвентаря данной категории, в графе „Посуда” — количество сосудов.

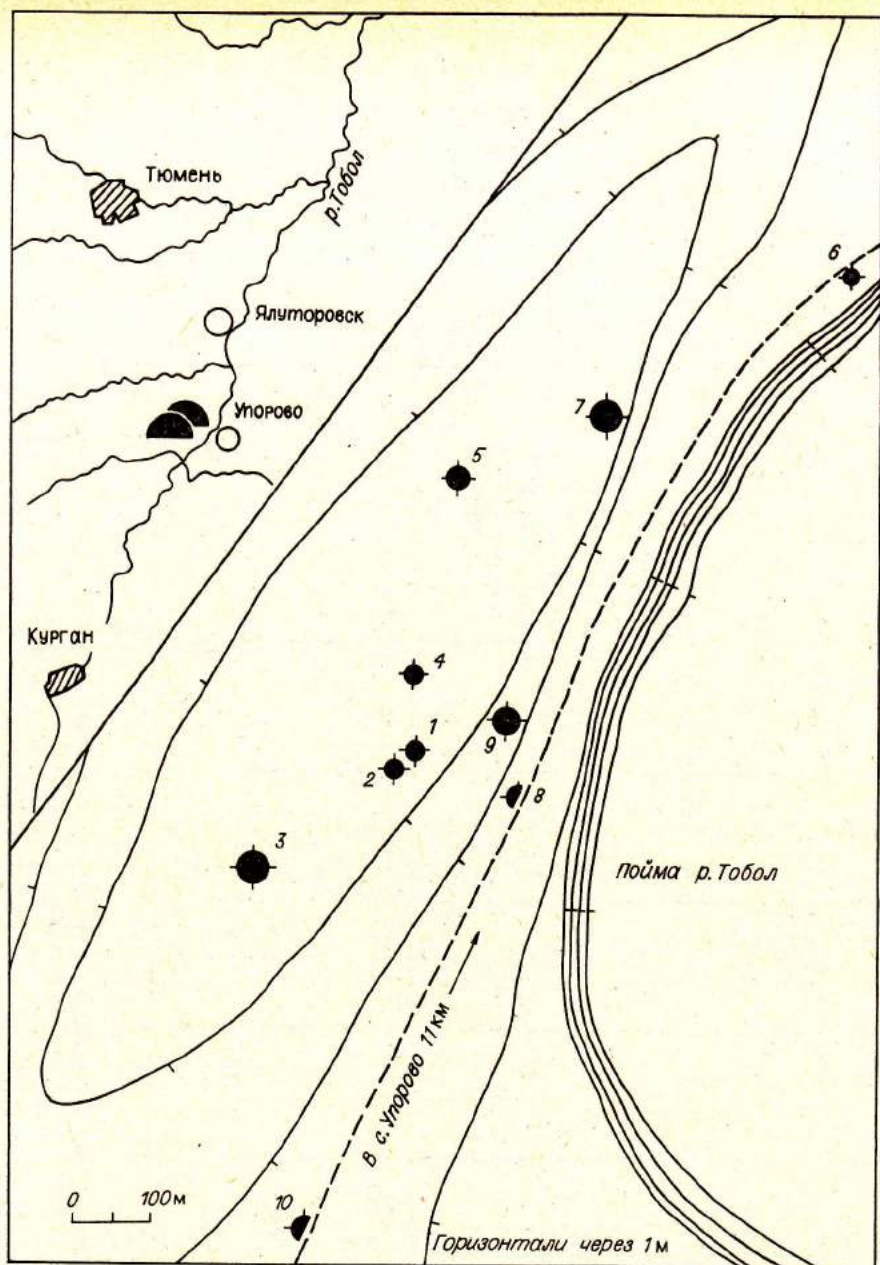

Рис. 26. Тютринский могильник. Ситуационный план.

ные камеры: с нишами, канавками на дне, имеются ступени, многослойные перекрытия. Умершего помещали в могилу на носилках или в небольшом дощатом гробовище (погр. 1, кург. 2), берестяном коробе (погр. 2 кург. 5), деревянном саркофаге на ножках, следами которых, вероятно, являются канавки на дне. В отдельных случаях богатые могилы для маскировки (?) сразу засыпали чистым суглинком, а сверху настилали перекрытие (погр. 2 кург. 2; погр. 4 кург. 4; погр. 2 кург. 5), ранее же под накатом оставляли полую камеру. На материалах этого могильника прослеживается дальнейшее развитие культа огня. Помимо угольков в заполнении появляются прокалы над перекрытием могил (погр. 4 кург. 4) и даже следы сожжения бревенчатых усыпальниц перед возведением насыпи (кург. 1, 3, 10). Особенностью только данного могильника явля-

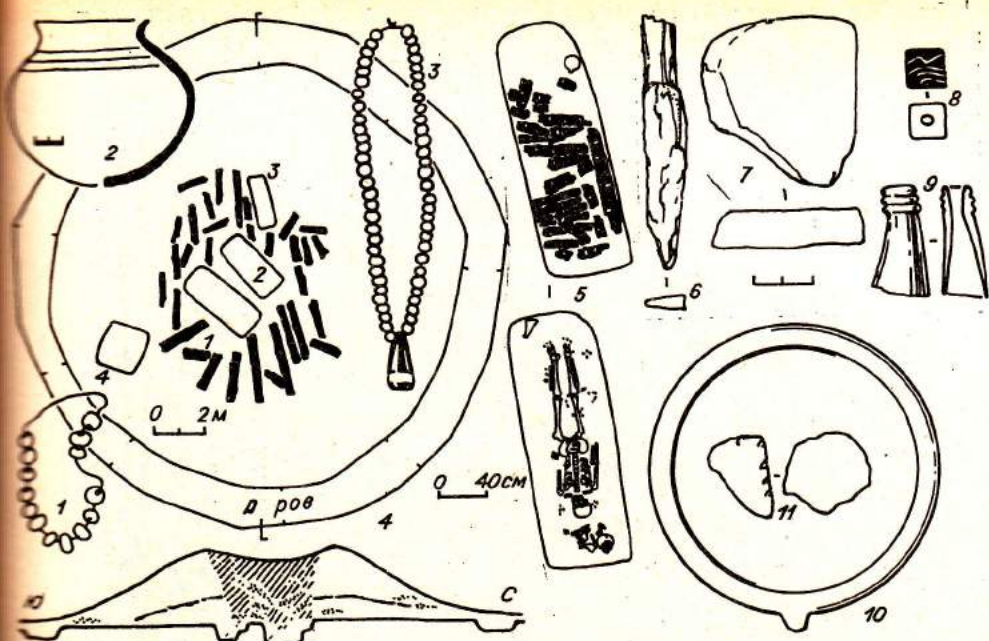

Рис. 27. Тютринский могильник. Инвентарь (1-3, 6-10) и план и разрез погр. 3 кург. 6 (4, 5).

1, 3 - стекло с позолотой, агат; 2 - глина; 6 - железо; 7 - камень; 8 - стекло; 9 - кость; 10 - бронза; 11 - мел.

дается наличие рвов, проложенных к уже существующим со стороны вводного захоронения, и их соответствие количеству погребений в кургане.

В захоронениях найдены кинжалы, наконечники стрел, пряжки, зеркала, драгоценные украшения и камни, богатые наборы бус, предметы конской упряжки, гребень, сумочки с туалетными принадлежностями и др. (рис. 31-33).

Таким образом, Тютринский могильник дает очень важный материал для изучения эволюции погребального обряда саргатских племен, общих закономерностей и локальной специфики развития их материальной и духовной культуры, демографической ситуации. Большие по размерам курганы, сложные по устройству погребальные камеры содержат разнообразный и богатый сопроводительный инвентарь. Наличие драгоценных украшений, котлов, многочисленных привозных вещей и предметов культа указывает на принадлежность некрополя одной из групп саргатской знати, которая вела интенсивный торговый обмен с населением сопредельных территорий.

САРГАТСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В СРЕДНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

Поселения и городища являются наиболее распространенным видом памятников. В сводке Л. Н. Коряковой [1984] указано 22 поселения, нами же учтено всего 58, из них раскопками узучено 17 памятников (табл. 5). Наиболее представительными являются материалы Рафайловского археологического комплекса, Прыговского городища, поселений Ингалинка-1 и Речкинское-2. На ряде других многослойных памятников, несмотря на большую вскрытую площадь, саргатские керамические комплексы выделены только типологически.

Поселения располагаются в основном в долинах Исети и Тобола, по берегам их крупных притоков - Миасса, Юргамыша, Куртамыша, Суе-

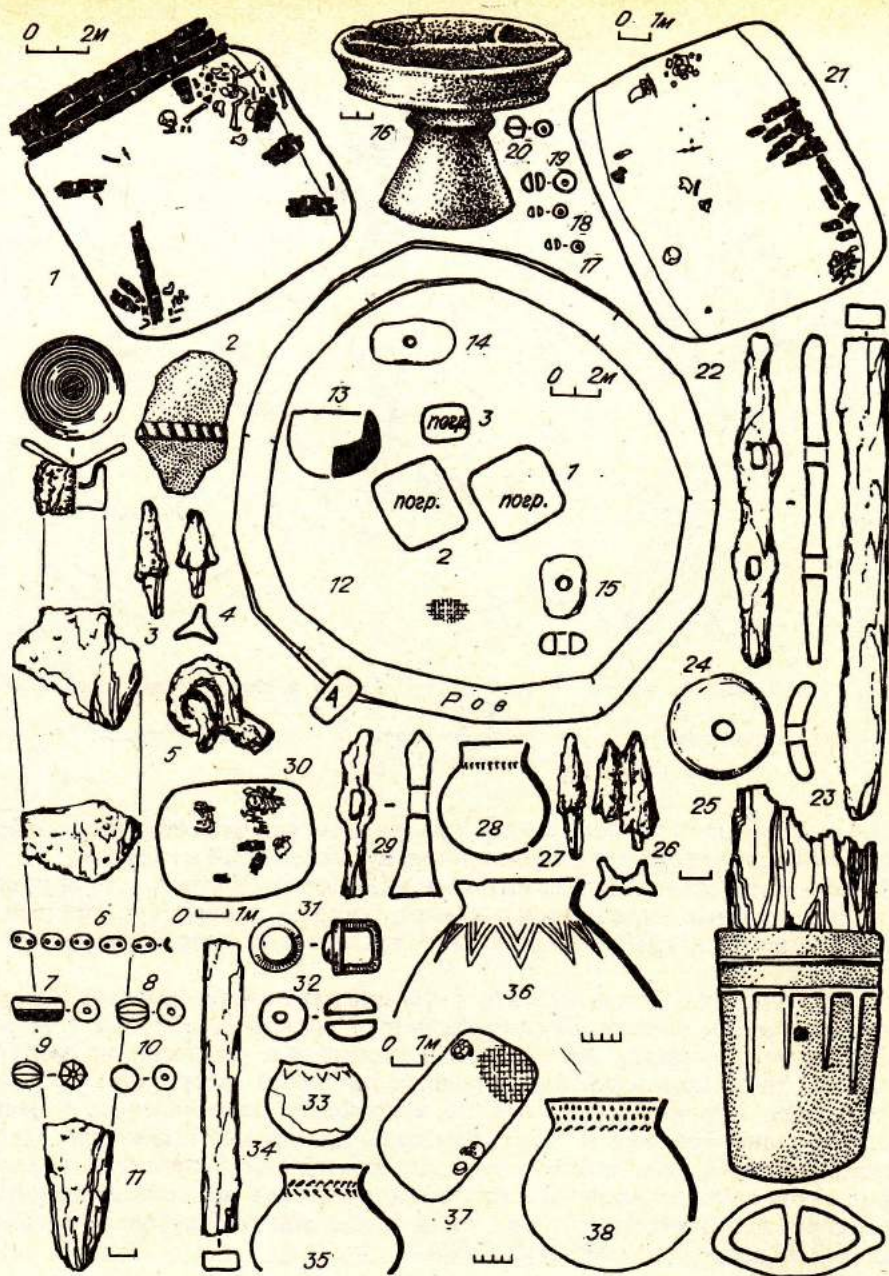

Рис. 28. Тютринский могильник. Планы погребений 1 (1), 2 (21), 3, 4 (30, 37), кург. 7 (12) и инвентарь (2-11, 13-20, 22-29, 31-36, 38). 2-11 — погр. 1; 13-15 — насыпь; 16-25 — погр. 2; 26-36 — погр. 3; 38 — погр. 4.
2, 31, 25 — бронза; 3-5, 22-24, 26, 27, 29, 32, 34, 39-45 — железо; 6, 8, 17, 18 — золото; 7 — туф; 9, 10, 19, 20 — сердолик; 11 — железо, бронза; 13-15 — камень; 16, 25, 28, 33, 35, 36, 38 — глина.

ри или на старичных озерах. Саргатские племена селились, как правило, на высоких участках борových террас, но иногда — на гривных возвышениях в пойме, например, Рафайловский Остров, селища Речкинское-1 и -2, Лисья Гора, Верх. Ингальский Борок-1 и -2 и др. Средняя площадь этих памятников 5-10 тыс. м². К сравнительно крупным поселениям следует отнести Верх. Ингальский Борок-1 и -2 (1 тыс. м²), Речкинское-1 (13 тыс. м²), Речкинское-2 (18 тыс. м²). Они приурочены в основном к

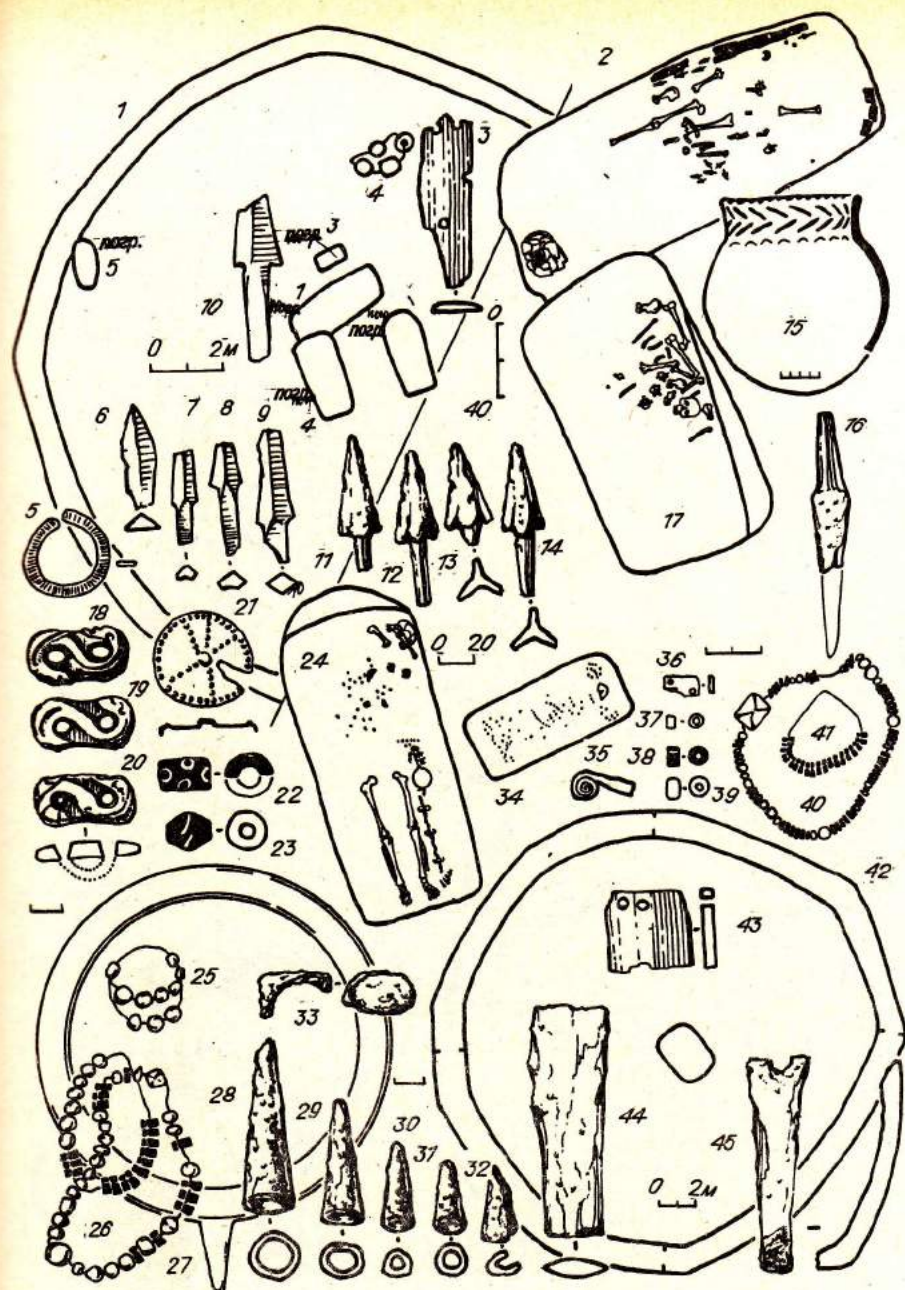

Рис. 29. Тютринский могильник. План курганов 8 (1), 9 (42), погр. 1 (2), 2 (24), 3 (34), 4 (17) и инвентарь (3-16, 18-23, 25-33, 35-41, 43-45).
 Кург. 8: 3-16 - погр. 1, 18-23 - погр. 2, 35-41 - погр. 3. Кург. 9: 43-45 - погр. 1. 3, 6-9, 15 - кость; 4, 22, 23, 25, 37-40, 41 - стекло; 5, 18-21, 27, 35, 36 - бронза; 10-16, 28-33, 43, 44 - железо; 15 - глина; 26 - стекло, гагат.

приустьевым участкам малых рек и старицам заливных лугов на высокой пойме.

Поселения можно разделить на неукрепленные, или селища (их большинство - 51), и укрепленные, или городища (их 7). Городища располагаются на второй (Коловское, Мал. Зырянка, Рафайловское, Прыговское, Увал IV) и реже третьей (Марьино Ущелье) надпойменных террасах Исети и Тобола. Причем четыре памятника находятся в нижнем течении Исети, где проходит граница южной тайги и северной лесостепи. Горо-

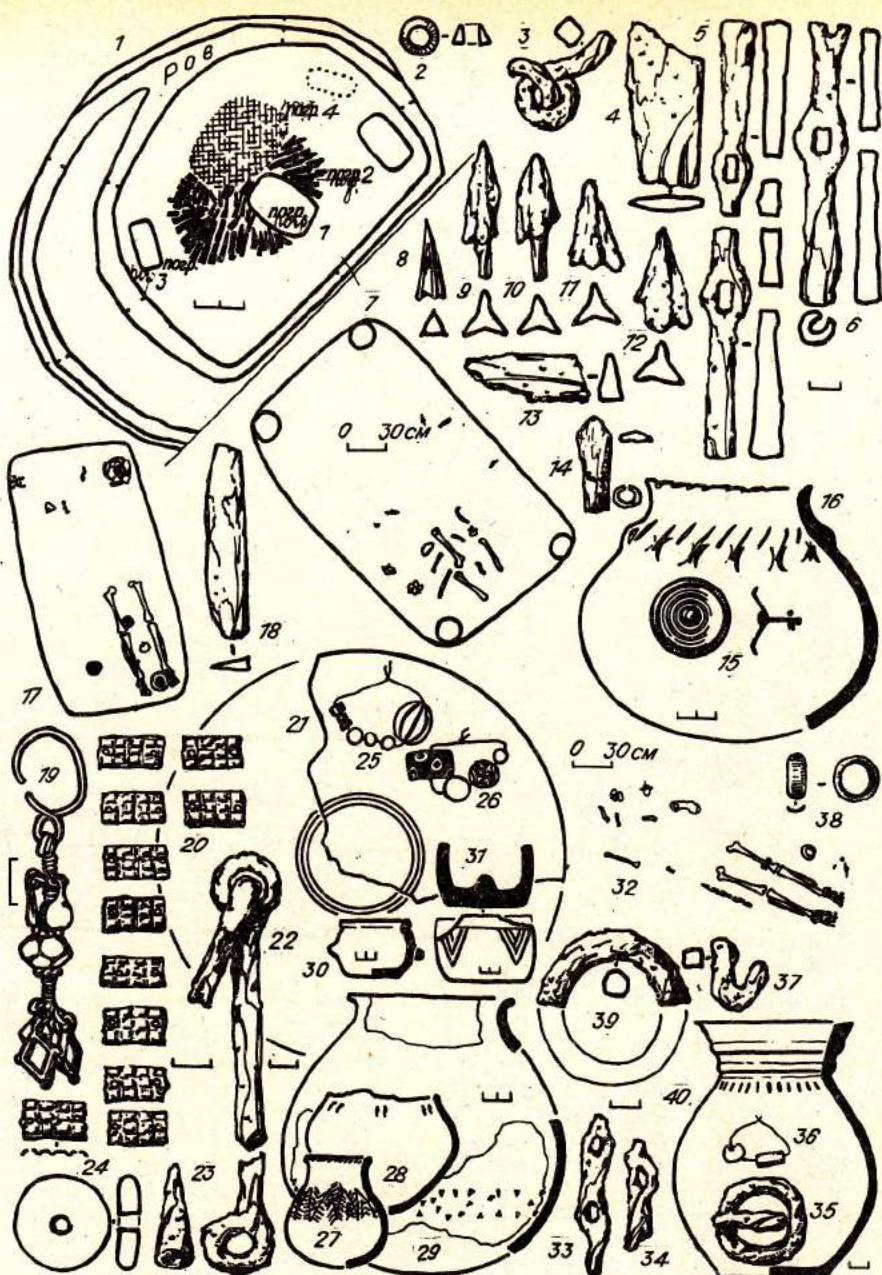

Рис. 30. Тюринский могильник. Планы кург. 10 (1), погребений 2 (7), 3 (17), 4 (32) и инвентарь (2-6, 8-16, 18-31, 33-40). 2-6 - погр. 1; 8-16 - погр. 2; 18-31 - погр. 3; 33-40 - погр. 4.

2 - кость; 8, 15, 21, 38 - бронза; 16, 24, 27-31, 40 - глина; 19 - золото, сердолик, стекло; 20 - золото; 25, 26 - стекло, гагат, египетский фаянс; 36 - стекло, стекло с позолотой.

дища концентрируются на правобережье. Они имеют обширные неукрепленные селища и по общей площади должны быть отнесены к наиболее крупным поселениям, например площадь Прыговского городища около 5 тыс. м², а вместе с селищем - 26,5, Рафайловского - 14,5, вместе с селищем - более 60, Коловского - 8,4, с селищем - 16,2 тыс. м².

Культурный слой саргатских поселений насыщен гумусом, находками, его средняя мощность 0,4-0,7 м. Площадки городищ использовались интенсивнее, чем селищ, отмечены неоднократные перестройки. Мощ-

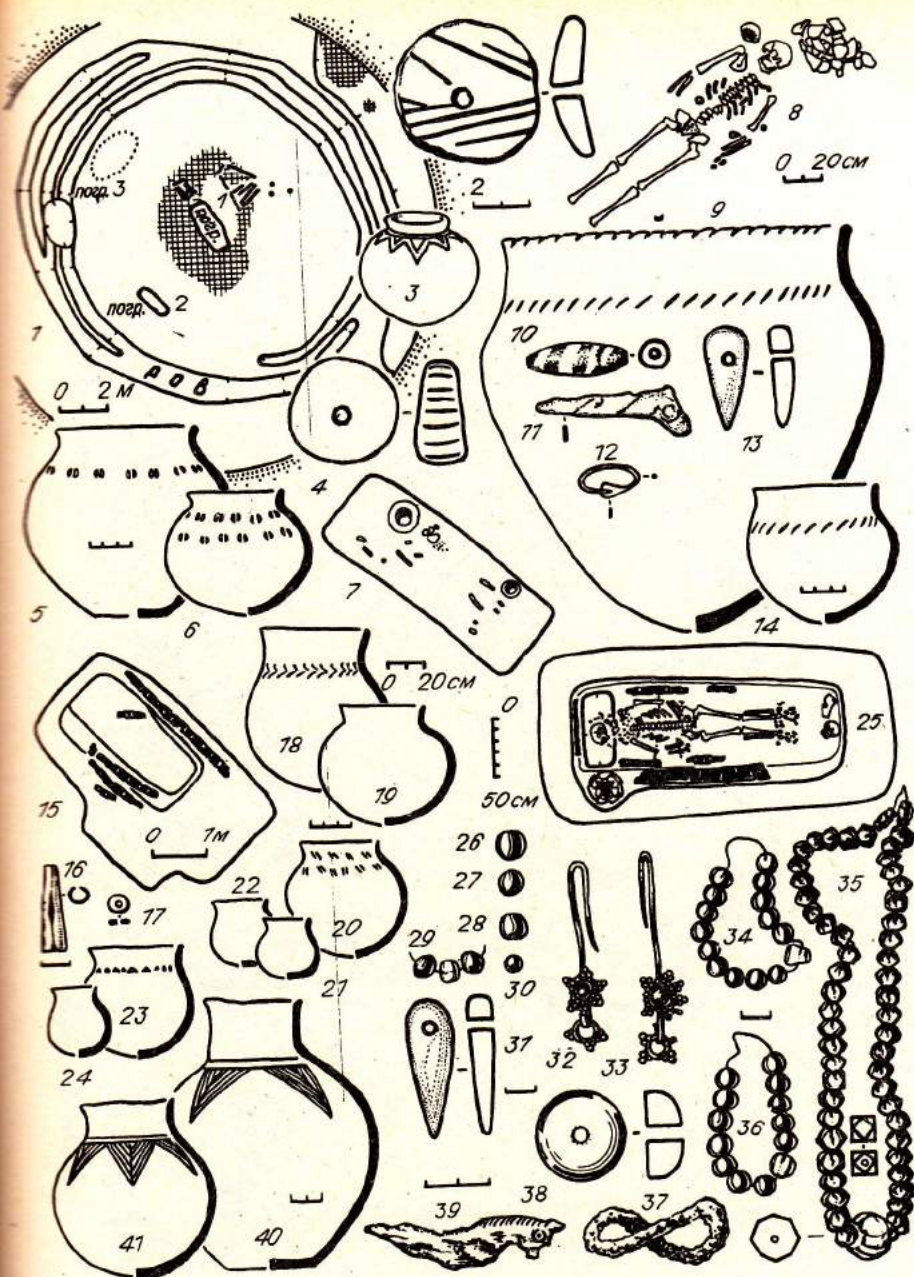

Рис. 31. Тютринский могильник. Планы кург. 1 (1), погребений 2 (7), 3 (8) кург. 1 и погребений 2 (7), 3 (8) кург. 1 и погребений 1 (15), 2 (25) кург. 2 и инвентарь (2-6, 9-14, 16-24, 26-41).

Кург. 1: 2-4 — под насыпью, 5, 6 — погр. 2, 9-14 — 3. Кург. 2: 16, 17 — погр. 1, 18-24 — под насыпью, 26-41 — погр. 2. 2-6, 9, 13, 14, 18, 24, 31 — глина; 10, 26-30, 34, 36 — стекло с позолотой и цветное стекло; 11, 12, 38 — бронза; 16 — серебро; 17 — кость; 32, 33 — серебро с позолотой, стекло; 35 — шпинель, сердолик, стекло с позолотой; 37 — железо; 39 — рог.

ность культурного слоя городищ обычно выше, чем на селищах, и достигает 1-1,2 м. Пока получены материалы о планировке отдельных участков лишь на Рафайловском городище. Здесь в наиболее возвышенной части на площади 1230 м² обнаружено 12 жилищ, расположенных полукругом, выходы из жилых камер находятся напротив друг друга (рис. 34,

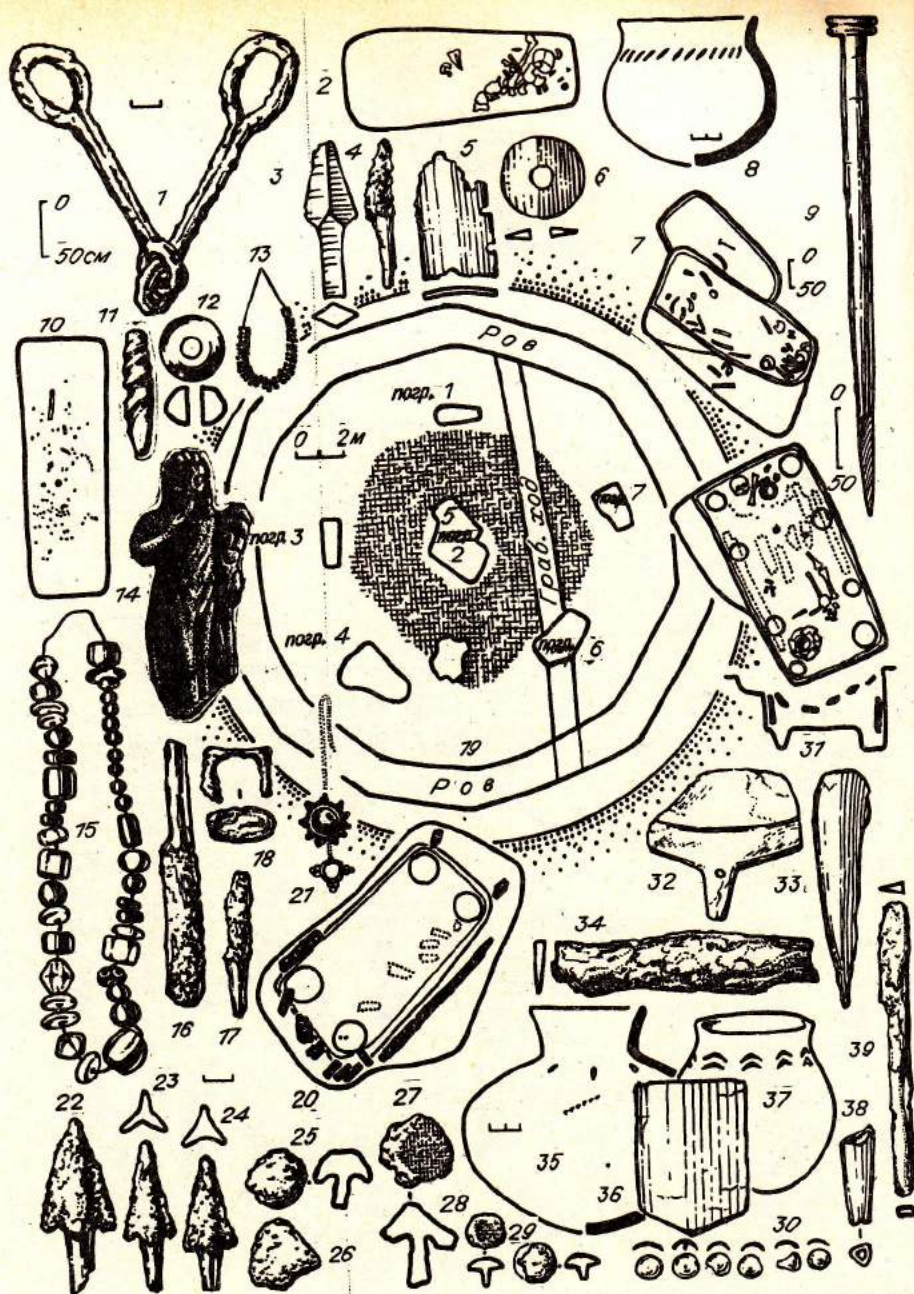

Рис. 32. Тютринский могильник. Планы погребений 1 (2), 5 (7), 3 (10), 6 (20), 7 (31), кург. 3 (19) и инвентарь (1, 3-6, 8, 9, 11-18, 21-30, 32-39).

Ров (1), погр. 1 (3-6), 2, 5 (8, 9); 3 (11-18); 6 (21), 4 (22-30), 7 (32-39). 1, 4, 16-18, 22-29, 34, 39 - железо; 3, 5, 6, 9, 33, 36, 38 - кость; 11, 13 - стекло; 12, 30, 32 - бронза; 14 - египетский фаянс, 15 - стекло с позолотой, цветное стекло; шпатель, сердолик; 8, 9, 20, 21, 35-37 - глина.

8). Позади жилищ имеются пристройки и хозяйственные камеры. За хозяйственными камерами полукругом расположены обособленные хозяйственные постройки. Жилища постоянно подновлялись, перестраивались (перенос стен, пристройка хозяйственных помещений, перепланировка, сооружение новых выходов и т. д.), сооружались новые, отличные по площади и ориентировке от стоявших здесь ранее и пришедших в негодность. Менялась ли при этом общая планировка поселения,

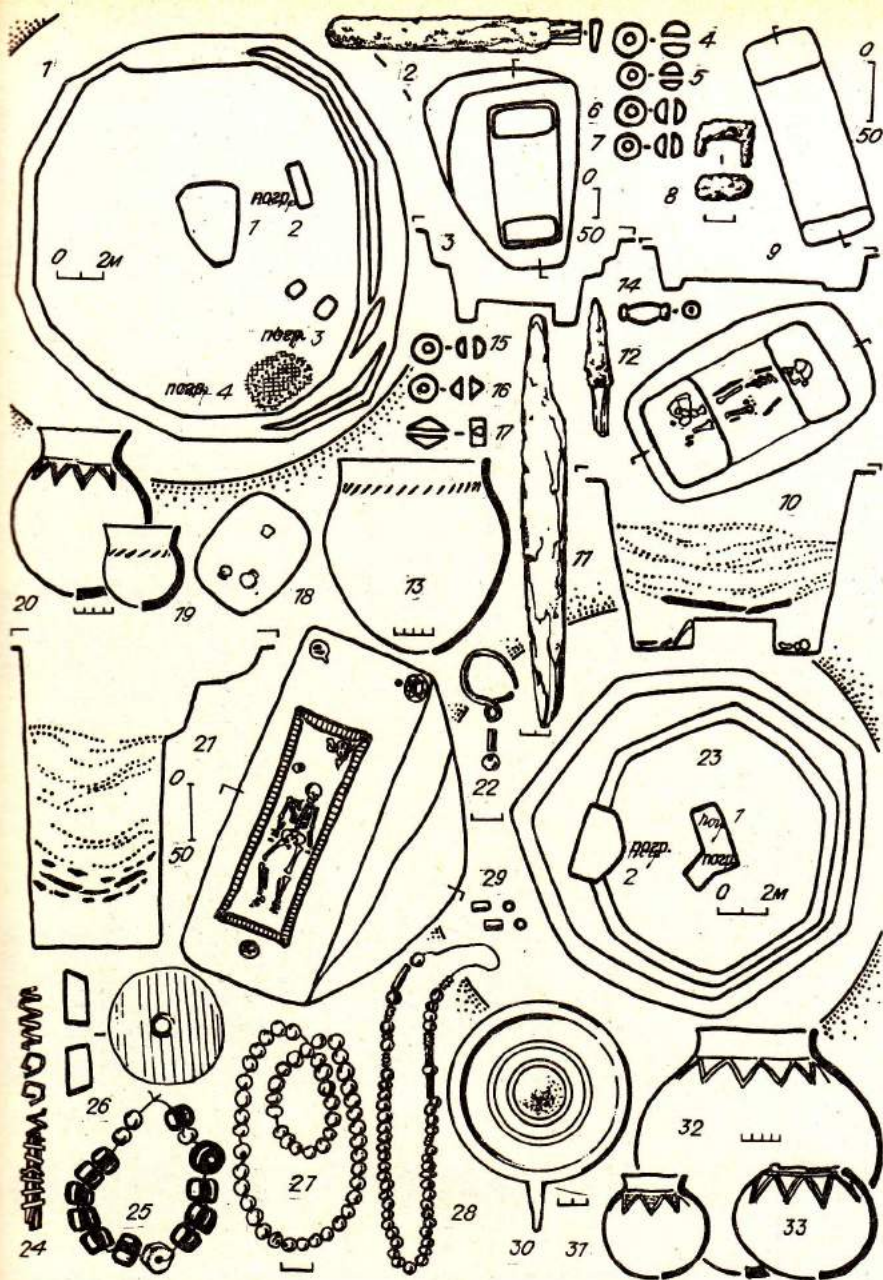

Рис. 33. Тютринский могильник. Планы курганов 4 (1), 5 (23), погребений кург. 4 (3), 2 (9), 3 (18), 4 (10), 2 (21) кург. 5 и инвентарь (2, 4-8, 11-17, 19, 20, 22, 24-33). Кург. 4: 2 - погр. 1, 4-8 - погр. 2, 11-17 - погр. 4, 19, 20 - погр. 3. Кург. 5: 22, 24-33 - погр. 2, 2, 8, 11, 12 - железо; 4-7, 14-16 - стекло с позолотой; 17 - янтарь; 22 - золото, стекло с позолотой; 24 - серебро; 25 - гагат, стекло; 27 - стекло с металлической амальгамой; 28 - золото; стекло с позолотой; 29 - египетский фаянс; 30 - бронза; 9, 19, 20, 26, 28, 31-33 - глина.

сказать пока трудно. На западном участке селищ находились ямы и открытые очаги, хозяйственные постройки, наличие в которых очагов и печей для обжига и выплавки руды, шлаков, скоплений костей свидетельствует, что это были обособленные производственные центры.

Рафайловское городище существовало очень длительное время, причем его отдельные участки обживались в различные периоды, а иног-

Таблица 5

Памятники саргасской культуры в Среднем Приголье

Памятник	Год исследования	Автор исследования	Степень изученности	Место хранения находок
Неукрепленные поселения				
Белоярское XII	1967	Т. М. Потемкина	Раскопки на площади 108 м ²	КОКМ
Белоярское XIII	1967	"	То же	"
Бархатовское (Ирмское)	1963	В. Н. Фролов	Разведка	УрГУ
Бочанцево-1	1988	Н. П. Матвеева	Раскопки на площади 64 м ²	ИПОС СО РАН
Верх. Ингальский Борок-1	1982	"	" на площади 108 м ²	"
Верх. Ингальский Борок-2	1982	"	Разведка	"
Гладунинское (Петуховское)	1962	Т. Г. Бушуева, В. Т. Юровская	"	УрГУ
Ингалинка-1	1982	А. В. Матвеев	Раскопки на площади 315 м ²	УАМ ТюмГУ
	1986	Н. П. Матвеева	"	
Камышное-2	1972	Т. М. Потемкина	" на площади 900 м ²	КОКМ
Коловское-1	1982	Н. П. Матвеева	Разведка	ИПОС СО РАН
	1990	В. В. Горелов	Раскопки на площади 200 м ²	"
Коловское-2	1991	"	То же	"
Мочище	1962	Т. Г. Бушуева, В. Т. Юровская	"	УрГУ
Нечунаевское	1984	Н. В. Варанкин	Раскопки на площади 184 м ²	Ниж. Тагил ГПИ
	1985	А. Ф. Шорин	"	
Ново-Шадрино-1	1962	Т. Г. Бушуева, В. Т. Юровская	Разведка	УрГУ
Ново-Доставаловское	1988	Н. П. Матвеева	"	ИПОС СО РАН
Поспелово-1	1962	Т. Г. Бушуева, В. Т. Юровская	"	УрГУ
Поспелово-2	1962	Те же	"	"
Прыговское-1	1962	В. И. Липский	"	"
Рафайлово-2	1983	Н. П. Матвеева	"	"
Рафайловский Остров	1984	А. В. Матвеев	Сборы	ИПОС СО РАН
Романовское-3	1988	Н. П. Матвеева	Раскопки на площади 500 м ²	"
Онуфриевское	1982	"	Разведка	"

Романовское-3	1988	Н. П. Матвеева	Разведка	ИПОС СО РАН
Речкинское-1	1961	В. Е. Стоянов	Раскопки на площади 772 м ²	УрГУ
Речкинское-2	1961	"	" на площади 552 м ²	УрГУ, КОКМ
Савин-2	1985	М. П. Вохменцев	Разведка	КОКМ
Усть-Суерка-2	1963	Т. Г. Гашева	"	УрГУ
Язевское-1	1968-1970	Т. М. Потемкина	Раскопки на площади 1406 м ²	КОКМ
Язевское-2	1971	"	" на площади 76 м ²	КОКМ
Плотина	1972	"	"	"
Бабыркино-2	1957-1958	К. В. Сальников	Разведка	"
Назаровское	1962	А. Г. Дегтярев	Раскопки на площади 312 м ²	УрГУ
Грачевское-1	1974	Н. Н. Бутакова	Разведка	КОКМ
Рассветовское	1983	Н. П. Матвеева	"	ИПОС СО РАН
Карась	1981	И. В. Жилина	"	ТюмОКМ
Плешкин Луг	1981	Н. П. Матвеева	"	ИПОС СО РАН
Скородум-3	1963	Т. Г. Гашева	"	УрГУ
Кокуйское	1963	"	"	"
Криволукское	1962	Р. Енюткина	"	"
Карагушевское	1963	Т. Г. Гашева	"	"
Курганское	1963	"	"	"
Щагинское	1963	"	"	"
Суерское-1	1963	"	"	"
Суерское-2	"	"	"	"
Исток-1	1963	"	"	"
Архангельское	1962	А. М. Харитонов	"	"
Богниково-1	1962	В. Н. Фролов	"	"
Лисья Гора	1970	Т. М. Потемкина	Раскопки	КОКМ
Дианово-2	1972	В. Т. Петрин	Разведка	УрГУ
Мясниковское	"	"	"	"
Мининское	1991	В. В. Горелов	"	ИПОС СО РАН
Городища				
Марьино Ущелье (Богниково-2)	1979	В. А. Могильникова	Разведка	ИА РАН
Коловское	1984	Н. П. Матвеева	Раскопки на площади 140 м ²	ИПОС СО РАН
Мал. Зырянка	1963	Т. Г. Гашева	Разведка	"
	1982	Н. П. Матвеева	"	"
Рефайловское	1983-1987	"	Раскопки на площади 2320 м ²	КОКМ
Прыговское	1961	В. Ф. Генинг	" на площади 162 м ²	ИА РАН
Увал IV	1979	В. А. Могильников	" на площади 169 м ²	ИА РАН
Павлиново	1989	Л. Н. Корякова	Раскопки	ИИА УрО РАН

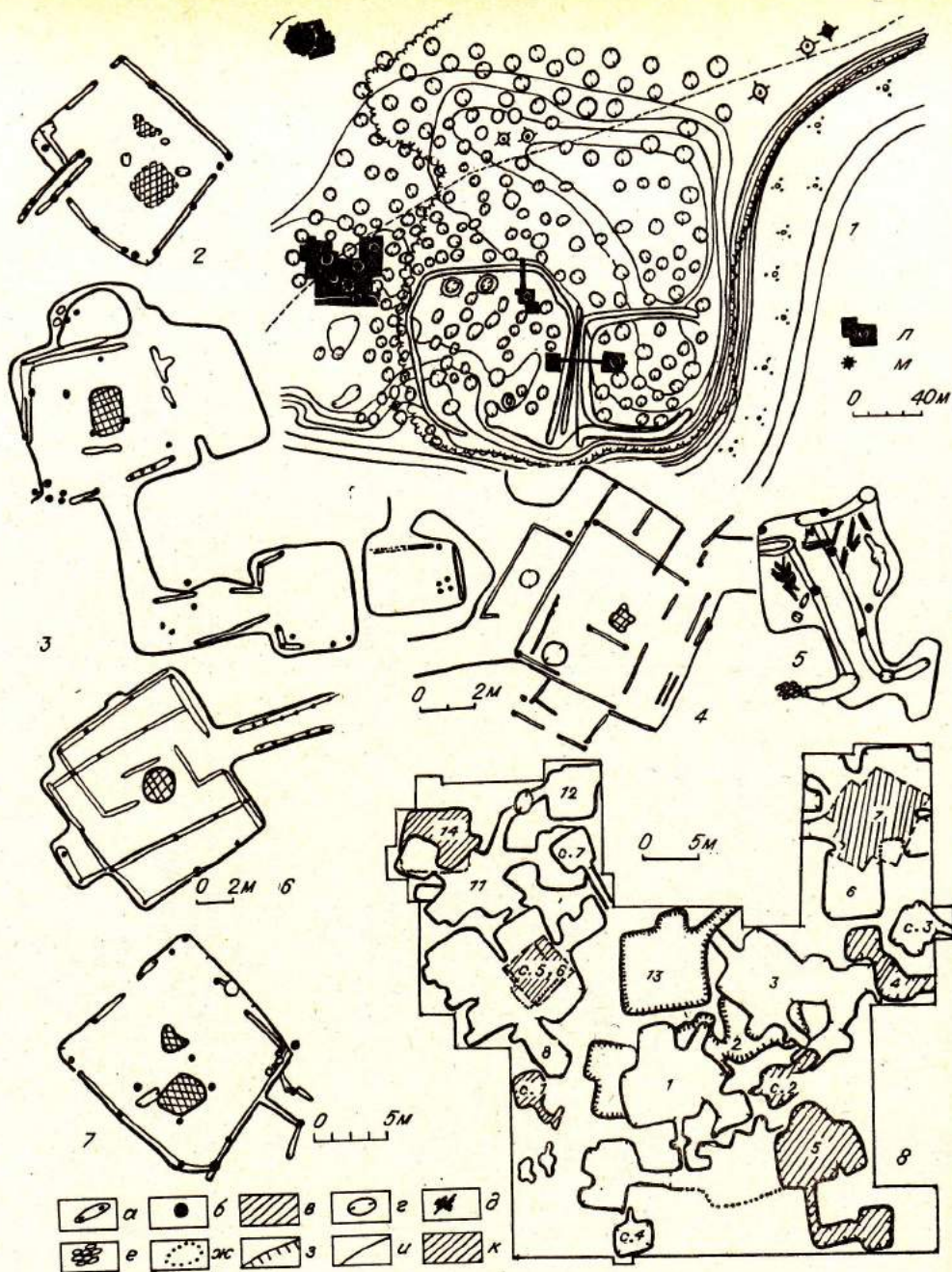

Рис. 34. Рафайловский археологический комплекс.

1 — Рафайловское городище, ситуационный план; 2 — хозяйственная постройка 5; 3 — жилище 5; 4 — жилище 7; 5 — хозяйственная постройка 1; 6 — жилище Рафайловского Острова; 7 — постройка 6; 8 — сооружения из раскопа на селище Рафайловского городища.
 а — канавки; б — ямки от столбов; в — провал; г — хозяйственные ямы; е — выкладка из глиняных кирпичиков; д — уголь; ж — предполагаемые границы; з — сооружения первого строительного горизонта; и — сооружения второго строительного горизонта; к — поздние сооружения.

да и неоднократно. Об этом можно судить по раскопкам 21 разновременного жилища и 7 хозяйственных построек на площади около 2,3 тыс. м². Относительная хронология сооружений устанавливается на основе стратиграфических и планиграфических наблюдений. Наиболее ранний уча-

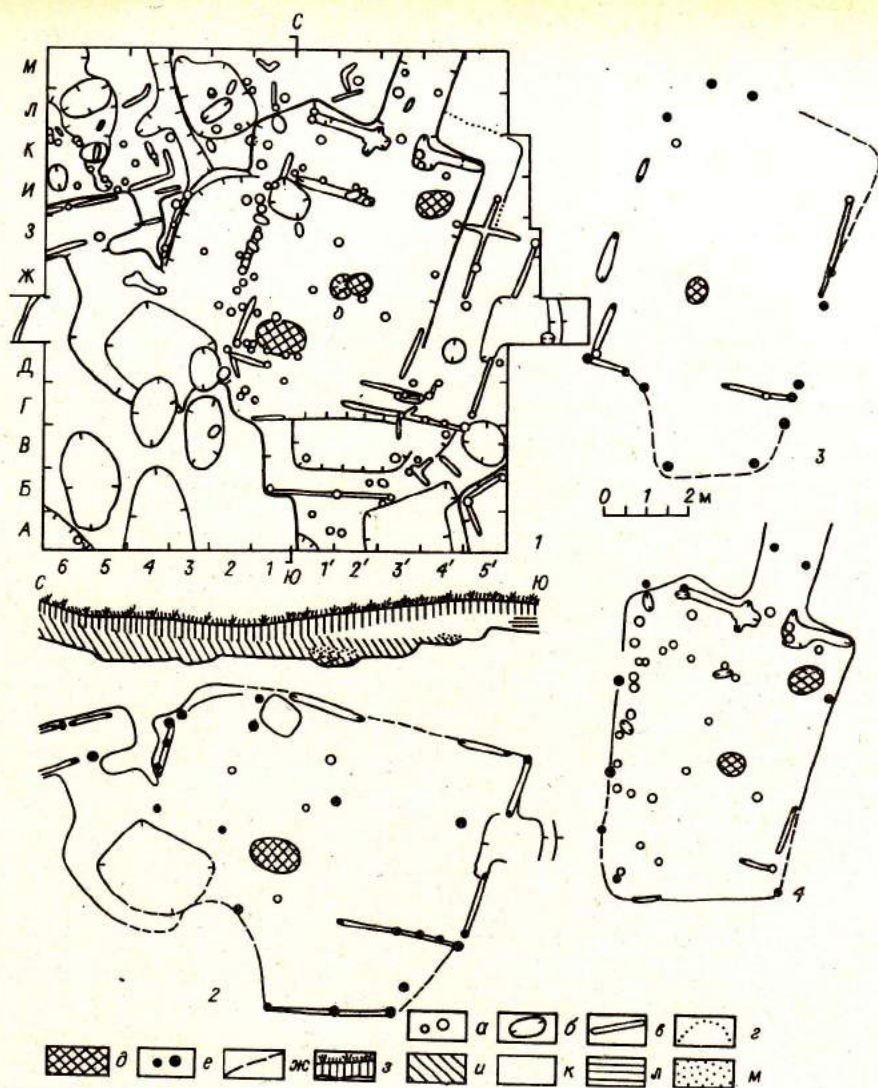

Рис. 35. Рафайловское городище. Раскоп 6 на второй площадке (1) и реконструкции жилищ 5 (2), 6 (3), 7 (4).

а — ямки от столбиков; б — хозяйственные ямы; в — канавки; г — предполагаемые границы; д — провал; е — ямки от столбов каркаса; ж — реконструируемый контур сооружения; з — дерново-гумусный слой; и — темно-серая супесь; к — серая супесь; л — желто-коричневая супесь; м — золистая супесь.

сток застройки исследован на селище раскопом 7; это жилища 9 и 10, перекрытые саргатским курганом. Видимо, одновременно с ними существовали постройки 2 и 2а, 13, самые ранние в раскопках 2, 5 и перекрытые жилищами 1 и 3. Несколько позднее бытовали жилища 1, 3, 6, 8 и хозяйственное сооружение 4. Еще позднее, но, видимо до насыпки кургана, были обитаемы жилища 4, 5, 7, 14 и использовались хозяйственные сооружения 1, 2, 3, 5, 6, перекрывающие жилища „второго строительного горизонта”. Аналогичная картина прослеживается и на площадках городища, в частности в раскопе 1 жилище 3 перекрывает более раннее жилище 1, в раскопе 6 — жилища 5–7 построены последовательно на одном и том же месте (рис. 35, 1). Таким образом, на разных участках поселения обнаружены постройки одного, двух и даже трех „строительных горизонтов”, а также захоронения. Кроме того, для всех участков памятника характерна очень плотная застройка, что отчасти объясня-

ется сооружением на месте пришедших в негодность жилищ или в непосредственной близости с ними новых построек. Поселение характеризуется также разнообразием планировочных решений и большой сложностью конструкций сооружений, в частности многокамерностью. По мере развития поселения участки более ранней застройки постепенно забрасывали, превращали в скрытые зольники, а новые постройки возводили на периферийных участках поселения, вплоть до выселка, образовавшегося на гриве „Рафайловский Остров”, среди заливного луга, в 300 м от городища. Этот процесс развития поселений подтверждается и относительно поздней датой Рафайловского Острова – III–II вв. до н. э. и кург. 1 – конец IV – начало III в. до н. э., по сравнению с селищем и городищем, датированными V–IV вв. до н. э. Такой же процесс развития поселения был характерен, по-нашему мнению, для селищ на В. Ингальском Борке. Первоначально, очевидно, возникло поселение на участке В. Ингальского Борка-2 (его керамика из шурфа близка к рафайловской) у старицы р. Ингалы, затем оно разрослось и заняло дюну у правого берега самой Ингалы, общая площадь его составила около 1 м².

Рафайловское городище

Расположено в Исетском районе Тюменской области, на правом берегу Исети, в 9 км к западу от с. Рафайлово. Занимает останец первой надпойменной террасы Исети, поросший смешанным лесом и окруженный старицами. Памятник представляет собой комплекс, состоящий из двух укрепленных прямоугольных площадок размерами 65х80 и 90х100 м, обширного селища и насыпанного на его площади курганного могильника (см. рис. 34, 1). Площадь его более 60 тыс. м².

Городище открыто в 1982 г. и исследовалось в 1983–1987 гг. В течение четырех полевых сезонов на городище и селище вскрыт участок площадью 2320 м², исследовано 21 жилище, 7 хозяйственных построек, оборонительные сооружения на обеих площадках, погребение и курган.

Стратиграфическая картина на всей площади памятника не единообразная. Толщина культурного слоя и количество прослоек различны в разных его частях. Наиболее мощный слой, до 1,5 м, наблюдался во второй (меньшей) площадке городища, около 0,8–1,2 м – на первой площадке и на селище, до 0,4 м, (тонкий выклинивающийся) – на северо-восточной окраине, у кург. 1. Характер напластований зависит от степени плотности застройки, принадлежности объектов к одному или разным ее периодам, функционального назначения сооружений (жилые, хозяйственные, вал, ров и т. д.). Культурный слой состоит из разноцветных прослоек черной, серой, коричневой, золистой или другой супеси, материк – желтый песок.

Жилища в укрепленной части в основании небольших размеров и однокамерные, за исключением постройки 5 на второй площадке (табл. 6, 7). Это были жилые помещения, в которых, видимо, прятались в момент военной опасности. Цитадель Рафайловского городища использовалась длительное время, и в ней неоднократно переносили и сооружали в старых котлованах новые постройки. Особенно хорошо это прослежено на материалах жилищ 5–7, располагавшихся на второй площадке городища. Они были сооружены последовательно на одном и том же месте, поэтому при раскопках выявился сложный рельеф котлована, понижавшегося к центру тремя ступенями, которые отражали существование трех самостоятельных полуземлянок. На полу оказалось множество ямок от столбов и хозяйственных ям, канавок. Судя по тому, что одни ямы перекрывались другими, стратиграфическим данным, расположению канавок – следов горизонтально лежащих бревен, сохранившихся от стен, можно выделить объекты, относящиеся к трем разновременным жилищам. С наибольшей вероятностью реконструируется поздняя (7), с несколько меньшей – наиболее ранняя (5), с еще меньшей достоверностью – промежуточная постройка (6). В ходе реконструкций

Таблица 6

Характеристика однокамерных жилищ Рафайловского городища

Объект	Форма	Площадь, м	Глубина, м	Ориентировка
Цитадель, раскоп 1, жилище 3	Прямоугольная	76	0,6	Северо-запад — юго-восток
То же, раскоп 6 Жилище 6	”	39	0,6	То же
Жилище 7	Трапезиевидная	33	0,9—1,0	Северо-северо-восток — юго-юго-запад

площадки общая площадь построек несколько уменьшалась. Это обстоятельство заставляет предполагать использование их обитателями как основных мест проживания и хозяйствования многокамерных усадеб вне цитадели.

Жилые постройки на селище значительно больше по размерам, чем в цитадели (табл. 8, 9). Это многокамерные полужемлянки сложной конструкции. Помещения в них соединены длинными крытыми коридорами, в стенах имеются выступы — пристройки или ниши. Очаги устроены в полу, в ямах. В ряде случаев под нарами прослежены возвышения материкового грунта. В жилых помещениях на дне котлованов часто прослеживаются канавки — следы переводов от настилки пола. Малые (хозяйственные) камеры разнообразны по площади, соотносённости с жилыми, рельефу пола, составу находок. Иногда они служили сеними (жилище 8, камера 5), часто кладовыми (жилище 1, камера 2) либо хлевом (жилище 5, камера 2).

В этой части памятника жилища располагались полукругом, причем жилые камеры были обращены к центру, а вспомогательные построены позади них. Поодаль находились отдельные хозяйственные сооружения. Все постройки окружены хозяйственными ямами и ямами от столбов. Принадлежат они не менее чем к трем „строительным горизонтам“. К самому раннему относятся жилища 2, 13, перекрытые соответственно жилищами 1 и 3, а также 8 и, видимо, жилища 9 и 10, обнаруженные под насыпью кург. 1. Ко второму периоду застройки относятся жилища 1, 3, 6, 11, 12, синхронность двух первых определяется анализом керамики по методу связей. Самые поздние — жилища 4, 5, 7, 14. Относительная хронология построек установлена по фактам их взаимного перекрытия, особенностям стратиграфии и планиграфическим наблюдениям.

Хозяйственные постройки обнаружены только на селище (см. рис. 42, 8).

Сооружение 1 прямоугольной формы, размерами 3,5х3,0 м, глубиной 0,15 м от уровня материка. Широкий и длинный коридор (1,3х5,0 м) Г-образной формы ведет от середины южной стенки на юго-восток. Вдоль стен по центру камеры и коридору прослеживаются канавки от горизонтально лежащих бревен в основании стен и от переводов. Сооружение погибло от пожара, об этом свидетельствуют углистые полосы, остатки обгоревших бревен, зола. Толщина обгоревшего дерева 12–16 см, оно лежало в направлении север — юг и северо-запад — юго-восток, что позволяет предполагать существование плоской или односкатной кровли. Очага и хозяйственных ям нет. Зола от этого пожара перекрывает все слои в западной части раскопа на селище и свидетельствует о том, что сооружение 1 является самой поздней здесь постройкой (см. рис. 34, 8).

Сооружение 2 представляет собой полужемлянку подпрямоугольной формы, размерами 3,7х3,0 м, ориентированную по линии северо-запад — юго-восток, с длинным и широким (3,5х1,8 м) выходом-тамбуром, обращенным на северо-восток. Полужемлянка углублена на 0,4 м. На выходе имеется ступенька шириной 0,7 м и высотой 0,2 м. Тамбур прорезает юго-западную стенку камеры 2 жилища 3, что указывает на поздний возраст постройки. Это подтверждается и распределением находок.

Сооружение 3 прямоугольной формы, размерами 3,7х4,0 м, глубиной 0,5 м ориентировано по линии северо-восток — юго-запад. Котлован по

Таблица 7
Планировка однокамерных жилищ Рафайловского городища

Жилище	Пристройка площадью, м ²	Выход			Очаг		
		тип	ориентировка	размер, м	место	форма	размер, м
3	—	Выступ	Северо-восток	?	Пол	Округлая	0,6
6	6	?	?	?	"	"	0,6
7	—	Коридор	Северо-северо-запад	1,4 x 3	"	"	0,6
						Овальная	0,9 x 0,7

Таблица 8
Характеристика многокамерных жилищ Рафайловского городища

Объект		Форма	Площадь, м	Глубина от древней поверхности, м	Ориентировка
жилище	камера				
1	2	3	4	5	6
Цитадель					
1	1	Подквадратная	34	0,5	Северо-запад — юго-восток
1	2	Прямоугольная	34	0,4—0,5	Юго-запад — северо-восток
5	1	"	4	0,5	Северо-северо-запад — юго-юго-восток
5	2	"	10	0,5	Северо-запад — юго-восток
Селище					
9	1	Прямоугольная	22,4	0,4	Северо-восток — юго-запад
9	2	Неправильная	11,4	0,5	Северо-северо-запад — юго-юго-восток
10	1	"	58	0,4—0,6	Северо-восток — юго-запад
10	2	Прямоугольная	7	?	Запад — восток
11	1	"	37	0,55	Северо-запад — юго-восток
11	2	"	16,8	0,4	Север — юг
11	3	Квадратная	6,8	0,8	Северо-северо-запад — юго-юго-восток
11	1	"	10,9	0,8	Север — юг
13	1	Подквадратная	52,5	0,3—0,5	То же
14	1	Прямоугольная	25	0,5	"

Окончание табл. 8

1	2	3	4	5	6
14	2	Подквадратная	36	0,5	Запад — восток
1	1	"	80	0,8	Север — юг
1	2	Прямоугольная	10	0,8	Северо-восток — юго-запад
1	3	Неправильная	50	0,4—0,5	Восток-северо-восток — запад-юго-запад
1	4	"	30	0,4—0,5	Север — юг
3	1	Квадратная	45,5	0,5—0,7	Северо-запад — юго-восток
3	2	Неправильная	40	0,6	Запад — восток, северо-запад — юго-восток
4	1	Квадратная	9	0,7	Запад — восток
5	1	Прямоугольная	13	0,7	Запад-северо-восток — восток-юго-восток
2	2	Квадратная	28	0,5—0,8	Север — юг
6	1	Прямоугольная	36	0,7	То же
6	2	"	20	0,6	Запад — восток
6	3	"	3,2	0,8	То же
6	4	"	47	0,5—0,8	Северо-восток — юго-запад
7	1	"	8	0,6	Запад — восток
7	2	Неправильная	73,5	0,4—0,5	Северо-запад — юго-восток
8	1	Подпрямоугольная	13,2	0,4—0,5	То же
8	2	Квадратная	26	0,35—0,4	Северо-северо-восток — юго-юго-запад
8	3	Трапециевидная	10	0,8	То же
8	4	Неправильная	12,6	0,4	Северо-восток — юго-запад

Таблица 9
Детали планировки многокамерных жилищ Рафаиловского городища

Объект		Пристройка	Возвышение	Выход		Очаг		
				тип	ориентировка	размеры, м	место	форма
жилище	камера							размеры, м
1	2	3	4	5	6	7	8	9
								10
1	1	6	—	Коридор	Юго-запад	0,8x2	Яма	Прямоугольная
1	2	6	+	Выступ	Северо-запад	0,7x0,8	Пол	Овальная

Цитадель

1,1x1
1x0,6

Окончание табл. 9

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Цитадель									
5	1			Переход	Юго-восток		Яма	Овальная	1,2x0,8
5	2	8		Тамбур	Юго-запад	1,0х? 1х2,5	—	—	—
Селище									
9	1			Выступ	Восток	2,2х1,1	Яма	Овальная	1,5х1,1
9	2			Коридор	Северо-запад	2,3х0,9	—	—	—
10	1	10		"	Юго-восток	3,6х0,6	Яма	Овальная	2,2х1,2
10	2			"	—	—	—	Прямоугольная	1,5х0,9
11	1	14,5		"	Северо-восток	1,2х6,5	Пол	Овальная	1,2х0,8
	2			Тамбур	Запад-северо-запад	0,8х1,0	—	—	—
	3			—	Северо-восток	2,6х3,6	—	—	—
12	1			Коридор	—	—	—	—	—
14	1	Выступ		—	Юго-запад	1,4х4,5	—	—	—
13	1	3,4		Коридор	Юг	?	?	?	?
	1		3,1х1,5	—	Северо-запад	1,3х3	Яма	Овальная	0,5х0,9
			2,7х1,5		—	—	—	—	0,3х1,0
			1,3х1,3		—	—	—	—	—
			+		Северо-восток	1,3х2,2	Яма	Круглая	0,7
1	1	+	+	Выступ	—	—	—	—	—
1	2	—	—	—	Север	1,4х1,7	Яма	Прямоугольная	0,6х0,9
1	3	+	—	Выступ	—	—	—	—	—
1	4	—	—	"	Юго-восток	1х4	Яма	Овальная	0,6
3	1	+	—	Коридор	Северо-запад	1,0х2,0	—	Круглая	1,0х0,6
			—	—	—	—	—	—	—
3	2	Выступ	—	—	—	—	—	—	—
4	1	8	—	?	?	?	Пол	Овальная	1,6х1,0
5	1	—	—	—	—	—	?	?	?
5	1	—	—	—	—	—	?	?	?
6	1	—	—	—	—	—	?	?	?
6	2	+	—	?	?	?	?	?	?
6	3	?	—	?	?	?	?	?	?
6	4	?	?	?	?	?	?	?	?
7	1	5,8	—	Переход	Восток	2,0х?	Яма	Неправильная	0,6х0,8
7	1	—	—	Коридор	Запад	1,3х3	?	?	?
8	2	—	—	Выступ	Юго-запад	1,2х1,1	?	?	?
8	1	—	—	?	?	?	—	—	—
8	3	Выступы	—	—	Юго-запад	1,1х0,8	—	—	—
8	2	—	—	Переход	—	—	—	—	—
8	4	—	—	Тамбур	Северо-восток	4,5х2,8	—	—	—
8	5	Выступы	—	—	—	—	—	—	—

форме близок к четырехугольнику со скругленными углами. На полу обнаружены лишь две небольшие ямки. Преобладают находки в первичном заполнении, что может свидетельствовать в пользу относительно позднего возраста постройки.

Сооружение 4 – полуземлянка подпрямоугольной формы, глубиной 0,6–0,7 м, ориентирована по странам света. Ее размеры 3,8х3,0 м, выход в виде прямоугольного выступа шириной 1 м и длиной 1,4 м обращен на север. Пол ровный; ямы, очаг не обнаружены. Преобладание находок во вторичном заполнении над первичным указывает на сравнительно ранний характер постройки.

Сооружение 5 располагалось в котловане более раннего жилища 8. Фиксировалось в плане лишь на уровне материка по остаткам конструкции стен – ямам от столбов и канавкам, образующим правильные прямоугольные очертания. Сооружение представляло собой квадратную полуземлянку размерами 4,2х4,2 м, углубленную на 0,6 м от древней поверхности, ориентированную по линии северо-запад – юго-восток. Выделить хозяйственные ямы чрезвычайно трудно, так как на месте данного сооружения позднее существовало сооружение 6. Сооружение 5, видимо, горело, поскольку у юго-западной стены и южного угла пол прокален, встречались угли. После пожара его перестроили (см. рис. 34, 2).

Сооружение 6 построено на месте сооружения 5. Фиксировалось на уровне первичного заполнения, будучи отличным от заполнения жилища 8. Сооружение 6 ориентировано так же, как и сооружение 5, но несколько больше по площади – 4,7х4,7 м. На полу выявлено обилие ям, относящихся к данной и более ранним постройкам, и два очага, функционировавших одновременно. В сооружениях 5 и 6 найдены керамика, кости животных, железные шлаки и ошлакованные куски глиняной обмазки печи. Поэтому можно предполагать, что здесь проводилась выплавка железа, а очаги были разрушены к моменту раскопок горнами (см. рис. 34, 7).

Сооружение 7 – полуземлянка трапециевидной формы, площадью 9 м и глубиной 0,35 м от уровня материка. Она прорезает котлован камеры 2 жилища 11, имеет иную, чем он, ориентировку – по линии северо-запад – юго-восток. Длинный коридор (3,5 м) отходит от середины юго-восточной стенки, вдоль его стен расположены ямки от столбов каркаса, в котловане самой постройки ям нет, возможно, она была срубной. Пол ее ровный, находок мало.

Участки межжилищного пространства невелики. Наибольшее расстояние наблюдается между жилищами 3 и 6 – около 4 м и между жилищами 1 и 8 – около 5 м. В ряде случаев постройки вплотную примыкают друг к другу, например выход из жилища 8 и сооружение 1, выход из жилища 3 и жилища 13 (см. рис. 34, 8), что свидетельствует об их одновременности. Площадь памятника в целом была чрезвычайно плотно застроена. На пространстве между жилищами обнаружены большие и мелкие ямы, зачастую нарушающие друг друга, имелось много находок. В юго-западной части раскопа на селище обнаружен сравнительно большой участок незастроенной площади – более 70 м², что объясняется, видимо, существенным наклоном дневной поверхности. Кроме хозяйственных ям здесь обнаружены ямки от столбов каких-то наземных построек и открытые очаги. Близ сооружения 1 отмечена глиняная выкладка из небольших аморфных кирпичиков и спекшейся земли.

Оборонительные сооружения Рафайловского городища состоят из двух площадок подпрямоугольной формы, окруженных одним валом и ровом. На большей прослеживаются въезды с противоположных сторон. Но, как показали раскопки, фактически защитных линий было построено несколько, но существовали они в разное время. Самый ранний ров появился, вероятно, во время существования здесь поселения байтовской культуры, впоследствии полностью разрушенного строительной деятельностью саргатов. С северной стороны первой площадки этот ров новые обитатели углубили до 1,7 м и расширили до 3 м. Некоторое воз-

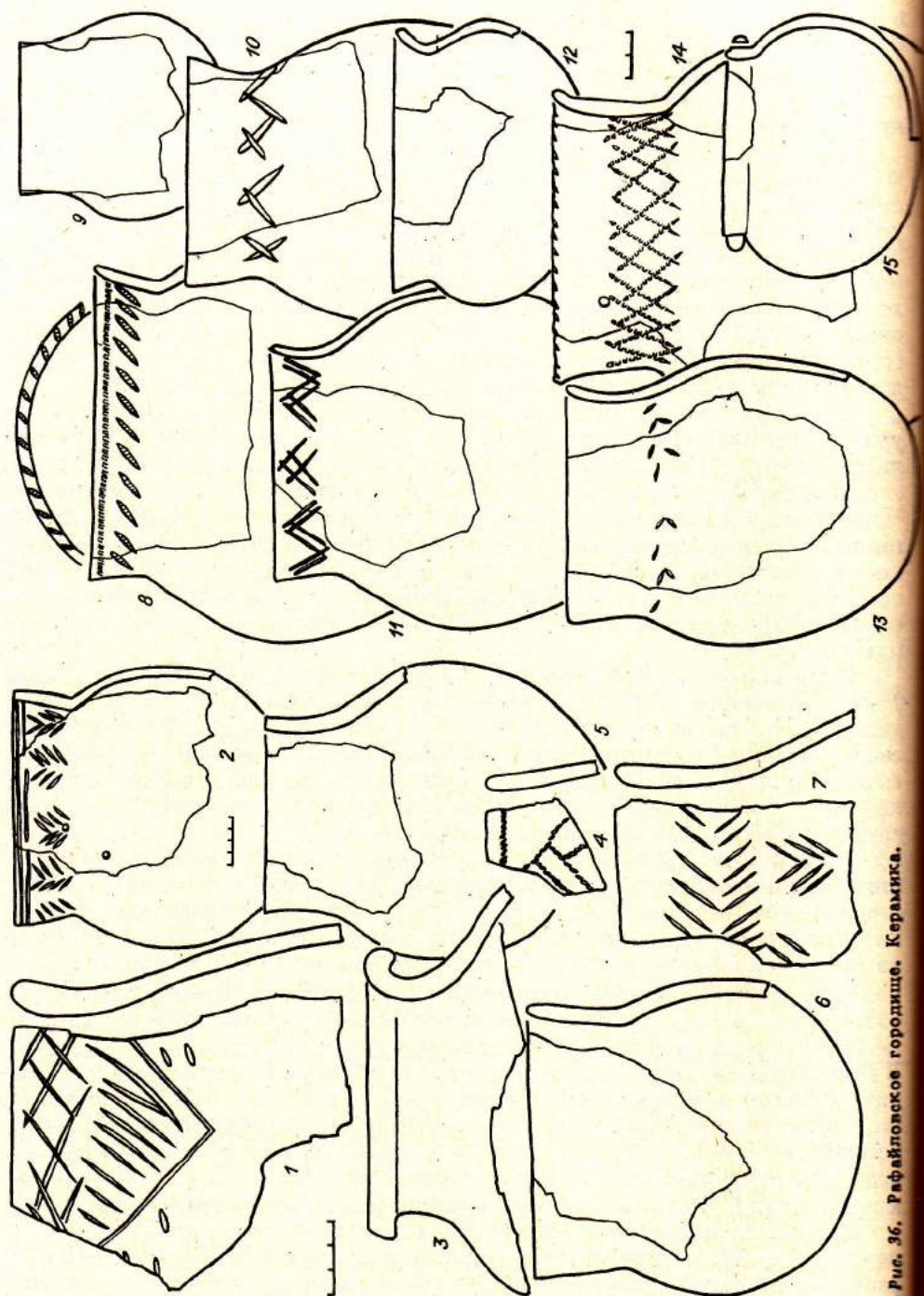

Рис. 36. Рафайловское городище. Керамика.

вышение с внутренней стороны („вал“) над площадкой городища образовалось за счет выкида из рва. Этот же ров обнаружен на восточной стороне большой площадки. Внутри первой площадки был зафиксирован полукольцевой ров глубиной 0,8 м и шириной около 1,5–2 м, окружавший часть жилищ в виде цитадели, которую соорудили только в саргатское время. Затем ров был углублен до 1,5 м и расширен до 3 м. Потом эта внутренняя линия почти полностью заплывла. Очевидно, в это время строились фортификационные сооружения на второй площадке. Впоследствии обитатели вернулись к укреплению цитадели и на месте последнего вырыли новый ров, теперь в его заполнении, уже и мельче прежнего (1,5х1,0–1,3 м).

Вторую, меньшую, площадку первоначально, возможно, окружал ров,

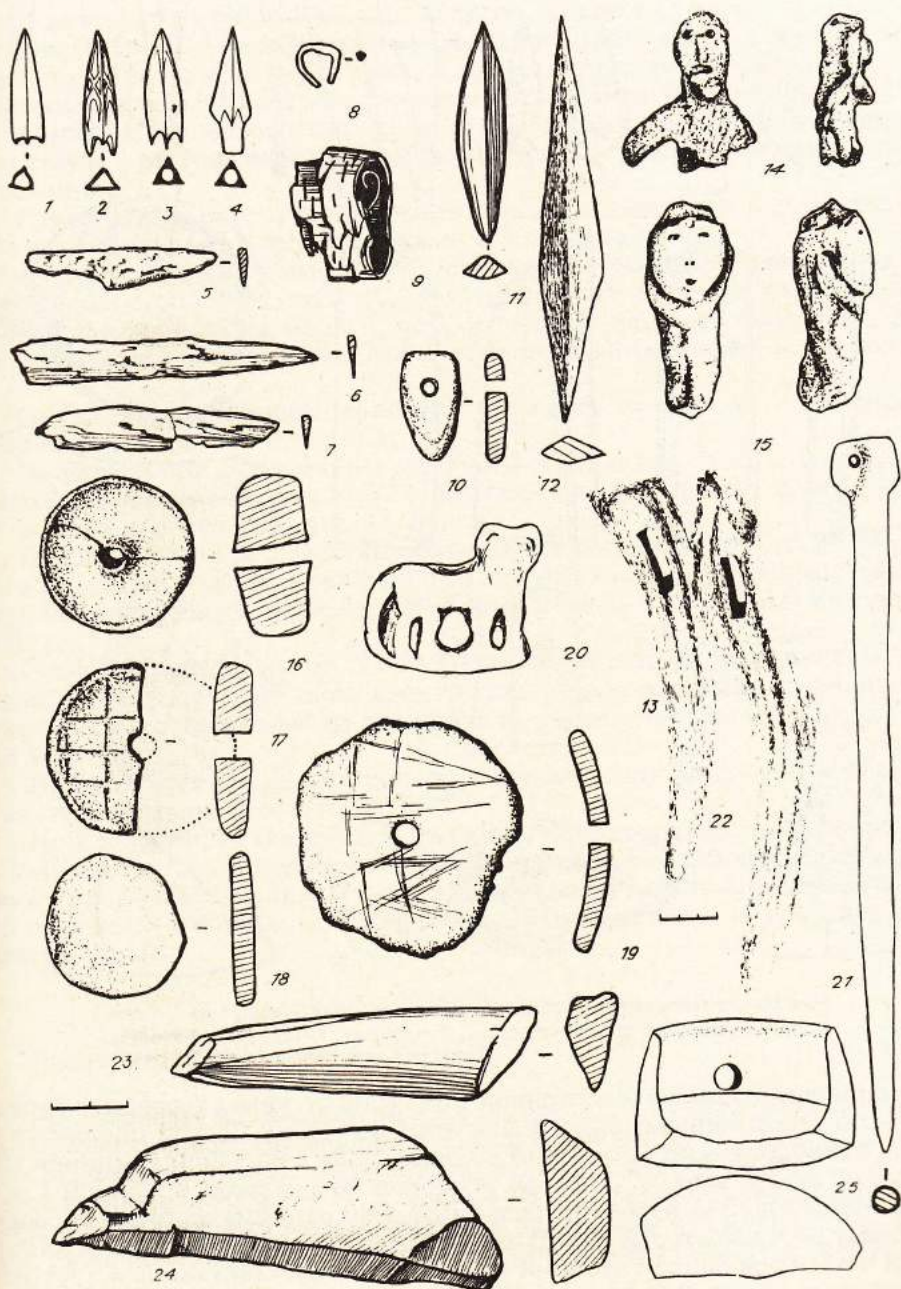

Рис. 37. Рафайловское городище. Инвентарь.

1–4, 8, 20 – бронза; 5–7 – железо; 9 – береста; 10, 14–19 – глина; 11–13, 21, 22 – кость; 23–25 – камень.

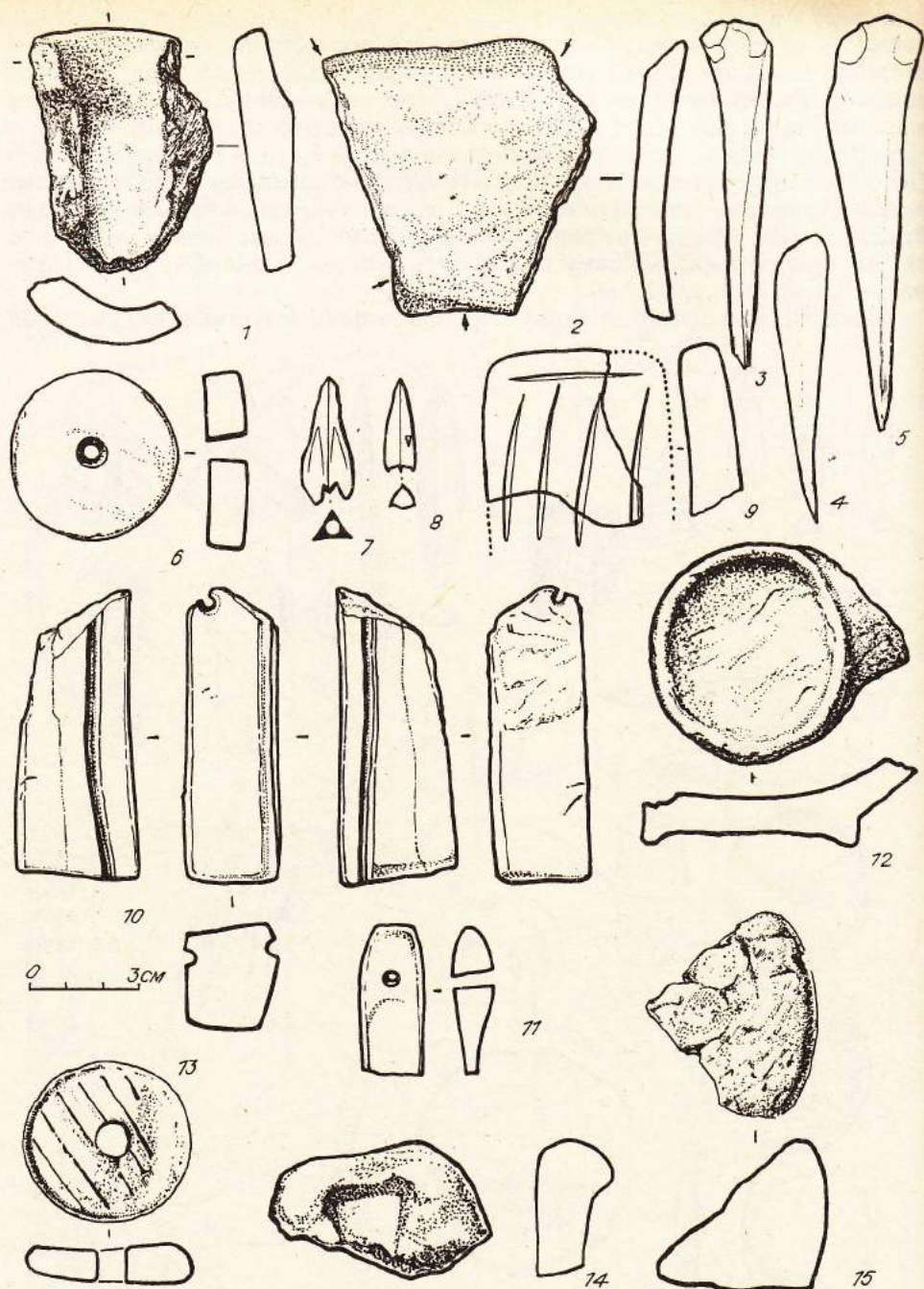

Рис. 38. Рафайловское городище. Инвентарь раскопов 3, 5 на селище.
1, 2, 6, 12 13 — глина; 3—5 — кость; 7, 8 — бронза; 9—11, 14, 15 — камень.

проходивший с южной и восточной сторон по склонам террасы, с западной — по естественному склону ложбины в сторону первой площадки и лишь с северной — по напольной стороне. Вала с большой земляной насыпью не существовало. Этот ров, конический в разрезе, глубиной 1 м и шириной около 5 м, вероятно, был синхронен раннему жилищу 5, сооруженному на краю второй площадки. Позднее появились новые жилища 6, 7 и новый ров более глубокий (до 1,5 м) и широкий (около 4,5 м). Ров 2 располагался на 2,5 м западнее предыдущего, ближе к первой площадке. Одновременно из песка, золистых масс, хозяйственного мусора

был насыпан вал, закрепленный мощным выбросом материкового грунта из нового рва (2) с внешней стороны и бревенчатыми конструкциями с внутренней. Вал перекрыл выход из жилища 5, развал его впоследствии составил 7,5 м, а высота со дна рва 3,2 м (современная высота со дна рва 1,8 м).

Таким образом, за время функционирования городища фортификации перестраивали не менее трех раз в соответствии с нуждами обороны и ростом численности населения. Причем обе площадки эксплуатировались одновременно. Население создавало укрепления, используя все возможности, такие, как наличие ложбины, склоны и изгибы террасы.

Инвентарь Рафайловского городища богат и разнообразен. Основную массу находок составляет саргатская и гороховская керамика. Представлены фрагменты более 1 тыс. сосудов, а также 58 развалов и целых сосудов (рис. 36). Гороховская керамика распределяется довольно равномерно по площади памятника, а также по слоям и горизонтам, составляя около 15 % всего керамического комплекса. Вместе с саргатской и гороховской залегает кашинская и прыговская керамика, что свидетельствует о разнородном (разнокультурном) составе жителей этого поселения.

Орудия труда представлены железными ножами (7 экз.), пряслицами (161 экз.), керамическими скребками (69 экз.), точилами (30 экз.), оселками (3 экз.), проколками (4 экз.), рукоятями сложносоставных (пахотных?) приспособлений (рис. 37, 22). Найдены также сопла, обломки литейных форм, шлаки, медный лом, железная руда, отбойник (рис. 38). Из предметов рыболовства имеются берестяные поплавки (см. рис. 37, 23).

Оружие представляют обломки кинжала, костяных и бронзовых наконечников стрел.

Из украшений обнаружены золоченые глазчатые бусы (3 экз.), подвеска, сурьматаш (см. рис. 37, 10), бронзовая литая пряжка в виде стоящего ушастого зверя (см. рис. 37, 20).

Предметы культа представляют обломки каменного четырехугольного блюда на ножках, аналогичного савроматским и сакским, а также курильница из камня чашевидной формы с низким бортиком [Матвеева, 1988, рис. 4].

Особо следует отметить 12 обломков среднеазиатской станковой посуды: стенки, плоские днища, венчики, ручки, а также 7 пряслиц и скребков, изготовленные из черепков таких сосудов (см. рис. 36, 3; 37, 18).

Прочие находки: две глиняные фигурки – скульптурные изображения мужчины и женщины (см. рис. 37, 14, 15).

По датирующим предметам Рафайловское городище можно отнести к V–III вв. до н. э. Видимо, саргатское население появилось здесь в конце V – начале IV в. до н. э. и существовало до III в. до н. э. К концу периода относится возникновение кургана на заброшенной к тому времени части селища.

Поселение Рафайловский Остров

Расположено на высокой гриве в пойме Исети, у подножия ее террасы, в 300 м к юго-западу городища. Ее длина около 350 м, ширина до 60 м. На поверхности гривы, лишенной деревьев и кустарников, в рельефе хорошо заметны остатки 11 землянок. В центральной, самой широкой, части гривы впадины располагаются в два, а ближе к концам – в один ряд. Размеры западин от 8х10 до 14х16 м, глубина обычно не превышает 0,3–0,5 м.

Раскопом размерами 25х20 м, заложенном на вершине гривы в ее

центральной части, А. В. Матвеев исследовал остатки одного жилища. Им также вскрыта значительная часть межземляночного пространства с большим количеством ям и остатки еще одного сооружения, ушедшего в борт раскопа.

Жилище 1 прослеживается в виде чашевидной западины округлой в плане формы, диаметром около 13 м, глубиной в центре до 30 см. Под дерново-гумусным слоем лежал слой темно-серой супеси мощностью 0,7 м, являющейся основным заполнителем котлована.

Жилище 1 представляло собой камеру подпрямоугольных очертаний, ориентированную по линии юго-запад – северо-восток. От камеры отходили два коридора: узкий и длинный, длиной не менее 6,5 м, ориентированный на северо-восток, и широкий и короткий, размерами 2,5х2 м, ориентированный на юго-запад. Первый, несомненно, служил входом в жилище. Размеры жилой камеры 8,5х9 м, глубина от уровня материка 0,4–0,45 м. Пол жилища ровный. В центральной его части прослежены остатки очага в виде линзы прокала размерами 1,4х1,45 м, мощностью до 15 см в центре. Все 34 расчищенные на полу ямы могут быть отнесены к разряду столбовых. Они вертикальные, образуют четыре четких ряда, два из которых проходят вдоль боковых стенок котлована, а два других идут параллельно им, отступая от стен на 1,5–2 м. Столь же четкая система в расположении ям прослежена на полу ведущего в полуземлянку коридора. Здесь ямы располагались одна против другой вдоль самых его стенок с интервалом в 0,75–1,5 м.

В полу жилища зафиксированы узкие канавообразные углубления шириной 8–20 см и глубиной в среднем 8–10 см. Они проходили по периметру котлована жилой камеры и коридора и по линиям опорных столбов в центральной части сооружения. Аналогичные канавки отмечены вокруг очага. Судя по всему, это следы бревенчатой основы, на которую настилали деревянный пол. Пол имелся не только в жилой камере, но и в коридоре (см. рис. 34, 6).

Находки в пределах жилища встречались по всей толщине культурного слоя. Во вторичном заполнении найдено 288 фрагментов керамики и 37 костей. Поскольку постройка нарушила слой эпохи ранней бронзы, в инвентарь попали отщепы и изделия из кремня. В первичном заполнении найдено 8 фрагментов керамики и 4 кости, 2 пряслица и раздавленный сосуд (рис. 39).

Сооружение 1 на дневной поверхности памятника не прослеживалось, оно располагалось северо-восточнее жилища 1, на расстоянии 2 м от него. Форма и размеры сооружения точно не известны. Котлован углублен в материк на 0,45 м двумя ступеньками.

В полу сооружения обнаружено несколько небольших ямок, которые по форме и размерам могут быть отнесены к разряду столбовых.

Сооружение перерезано коридором жилища 1. Несколько более светлая окраска заполнения коридора хорошо выделялась на фоне заполнения котлована сооружения 1, после его выборки установлено, что коридор на 20–40 см перерезал материковый пол постройки.

Во вторичном заполнении котлована сооружения 1 обнаружено 63 фрагмента керамики, скребки, отщеп, пряслице из стенки сосуда и развал саргатского горшка. В первичном заполнении котлована сооружения 1 найдены 65 фрагментов керамики, точило, 4 отщепа и обломки двух грузил.

Преобладание на дне сооружения керамики саргатского типа позволяет относить его к эпохе раннего железного века.

Еа межжилищном пространстве зафиксированы несколько хозяйственных ям. Находки в целом равномерно распределены в толще культурного слоя. Здесь обнаружены 401 фрагмент керамики, 21 кость, 13 грузил, 55 изделий из кремня и отщепов, керамический скребок, точило, 3 пряслица. На межземляночном пространстве культурные остатки раннебронзового или энеолитического времени значительно преобладают над остатками саргатского времени. На этой площади оба поселка существовали последовательно.

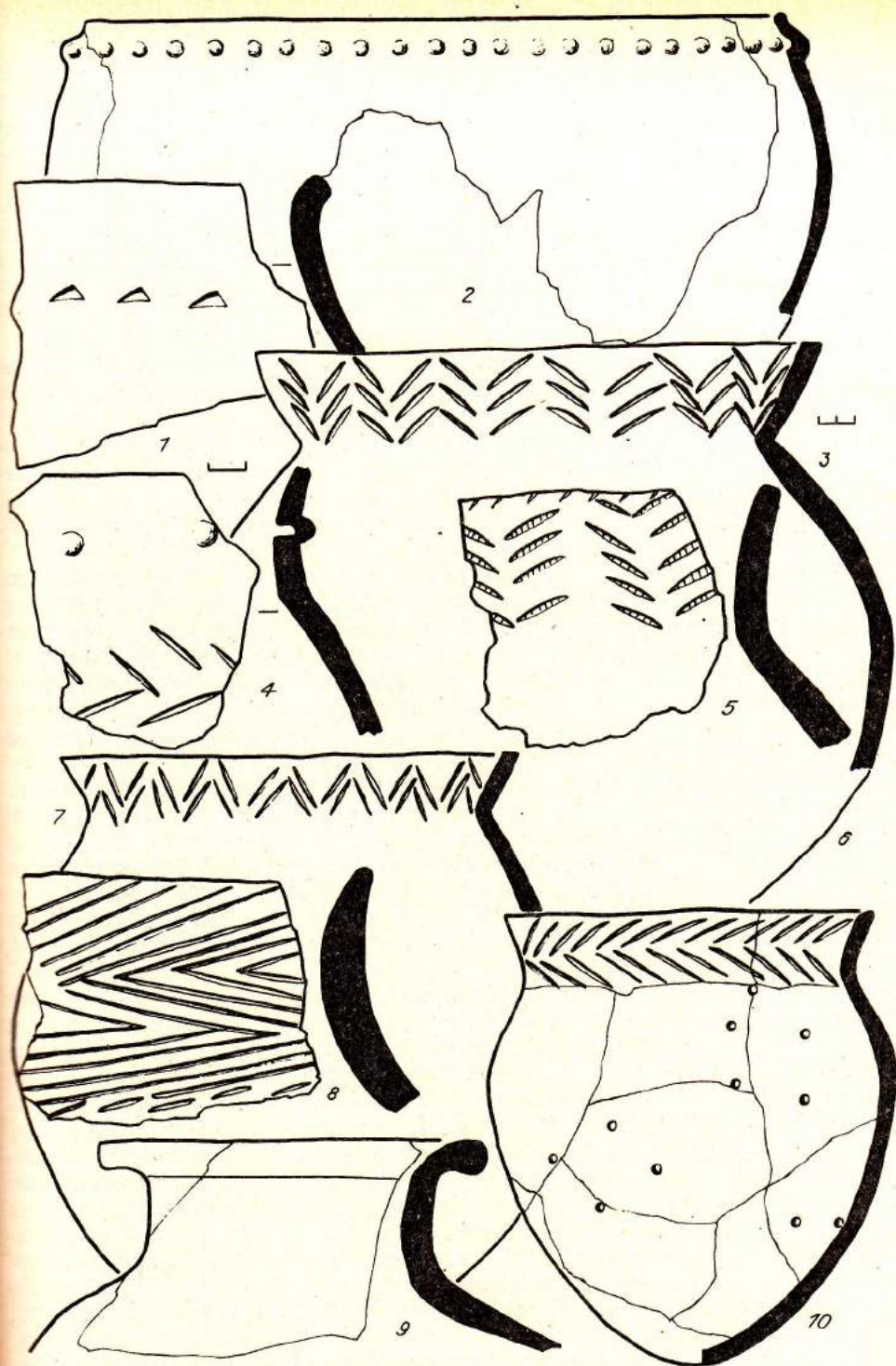

Рис. 39. Рафайловский Остров. Керамика из раскопа.

Датировку поселения позволяет определить стеклянная бочковидная бусина синего цвета с синими глазками в желтых ободках IV-II вв. до н. э. [Алексеева, 1975, с. 62].

Открыто в 1981 г. А. В. Матвеевым и М. И. Пестеревым на мысу невысокой надпойменной террасы правого берега Ингалы, в 1 км к востоку от с. Ингалинка Упоровского района Тюменской области. В восточной части мыса прослеживается несколько земляночных западин диаметром 10–20 м и глубиной 0,5–0,8 м.

В 1982 г. в северо-восточной части поселения на одной из западин А. В. Матвеевым заложен раскоп площадью 144 м², вскрывший остатки жилища [Матвеев, Матвеева, 1984, с. 219]. Четыре года спустя к этому раскопу Н. П. Матвеевой был прирезан участок площадью 171 м², на котором изучены еще одно жилище и часть межземляночного пространства.

Стратиграфически изученная раскопками площадка единообразна. Культурный слой начинался сразу под дерном и представлял собой темно-серую гумусированную супесь мощностью 0,5–0,8 м. В нижней части разрезов в пределах углубленных в материк котлованов полуземлянок она сменялась темной, почти черной супесью – первичным заполнением жилищ, образовавшимся в период разрушения их кровли. Мощность данных прослоек 10–15 см. Ниже – желтый материковый суглинок.

Жилище 1 располагалось возле края террасы. Это остатки двухкамерной постройки, углубленной в материк на 10–15 см (рис. 40, А). Малая камера трапециевидных очертаний, размерами 4,6х3,1 м с полом, постепенно понижающимся от краев полуземлянки к ее центральной части, являлась, очевидно, хозяйственной частью дома, широким коридором длиной около 1,5 м она соединялась с основной, жилой, частью сооружения. К этому же коридору с севера вел канавообразный вход в жилище шириной 0,8 м и длиной до 4 м, заканчивающийся небольшим расширением. Глубина его аналогична общей глубине котлована и не превышает 15 см, дно ровное. Жилое помещение длиной 9,5 м и шириной 4–4,5 м имело подквадратной в плане формы очаг размерами 0,9х0,9 м, представлявший собой обыкновенный костер, разводимый прямо на полу. Мощность прокала 6 см. Над ним – тонкая прослойка золы.

Ямы от столбов (диаметр 8–10 см, глубина 5–40 см) располагались преимущественно по внутреннему периметру котлована, вдоль стен, где, вероятно, стояли столбы каркаса. Две ямы (одна – у перехода в жилую камеру, другая – в ее юго-восточной части) скорее всего были хозяйственными. Размеры их соответственно 1х0,7 и 1х0,8 м, глубина 0,45 и 0,65 м. Первая в разрезе чашевидная, вторая грушевидная. На дне первой обнаружено несколько костей животных, во второй – несколько черепков. На дне котлована полуземлянки найдено 285 фрагментов керамики и 2 раздавленных сосуда. Основная масса керамических находок из этого, первичного, заполнения котлована относится к саргатской культуре (рис. 41). На полу жилища найдены также железные шлаки и руда, а также 44 кости. Значительно больше находок в верхних горизонтах культурного слоя. Здесь обнаружено 667 фрагментов керамики, причем в слое дерна – 204 экз. Основная часть черепков тоже саргатские, хотя встречаются андроновские, байтовские, гороховские. Во вторичном заполнении находилось значительно больше, чем на полу, костей – 102 экз.

Индивидуальные находки из жилища 1 представлены тремя костяными черешковыми наконечниками стрел (см. рис. 40, 1–3), пряслицами из стенок сосудов (см. рис. 38, 7, 8), выточенными из горшечного черепка кружком (рис. 40, 9), костяной проколкой (см. рис. 40, 4), ножом или скребком, изготовленным из нижней челюсти животного (см. рис. 40, 5).

Жилище 2 располагалось в 5 м западнее жилища 1 и представляло собой тоже двухкамерную полуземлянку с четкими подпрямоугольными контурами (см. рис. 40, А). Жилой ее частью являлась большая

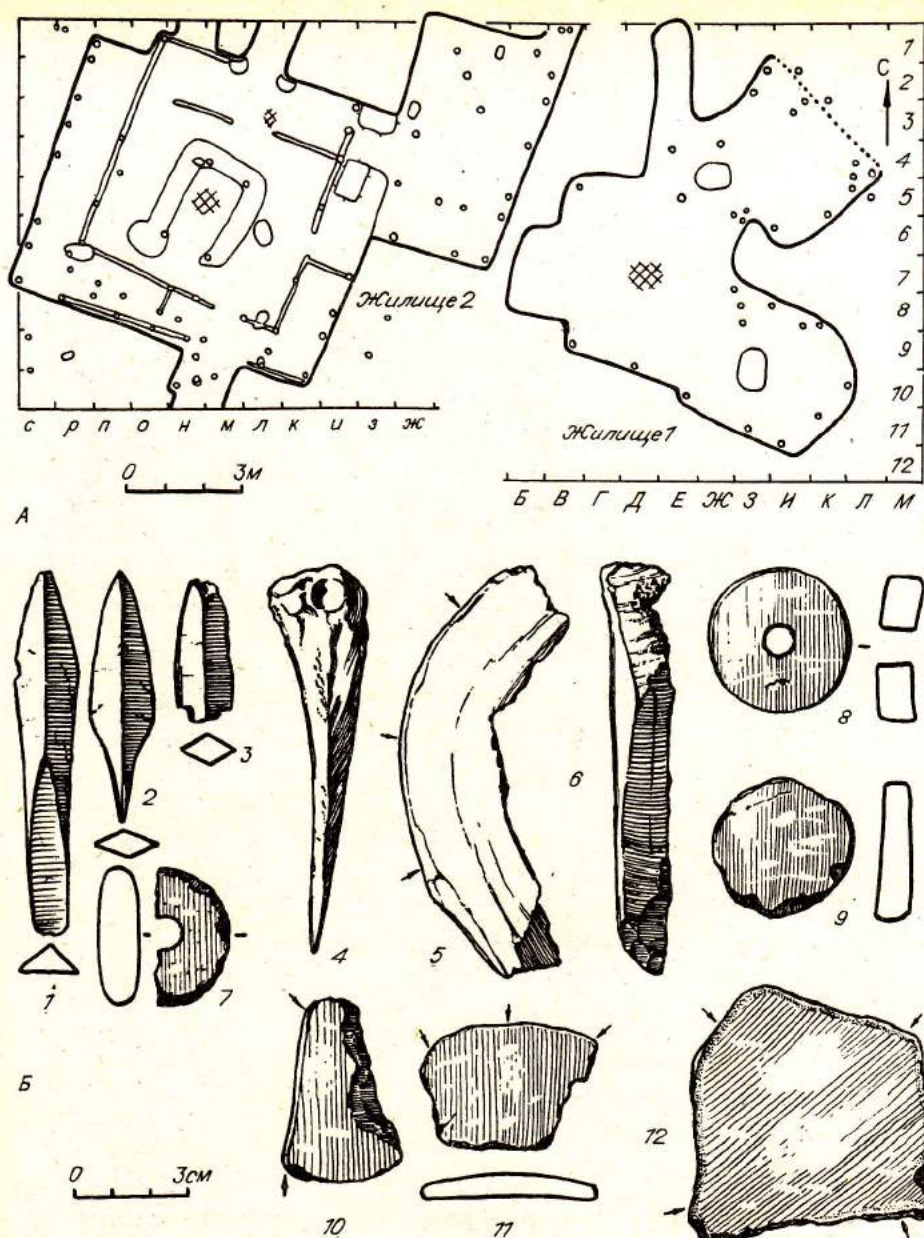

Рис. 40. Поселение Ингалинка-1. План раскопа (А) и инвентарь (Б).
1-6 — кость; 7-12 — глина.

подквадратная камера размерами 8,5х7,5 м, углубленная в материк на 0,2-0,3 м. Два коридорообразных выхода шириной 1,1-1,7 м (длина их точно не установлена) располагались в ее южной и северной частях. Рядом с северным удалось зафиксировать часть еще одного коридорообразного выступа в стенке котлована шириной около 1 м и длиной не менее 1,2 м. В отличие от двух первых он не опускался до уровня пола жилища и поэтому рассматривать его в качестве третьего входа в сооружение оснований нет.

Своеобразен рельеф пола данной камеры. Центральные его участки горизонтальные. Боковые же, прилегающие к стенкам котлована, как правило, имеют наклон, и их уровень постепенно повышается к стенам. Система выявленных в полу вертикальных столбовых ям, диаметр ко-

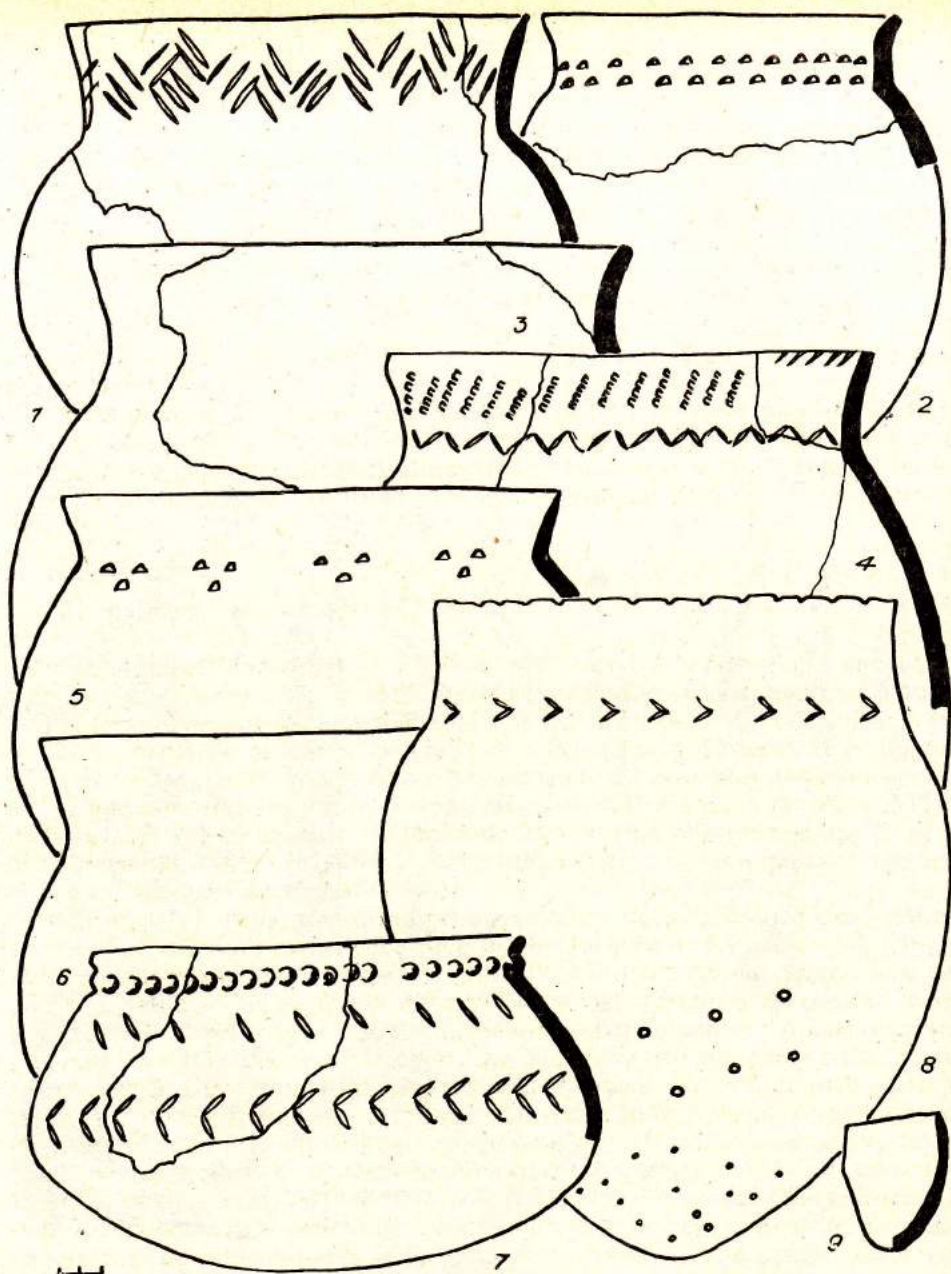

Рис. 41. Поселение Ингалинка-1. Керамика из жилища 1.

котрых составляет 20–30 см, а глубина 15–30 см, отличается достаточной четкостью. Первую, внешнюю, их цепочку образуют ямы, располагающиеся по периметру камеры, а вторую, внутреннюю, — ямы, повторяющие подквадратный контур камеры в ее центральной части на расстоянии 1–1,2 м от южной и 1,3–1,5 м от других ее стен. Четкость внутреннего четырехугольника, образованного столбовыми ямами, подчеркивалась соединяющими их канавками шириной 15–20 см и глубиной всего 5–6 см. Аналогичными канавками соединена большая часть ям от внешнего контура столбов, располагавшихся у южной стенки камеры.

В самом центре жилого помещения находились остатки очага — пятно прокала диаметром около 60 см и мощностью 5–7 см. Кострище окружала канава П-образной формы шириной 0,5–0,6 м и глубиной 15–

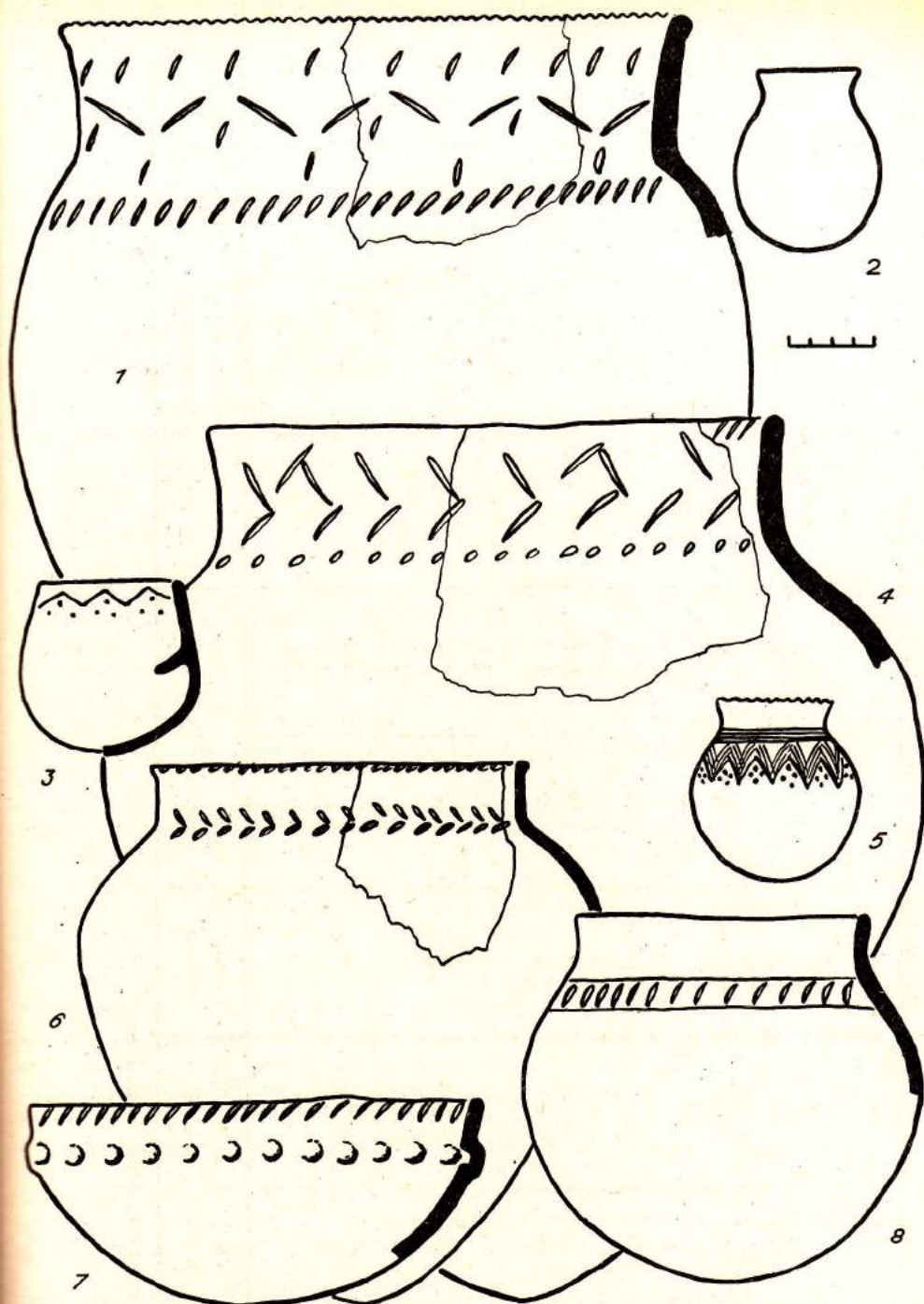

Рис. 42. Поселение Ингалинка-1. Керамика из жилища 2.

18 см от уровня материка. К одному из ее концов примыкала заполненная керамикой и костями хозяйственная яма. Другая подобная яма отмечена восточнее очага. По углам канавки сохранились четыре ямки от столбов. Еще одна линза прокала со скоплением керамики обнаружена неподалеку от входа в северной стенке камеры. Рядом с нею, у косяков этого же входа, симметрично друг другу располагались еще две ямы, по размерам более крупные, чем обычные столбовые. В одной находились два маленьких горшочка (см. рис. 40, 2, 5), в другой – еще три

(рис. 42, 3). Поодаль от ям, на полу у той же стенки камеры найден еще один горшочек.

В северо-восточном углу большой камеры зафиксированы остатки материкового возвышения размерами 2,25х1,0 м, середина которого оказалась перерезанной канавкой шириной 0,7 м, которая служила переходом в хозяйственную камеру. Она подпрямоугольной формы, размерами 5,9х3,2 м. В северо-восточной части этого помещения имелся самостоятельный выход в виде коридора шириной 0,75 м, обращенный к реке. Пол этой камеры ровный, очага нет. Вдоль ее стен и в центре обнаружено около двух десятков ям от столбов и две хозяйственные, содержащие керамику, кости животных и чешую рыбы. Здесь же найдены развал сосуда, обломки каменных изделий, пряслиц, скребков. В целом в этом помещении оказалось значительно больше черепков и костей, чем в большой камере, что хорошо согласуется с выводом о хозяйственных функциях данной части дома.

На полу котлована жилища 2 найдены 23 кости и 85 фрагментов керамики, 2 целых и 5 раздавленных землей сосудов. Все они, за исключением одного байтовского черепка, относятся к саргатской культуре (см. рис. 42). Во вторичном заполнении сооружения, как и в жилище 1, находок оказалось значительно больше. Тут обнаружено 592 черепка, из которых 563 типично саргатские, 18 – байтовские, 11 – гороховские, а также 132 кости.

На межземляночном пространстве поселения зафиксировано более трех десятков столбовых и хозяйственных ям, сгруппированных преимущественно у восточных стенок жилища 2, найдены керамика и кости.

Раскопками на поселении Ингалинка-1 вскрыт лишь сравнительно небольшой участок, однако его материалы свидетельствуют, что его площадь в древности заселялась неоднократно. В полученном керамическом материале самыми ранними и очень немногочисленными являются андроновские черепки. Затем возникло байтовское поселение, а еще позднее, вероятно, поселок гороховцев. И хотя обломки гороховских горшков по размерам превосходят байтовские черепки, отсутствие развалов сосудов этого типа на полу жилищ свидетельствует о досаргатском возрасте этого комплекса. Соотношение саргатских черепков и костей животных в первичном и вторичном заполнениях котлованов указывает на то, что оба сооружения прекратили свое существование задолго до того момента, когда саргатская община покинула это место, переселившись на новый участок.

Особенностью оформления керамического комплекса Ингалинки-1 являются малая доля гребенчатого штампа, присутствие ямок и „жемчужин”. Причем последние в целом не характерны для саргатской керамики Среднего Притоболья. Любопытно, что „жемчужинами” украшены чашевидные сосуды закрытых форм (см. рис. 41, 7; 42, 7), редкие и в комплексах лесостепных районов саргатской культуры. Однако сосуды сходных форм с „жемчужинами” известны в северной части лесостепи Прииртышья на памятниках типа Коконовки [Могильников, 1972а, рис. 10, 8]. Поэтому появление этой чужеродной керамики на Ингалинке-1 мы рассматриваем как свидетельство контактов племен с северными, таежными, соседями.

Малочисленность гребенчатых узоров, преобладание в комплексе горшков с высокими прямыми и резко вогнутыми шейками и круглыми венчиками позволяют говорить о близости керамики с Ингалинки-1 и Речкино-1 и -2 – поздними памятниками саргатской культуры в Среднем Притоболье.

Поселение Бочанцево-1

Открыто Н. П. Матвеевой в 1988 г. Находится в 1 км к западу от стационарной фермы д. Чистолебяжье на юго-западном берегу оз. Бочанцево в Белозерском районе Курганской области, почти у самой воды, на не-

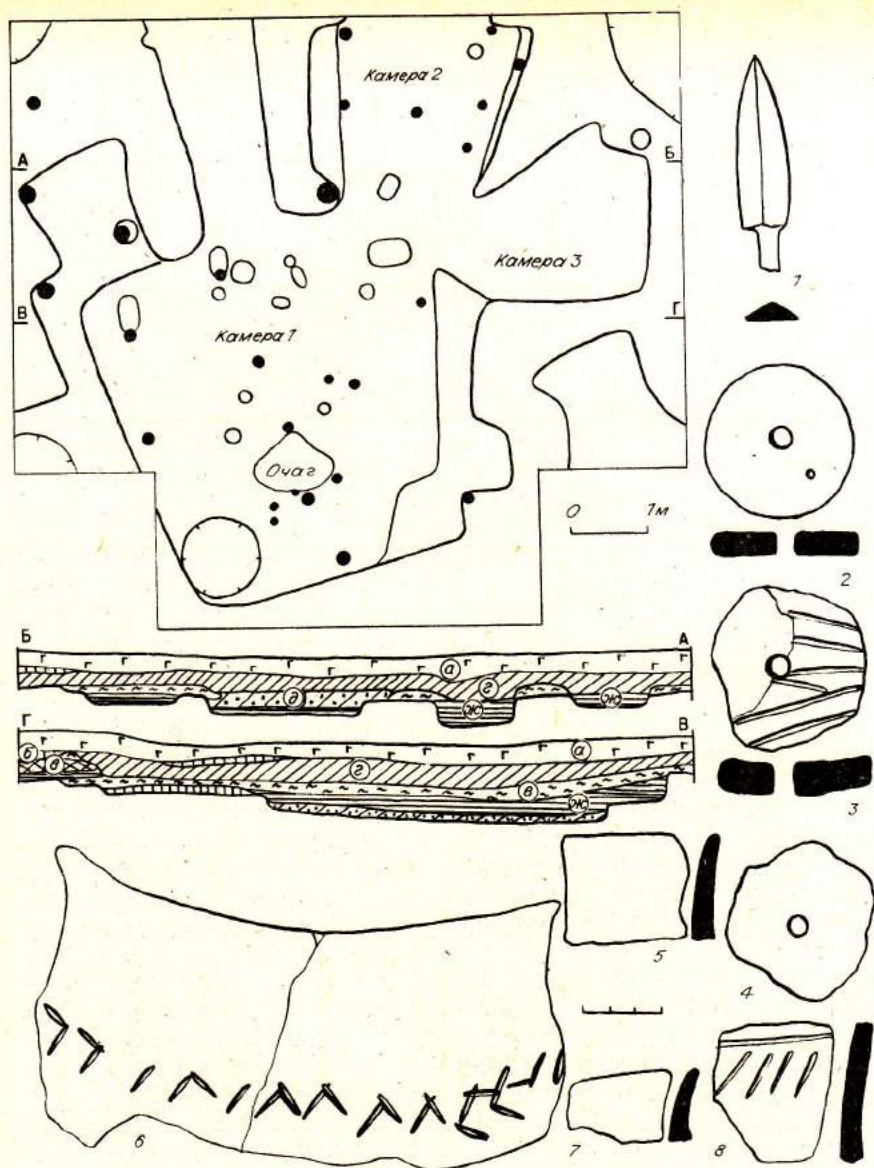

Рис. 43. Поселение Бочанцево-1. План и разрезы раскопа (А) и инвентарь (Б).

1 — кость; 2-8 — керамика.

а — дерново-гумусный слой; б — темно-коричневая супесь; в — серая супесь; г — темно-серая супесь; д — черная мешаная супесь; е — зола; ж — черный углистый слой.

высокой дюне. Выражено 22 землянками округлой формы, глубиной 0,3-0,6 м и диаметром от 6 до 20 м.

Стратиграфия раскопа: первый слой — дерново-гумусный, мощностью 25-30 см. За ним повсеместно следует слой темно-серой супеси мощностью 20-40 см, представляющей собой вторичное заполнение котлована постройки. На отдельных участках между темно-серой супесью и дерном фиксировалась тонкая прослойка (мощность 10-20 см) темно-коричневой супеси. Ниже фиксировались основные культурные отложения, наслонившиеся друг на друга в котловине сооружения. В камерах 1 и 2 первичное заполнение котлована состоит из прослойки золотистой супеси (мощность 10-15 см), тонкой черной прослойки (линия 4 и коридор из камеры 1) и черной мешаной супеси мощностью 12-20 см (почти по всей площади), подстилающий слой — желто-коричневый суглинок.

Раскопами была вскрыта часть многокамерного жилища. Это каме-

Таблица 10

Распределение массовых находок по слоям, экз.

Слой	Керамика				Кости
	баитовская	саргатская	гороховская	неорнаментированная	
1	30	3	12	38	119
2	12	25 (развал)	19	78	187
3	1	18 (развал)	27	27	136
4	—	24 (развал)	25	—	123
5	—	4	—	—	6
Всего...	43	72	84	143	603

ра 1 с длинным коридорообразным выходом и пристроенные к ней с северо-востока камеры 2, 3. С юго-западной стороны к камере 1 подходил еще один коридор, указывающий на связь ее с другими помещениями, оставшимися неисследованными (рис. 43, А).

Камера 1, полуземляночная, глубиной 0,6 м от уровня материка, ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток, подквадратной формы, размерами 4,7х4,7 м. В центре северо-западной стенки расположен выход в коридор длиной 3 м, с проемом шириной 1,0 м (далее он расширяется до 1,4 м). В центре камеры находятся мелкие столбовые и хозяйственные ямки, ряд мелких ямок расположен у входа. Очаг в виде линзы ромбической формы находился напротив выхода, ближе к противоположной стенке. Его размеры 0,7х0,8 м, мощность 12 см. Очаг фиксировался несколько выше слоя мешаной черной супеси. В юго-западном углу камеры обнаружена большая и глубокая (0,5 м) яма. Заполнение ее аналогично заполнению котлована.

От северо-восточного угла камеры 1 отходят две пристройки. Камера 2, трапециевидной формы, ориентирована по линии север – юг, ее размеры 2,7х2,5 м. Камера углублена на 0,3 м в материк. Западная стенка котлована со ступенькой шириной 0,4 м, другие стенки отвесные, вдоль них располагаются маленькие ямки от столбов каркаса диаметром 15–20 см и глубиной около 20 см. Пол ровный, очаг и других ям нет. Камера 3 представляет собой также маленькую трапециевидную пристройку, ориентированную по линии запад – восток, с ровным полом без всяких ям. Ее размеры 2,2х1,6 м. Северная стенка камеры 3 неправильной формы, вероятно, обрушилась еще при строительстве.

Из индивидуальных находок следует отметить развал саргатского горшка в слое 3, пряслица, какое-то изделие и черешковый ромбический наконечник стрелы из кости, развал сосуда в слое 4, в слое 2 – скопление кусков железной руды (рис. 43, Б).

Собранная керамика разнотипная, однако анализ ее залегания позволяет определить культурную принадлежность жилища. Баитовские черепки (43 экз.) в измельченном виде встречаются в основном в слоях 1, 2. Вероятно, все они переотложены. Гороховская керамика представлена мелкими и средними фрагментами. В количественном отношении она преобладает (84 экз.) над саргатской, но развалов нет. Количество гороховской керамики увеличивается от верхних к нижним слоям (табл. 10). Таким же образом залегает саргатская керамика. Но последний тип представлен развалом на полу камеры 1 и крупными обломками по половине горшка в слоях 2 и 3. Это позволяет считать исследованное жилище саргатским и предполагать, что в период его существования население поддерживало связи с гороховскими племенами.

Немногочисленный инвентарь не дает оснований сделать выводы о дате памятника. Судя по взаимовстречаемости гороховской и саргатской керамики, а это явление, по-видимому, относится к V–Пвв. до н. э., поселение существовало в третьей четверти I тыс. до н. э.

Открыто в 1982 г. Н. П. Матвеевой на правсм берегу р. Ингалы, напротив д. Верх. Ингал в Исетском районе Тюменской области. Поселение находится на песчаной дюне, развеваемой в течение 25–30 лет и разрушаемой карьером. На поверхности памятника отмечено более 100 западин диаметром 10–20 м и глубиной 0,6–1,0 м, усеянных обломками керамики. В южной части дюны, видимо, находился небольшой могильник, ныне разрушенный. По словам местных жителей, на дюне найдено женское погребение с глиняным кувшином и стеклянными синими бусами, инвентарь которого утерян.

На одной из западин в северо-западной части поселения был заложен раскоп площадью 108 м². Установлены следующие стратиграфические слои: 1) дерн мощностью 5–10 см; 2) темно-коричневая супесь мощностью 2–20 см; 3) светло-желтый материковый песок. На фоне материка зафиксировано несколько подпрямоугольных ям различной глубины, в них найдена керамика. Большинство ям неглубокие, в пределах 20–30 см, несколько из них имели глубину 30–40 см, но зафиксированы они в материке, значительно ниже нижней границы культурного слоя. На самом деле ямы были больше и глубже. Контуры же жилища зафиксировать не удалось. При раскопках выяснилось, что существующий дерновый покров является вторичным и образовался после длительного развеивания дюны, а западины – результат разрушения котлованов построек, поскольку культурный слой сохранился лишь на самом их дне.

На территории памятника в лесопосадочных бороздах, в выдувах на месте жилищ, собраны фрагменты более чем 320 сосудов, кости животных и пряслица. Большая часть керамического комплекса (212 сосудов) относится к саргатской культуре. Это горшки разных форм и размеров: от маленьких кувшинчиков до больших тарных и кухонных яйцевидных сосудов. Изделия украшены преимущественно резными узорами по шейке и реже по плечикам орнаментом в виде многорядового горизонтального и вертикального зигзага, елочки, фестонов, решетки. Встречаются узоры, выполненные ямками, наколами, нечеткими отпечатками гребенчатого штампа. Среди саргатской керамики имеется несколько крупных обломков среднеазиатской гончарной посуды и пряслица, выточенные из таких черепков. Из предметов инвентаря найдены керамические скребки и пряслица (рис. 44, 6–9).

Коловское городище

Расположено на высоком треугольном мысу второй надпойменной террасы р. Ингалы, являющейся протокой Исети, над заболоченной низменностью. Городище находится в 1 км к северо-западу от д. Лога. Городище трехплощадочное, с хорошо выраженной системой оборонительных сооружений и жилищ. Площадки отделены друг от друга рвом и валом. По центру внешней линии имеется проход. Общая площадь городища 10 тыс. м². С напольной стороны к нему примыкало обширное Коловское-1 селище, ныне распаханное. На небольшом останце террасы в логу с северо-западной стороны от укреплений есть еще одно малое селище (Коловское-2). Оба селища оставлены саргатским населением (рис. 45, 1).

Памятник известен давно: упоминался в сводке И. Я. Словцова, осматривался и шурфовался В. Н. Фроловым в 1962 г., В. А. Могильниковым в 1978 г. В 1984 г. автором была сделана зачистка вдоль осыпи по северо-восточному краю городища, обнаружившая на первой площадке несколько котлованов жилищ, построенных в эпоху поздней бронзы и саргатский период. На второй площадке остатки трех жилищ также принадлежали саргатской культуре. В осыпи на третьей площадке зафиксированы котлованы четырех полуземлянок с саргатской кера-

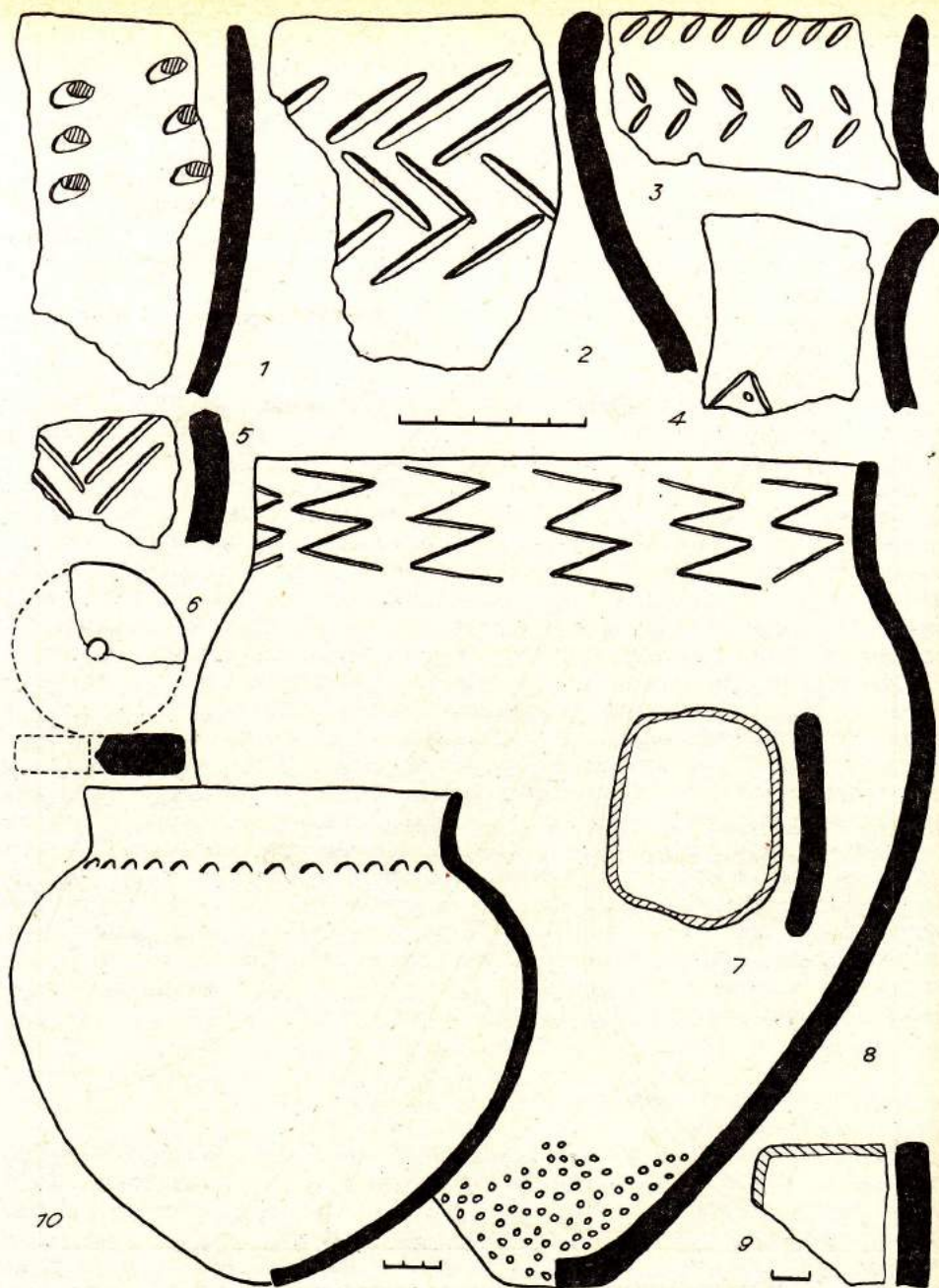

Рис. 44. Инвентарь саргатских памятников Среднего Притобья. Глина.
1, 2 — Савин-2; 3 — Верх. Ингальский Борок-2; 4 — Онуфриевское; 5 — Бархотовское городище;
6—9 — Верх. Ингальский Борок-1; 10 — Белоярское-13.

микой. Во вторичном заполнении их найдены черепки средневековой посуды. Постройки невелики по площади, прямоугольные, вероятно, одно- и двухкамерные, углублены на 0,3–0,6 м в материк, имеют следы каркасно-столбовой конструкции.

Первая оборонительная линия была сооружена, видимо, в саргатский период и состояла из широкого рва и небольшого вала, перестроенных позднее. Время возведения укреплений на второй и третьей площадках неясно, но в современном виде они сформировались, судя по

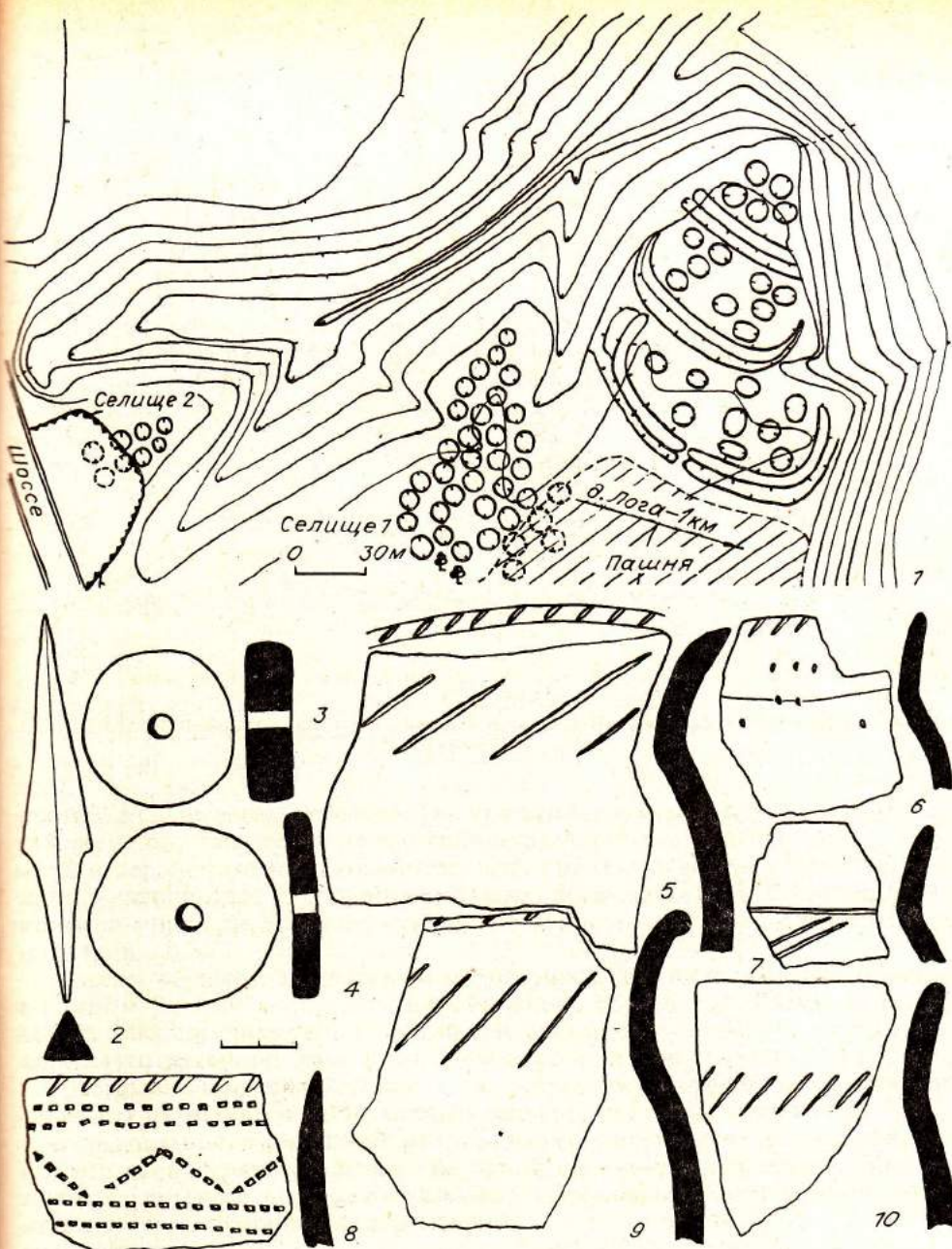

Рис. 45. Коловский археологический комплекс, ситуационный план (1) и инвентарь с Коловского городища (2-10).
2 — кость, 3-10 — глина.

керамике этого периода в верхних горизонтах культурного слоя и насыпях валов, безусловно, после разрушения средневековой крепости.

Саргатская керамика Коловского городища представлена обломками 47 сосудов. Эти горшки средних размеров ручной лепки. Из индивидуальных находок отметим три пряслица: одно лепное, два точеных из черепка и среднеазиатского красноглиняного сосуда, керамические скребки, а также костяной трехгранный черешковый наконечник стрелы (рис. 45, 2-10).

В 1990 г. В. В. Гореловым на Коловском-1 селище исследовано одно прямоугольное полуземляночное жилище, включающее смежные поме-

щения площадью около 50 м² и коридорообразный выход. Два асинхронных очага указывают на имевшие место ремонт и перепланировку жилища. Интересно, что эта постройка перекрыла более ранний ров, выкопанный по краю лога и превративший этот небольшой поселок в укрепленный. Позднее на этом месте была возведена хозяйственная постройка, в которой располагалась металлургическая печь. В заполнении котлована сооружения наряду с керамикой, костями, пряслицами найден бронзовый трехгранный втульчатый с треугольной головкой и шипами наконечник стрелы IV-III вв. до н. э., судя по размерам, поздней разновидности.

В 1991 г. также В. В. Гореловым на Коловском-2 селище раскопана одна полуземляночная однокамерная постройка прямоугольной формы. В центре ее, в яме, располагался очаг, выход-коридор обращен на север. Ямки от столбов зафиксированы лишь по краям входа в жилище и относятся к столбам, оформлявшим дверной проём. В целом постройка, по-видимому, была срубной. Найдены керамика, кости, обломки пряслиц. Возникновение Коловского городища как крупного центра проживания саргатского населения, очевидно, относится к IV-III вв. до н. э.

КЕРАМИКА И ИНВЕНТАРЬ САРГАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ

Керамика саргатских памятников Среднего Притоболья отличается хорошим качеством, стабильностью основных форм и разнообразным орнаментом. Представительные керамические комплексы получены с Рафайловского городища (749 сосудов, считая по венчикам)*, Верх. Ингальского Борка-1 (212), Речкинского-2 поселения (136), Рафайловского Острова (93) и ряда других, что позволяет достаточно подробно охарактеризовать общие и особенные черты саргатской посуды на всем протяжении развития культуры в данном районе. Статистический анализ проведен по семи поселениям, данные по формам и орнаментации керамики отдельных памятников приведены в табл. 11-15. Общая характеристика посуды из погребений 10 могильников дана нами суммарно (табл. 16) по хронологическим группам из-за значительно меньшего ее количества по сравнению с поселениями. С другой стороны, такой подход все же позволяет уловить некоторую динамику развития погребальных керамических комплексов и их отличия от поселенческих.

Посуда изготовлялась вручную способом спирально-ленточного напла. Небольшие сосудики лепили из комка глины. В качестве отошителей использовали шмот, песок, тальк, слюду. Тальк встречается мелкими вкраплениями и только в посуде ранних саргатских памятников (Рафайловское городище, Рафайловский Остров, Тютринский могильник (кург. 6-10), Рафайловский курган), что несомненно является признаком влияния гороховской культуры на технологию производства керамики у саргатских племен. Обжиг керамики хороший, ровный, цвет черепков обычно коричневый. Внешняя поверхность преимущественно аккуратно заглажена, но примерно одна треть обработана как изнутри, так и снаружи щепой или гребенчатым штампом, оставившим борозды.

По форме тулова, размерам сосуды могут быть разделены на крупные с полуяйцевидным туловом, вытянутые (диаметр устья в среднем 25-40 см), а также средние и мелкие, обычно приземистые, бомбовидные (диаметр устья 4-25 см). Судя по следам копоти и нагара, размеры, первые, очевидно, служили кухонной и тарной посудой, вторые могут считаться столовыми, хотя в ряде случаев горшочки, найденные в погребениях, также закопчены и имеют следы нагара. Часть мелких сосудов

* Раскопки 1983-1985 гг.

(диаметр устья 4–12 см) найдена на погребениях и в поминальных ямках, что позволяет относить эту группу также к столовой посуде, использовавшейся очевидно, для жидкости. Наиболее мелкие сосудики (диаметром устья 3–6 см) могли быть детскими игрушками. Два мелких горшочка с двумя лепными ручками у венчика, возможно, использовались как светильники.

Могут быть выделены горшковидные, кувшинообразные сосуды, а также чаши и блюда (рис. 46). Основную часть саргатской посуды составляют горшковидные сосуды. По особенностям профилировки шейки намечены четыре типа горшков. К первому относятся горшки с невысокой вертикальной шейкой и резким переходом к плечикам. Горшки такой формы преобладают, их доля составляет от 31 (Ингалинка) до 68 % (Рафайловское городище, раскоп 7) всех сосудов на поселениях и от 26 до 36 % посуды могильников. Ко второму типу относятся горшки с короткой (2–4 см) отогнутой наружу шейкой и резким переходом к плечикам. Эти сосуды также широко распространены и составляют от 9 (Ингалинка-1) до 28 % (Рафайловский Остров) всей посуды. К третьему типу относятся „закрытые” горшки со слабо намеченной шейкой или без нее и наклоненными вовнутрь стенками горловины, плавным переходом к плечикам. Удельный вес этой малочисленной группы от 3 (Рафайловское городище, раскопы 3–5) до 10 % (Верх. Ингальский Борок-1). Четвертый тип представлен горшками с хорошо профилированной вогнутой вовнутрь шейкой и резким переходом к плечикам. На поселениях этих сосудов было от 20 до 50 %, они, как правило, небольших размеров, но именно они вместе с горшками первого типа составляют основную часть погребальной посуды. В могильниках горшков с вогнутой шейкой обычно насчитывается 25–35 %.

Кувшины – малочисленная группа, встречаются чаще в погребениях, имеют большое раздутое тулово с круглым или плоским дном и узкое горло (см. рис. 27, 40). Чаши – также редкая форма, и в могильниках и на поселениях единичны (1–2 %), обычно не орнаментированы. Блюда, как правило, не сохраняются. Известно глиняное круглое блюдо с бортиком, видимо, ритуального назначения, а также остатки деревянного из кург. 7, погр. 2 Тютринского могильника, с бронзовыми украшениями, на котором была положена в могилу сопроводительная пища.

Основная часть посуды орнаментирована. Различными узорами украшена кухонная и столовая посуда. Поселенческая посуда, среди которой имеется кухонная и столовая, отличается от сосудов из могильников, где встречается обычно лишь столовая посуда, большим разнообразием узоров и технических приемов орнаментации. На погребальной посуде не отмечены узоры, выполненные гребенчатым штампом, редко встречается оформление отпечатками гладкого, углового штампов, ямками. Столовую посуду украшали поясами горизонтальных или наклонных линий, особенно часто резными фестонами. Если в декоре сосудов с поселений последний элемент составляет 1–4 %, то в погребальной керамике первых веков нашей эры – до 29 %. Характерны для столовой посуды зигзаги, защипы, столбики параллельных отрезков, „елочка”, выполненные резной техникой и насечкой, но в могильниках удельный вес этих орнаментов невелик (3–6 %).

Оформление столовой посуды, особенно погребальной, отличается широким набором элементов, выполнено преимущественно в резной и накольчатой технике. По орнаментации данная посуда аналогична известной на территории бытования саргатской культуры [Могильников, 1972а; Мошкова, Генинг, 1972; Корякова, 1984; Полосьмак, 1987; и др.], тогда как поселенческая керамика, в первую очередь кухонная посуда, саргатских памятников Среднего Притоболья имеет ярко выраженную специфику. Обычно узор ее на шейке или плечиках состоит из поясков наколов, насечек или отпечатков гребенчатого штампа, многорядного зигзага или столбиков, параллельных отрезков „елочки” (см. рис. 38, 39, 41, 42, 44). Характерен и ряд насечек по бортику сосуда или

Таблица 11

Характеристика керамики саргатских поселений Среднего Притоболья по форме

Сосуд	Речкино-2		Верх. Ингальский Борок-1		Ингалинка-1, раскоп 2	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
С шейкой	46	33,8	107	51,2	18	34,0
вертикальной	22	16,2	34	16,3	7	13,1
отогнутой	13	9,6	22	10,5	4	7,6
наклонной вовнутрь	52	38,2	44	21,0	23	43,4
вогнутой	3	2,2	2	1,0	1	1,9
Чаша	—	—	—	—	—	—
Проч.	—	—	—	—	—	—
Всего . . .	136	100	209	100	53	100

Таблица 12

Характеристика керамики саргатских поселений Среднего Притоболья по форме

Сосуд с венчиком	Речкино-1		Верх. Ингальский Борок-1		Ингалинка-1	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Округлым	53	39,0	85	40,1	27	50,8
Скошенному наружу	1	0,7	6	2,8	—	—
Скошенным вовнутрь	4	2,9	17	8,0	1	1,9
Заостренным	24	17,6	33	15,6	11	20,8
С карнизиком	2	1,5	12	5,7	—	—
Отогнутым	16	11,8	9	4,2	5	9,5
Прямым	36	26,5	50	23,6	9	17,0
Всего . . .	136	100	212	100	53	100

Таблица 13

Характеристика керамики саргатских поселений Среднего Притоболья по степени

Орнаментальная зона	Речкино-2		Верх. Ингальский Борок-1		Ингалинка-1	
	кол-во*	%**	кол-во	%	кол-во	%
Изнутри	18	7,2	42	12,1	6	5,6
Венчик	44	17,6	102	29,5	19	18,0
Шейка	113	45,2	161	46,5	37	35,0
Переходная	2	0,8	20	5,8	4	3,7
Плечико	61	24,4	19	5,5	36	34,0
Тулово	8	3,2	1	0,3	1	0,9
Днище	6	2,4	1	0,3	3	2,8
Всего . . .	252	100	346	100	106	100
Индекс орнаментированности		1,9		1,6		2,0

* Количество строк узора в зоне.

** % ко всем узорам на посуде памятника.

сосудов

Рафайловский Остров		Рафайловское городище				Коловское горо- дище	
		раскопы 3—5		раскоп 7			
кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
32	34,4	360	48,1	12	46,1	19	47,5
27	29,0	182	24,3	5	19,3	8	20,0
8	8,6	24	3,2	2	7,7	6	15,0
24	25,8	170	22,7	6	23,1	5	12,5
1	1,1	3	0,4	1	3,8	1	2,5
1	1,1	10	1,3	—	—	1	2,5
93	100	749	100	26	100	40	100

венчиков

Рафайловский Остров		Рафайловское городище				Коловское горо- дище	
		раскопы 3—5		раскоп 7			
кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
41	44,0	333	44,5	10	38,0	16	40,0
2	2,2	35	4,7	—	—	—	—
2	2,2	60	8,0	—	—	—	—
6	6,6	25	3,3	1	3,8	1	2,5
2	2,2	84	11,2	3	11,7	4	10,0
19	10,3	35	4,7	1	3,8	2	5,0
21	22,5	177	23,6	11	42,7	17	42,5
93	100	749	100	26	100	40	100

орнаментированности

Рафайловский Остров		Рафайловское городище				Коловское горо- дище	
		раскопы 3—5		раскоп 7			
кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
13	7,5	18	1,2	—	—	2	2,5
36	19,8	347	23,6	20	40,0	21	25,9
97	53,4	830	56,5	21	42,0	37	45,7
6	3,1	80	5,3	3	6,0	7	8,6
26	14,3	194	13,2	6	12,0	13	16,1
—	—	—	—	—	—	—	—
3	1,7	2	0,1	—	—	1	1,2
181	100	1471	100	50	100	81	100
	1,9		2,0		1,9		2,0

Таблица 14
Характеристика керамики саргатских поселений Среднего Приобья по технике ornamentации*

Техника орнаментации	Речино-2				Верх. Ингальский Борок-1				Ингалинка-1				Рафайловский Остров		
	Сосуд		Строки на сосудах, %	Сосуд	кол-во	%	Строки на сосудах, %	Сосуд	кол-во	%	Строки на сосудах, %	Сосуд	кол-во	%	Строки на сосудах, %
	кол-во	%													
Резная прочерченная насека	43	11,6	23,4		75	35,3	29,0		15	28,4	13,4		40	43,0	25,2
	58	42,6	31,5		110	51,7	42,6		37	69,9	33,0		45	48,4	28,3
Штамп гребенчатый уголковый гладкий фигурный	24	17,6	13,1		8	3,8	3,1		5	9,5	4,5		24	24,8	15,1
	13	9,6	7,1		4	1,9	1,6		10	18,9	8,9		3	3,2	1,9
	—	—	—		1	0,5	0,4		3	2,7	2,7		8	8,6	5,0
	1	0,7	0,5		—	—	—		—	—	—		—	—	—
Рельефная ямки „жемчужины“ защипы наколы шнуровая	7	5,1	3,8		6	2,8	2,4		3	2,7	2,7		2	2,2	1,9
	—	—	—		—	—	—		1	1,9	0,9		1	1,1	0,6
	—	—	—		1	0,5	0,4		—	—	—		1	1,1	0,6
	22	16,2	12,5		22	10,3	8,5		29	54,8	25,9		14	15,1	8,8
	1	0,7	0,5		—	—	—		—	—	—		1	1,1	0,6
Неорнаментированная	25	18,4	7,6		31	14,6	12,0		9	17,0	8,0		20	21,5	12,0
Всего...	136	100	100		212	100	100		53	100	100		93	100	100

Техника орнамента- ции	Рафайловское городище						Коловское городище			
	раскопы 3-5			раскоп 7			Строки на сосудах, %	Сосуд		Строки на сосудах, %
	Сосуд		Строки на сосудах, %	Сосуд		кол-во		%		
	кол-во	%		кол-во	%					
Резная прочерченная насечки	280	37,4	22,4	6	23,1	18,2	11	27,5	16,9	
	174	23,2	13,9	7	27,0	22,7	25	62,5	38,5	
	296	39,5	23,6	4	15,4	12,1	12	30,0	18,5	
	13	1,7	1,0	-	-	-	-	-	-	
	26	3,5	2,0	-	-	-	-	-	-	
Штамп гребенчатый углоковый гладкий фигурный	4	0,5	0,3	-	-	-	-	-	-	
	7	0,9	1,3	2	7,7	6,1	2	5,0	3,1	
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	33	4,4	2,6	1	3,9	3,0	2	5,0	3,1	
	228	30,4	18,2	6	23,1	19,7	8	20,0	12,3	
Рельефная ямки "жемчужины" защипы наколы шнуровая	44	5,9	3,5	6	23,1	18,2	-	-	-	
	140	18,7	11,2	-	-	-	5	12,5	7,6	
	749	100	100	26	100	100	40	100	100	
	Всего . . .									

* В кластер-анализе использованы данные по строкам.

Таблица 15

Характеристика керамики саргатских поселений Среднего Приобья по элементам узора

Элементы узора	Речино-2			Верх. Ингальский Борок-1			Ингалинка			Рафайловский Остров		
	кол-во сосудов	%	строки, %	кол-во сосудов	%	строки, %	кол-во сосудов	%	строки, %	кол-во сосудов	%	строки, %
Горизонтальные линии	27	19,8	21,3	26	12,2	9,8	23	43,5	24,2	19	20,4	13,1
Наклонные "	44	32,3	44,9	47	22,1	57,2	26	49,1	29,3	20	21,5	34,6
Вертикальные "	9	6,6	4,8	30	14,1	9,5	8	15,1	6,9	20	21,5	10,5
Горизонтальная елочка	5	3,7	2,4	14	6,6	4,0	7	13,2	6,0	15	16,1	9,9
Вертикальная "	3	2,2	1,0	5	2,4	1,4	8	15,1	6,9	5	5,4	2,6
Трилистники	6	4,4	2,4	1	0,5	0,3	1	1,9	0,9	—	—	—
Горизонтальный зигзаг	17	12,5	8,2	30	14,1	8,9	15	28,4	12,9	27	29,0	23,0
Вертикальный "	13	9,6	6,3	9	4,2	2,6	1	1,9	0,9	—	—	—
" Столбики "	5	3,7	2,4	8	3,8	2,3	4	7,5	3,5	2	2,2	1,6
Фестоны	7	5,2	3,4	2	0,9	0,6	3	5,7	2,6	2	2,2	1,1
Решетка	2	1,5	1,0	6	2,8	1,7	1	1,9	0,9	—	—	—
Ямки беспор.	—	—	—	2	0,9	0,6	—	—	—	3	3,2	1,6
Сгруппированные ямки	—	—	—	1	0,5	0,3	1	1,9	1,7	1	1,1	1,1
Строенные насечки	1	0,7	0,5	1	0,5	0,3	2	3,8	1,7	2	2,2	0,5
Δ-видные фигуры	1	0,7	0,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие	3	2,2	0,9	2	0,9	0,5	2	3,8	1,6	1	1,1	0,4

Таблица 15

Характеристика керамики саргатских поселений Среднего Пригольня по элементам узора

Элементы узора	Речкино-2			Верх. Ингалский Борок-1			Ингалинка			Рафайловский Остров		
	кол-во сосудов	%	строки, %	кол-во сосудов	%	строки, %	кол-во сосудов	%	строки, %	кол-во сосудов	%	строки, %
Горизонтальные линии	27	19,8	21,3	26	12,2	9,8	23	43,5	24,2	19	20,4	13,1
Наклонные "	44	32,3	44,9	47	22,1	57,2	26	49,1	29,3	20	21,5	34,6
Вертикальные "	9	6,6	4,8	30	14,1	9,5	8	15,1	6,9	20	21,5	10,5
Горизонтальная елочка	5	3,7	2,4	14	6,6	4,0	7	13,2	6,0	15	16,1	9,9
Вертикальная "	3	2,2	1,0	5	2,4	1,4	8	15,1	6,9	5	5,4	2,6
Трилистники	6	4,4	2,4	1	0,5	0,3	1	1,9	0,9	—	—	—
Горизонтальный зигзаг	17	12,5	8,2	30	14,1	8,9	15	28,4	12,9	27	29,0	23,0
Вертикальный "	13	9,6	6,3	9	4,2	2,6	1	1,9	0,9	—	—	—
" Столбики "	5	3,7	2,4	8	3,8	2,3	4	7,5	3,5	2	2,2	1,6
Фестоны	7	5,2	3,4	2	0,9	0,6	3	5,7	2,6	2	2,2	1,1
Решетка	2	1,5	1,0	6	2,8	1,7	1	1,9	0,9	—	—	—
Ямки бесспор.	—	—	—	2	0,9	0,6	—	—	—	3	3,2	1,6
Сгруппированные ямки	—	—	—	1	0,5	0,3	1	1,9	1,7	1	1,1	1,1
Сдвоенные насечки	1	0,7	0,5	1	0,5	0,3	2	3,8	1,7	2	2,2	0,5
S-видные фигуры	1	0,7	0,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие	3	2,2	0,9	2	0,9	0,5	2	3,8	1,6	1	1,1	0,4

Таблица 16

Характеристика керамики разных хронологических групп из саргатских могильников Среднего Притобья

Показатель	I группа V — нач. III вв. до н. э.		II группа 2 пол. III—I вв. до н. э.		III группа I—III вв. н. э.	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1	2	3	4	5	6	7
Шейка						
прямая	11	34,38	17	26,18	15	35,7
отогнутая	5	15,63	19	29,24	5	11,9
наклоненная						
внутри	5	15,63	1	1,54	2	4,76
вогнутая	11	34,38	22	33,8	10	23,8
чаши	—	—	1	1,54	1	2,38
проч.	—	—	5	7,7	7	16,66
Венчик						
округлый	12	37,5	33	62,34	17	40,46
прямой	9	28,13	6	11,3	—	—
скошенный	3	9,38	1	1,89	—	—
заостренный	4	12,5	9	17,0	—	—
с карнизиком	1	3,13	2	3,78	4	9,52
отогнутый	4	12,5	2	3,78	8	19,04
Орнаментальная зона						
изнутри	2	3,7	7	7,53	—	—
венчик	7	12,95	9	9,68	4	10,24
шейка	31	57,35	24	25,8	2	5,12
переход	5	9,25	16	17,2	2	15,96
плечико	9	16,65	30	32,26	22	56,92
тулово	—	—	2	3,15	3	7,68
днище	—	—	5	5,38	2	5,12
неорнаментированная	7	16,31	8	9,88	8	16,32
Техника орнамента- ции						
резная	8	18,64	22	27,16	19	38,76
насечки	14	32,62	30	37,03	13	26,53
наколы	8	18,64	11	13,58	8	16,32
защипы	—	—	3	3,7	1	2,04
ямки	2	4,66	2	2,47	—	—
гребенчатый штамп	4	9,32	4	4,94	—	—
уголковый "	—	—	1	1,24	—	—
Элементы узора						
горизонтальные ли- нии	20	37,8	24	24,96	8	16,64
наклонные линии	16	30,24	34	35,36	12	24,96
вертикальные ли- нии	3	5,67	6	6,24	3	6,24
горизонтальная „елочка“	2	3,78	2	2,08	2	4,16
вертикальная „елочка“	—	—	1	1,04	1	2,08
трилистники	—	—	1	1,04	—	—
зигзаг	2	3,78	5	5,2	2	4,16
сдвоенные насечки	1	1,89	2	2,08	5	10,4
столбики	3	5,67	—	—	—	—
решетка	—	—	1	1,04	—	—
хаотичные ямки	—	—	4	4,16	1	2,08
сгруппированные ямки	1	1,89	2	2,08	—	—
фестоны	4	7,56	13	13,52	14	29,12
проч.	1	1,89	1	1,04	—	—

Примечание. I группа — могильники Красногорский-1, Воробьевский-1, Томиловский, Шикаевка, Рафайловский; II группа — могильники Тютринский (курганы 6—10), Прыговский, Увал I, Савиновский; III группа — могильники Тютринский (курганы 1—5, 10), Красногорский Борок.

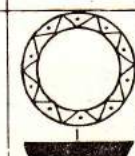

	Г о р ш к и					Чаши	Прочие
	1	2	3	4	5	6	7
В а р и а н т ы							
							
							

Рис. 46. Классификация керамики саргатских памятников Среднего Притоболья.

изнутри на венчике. Орнамент выполнялся, как правило, в резной и накольчатой технике, иногда гребенчатым штампом (до 58 %), встречаются ямки, „жемчужины”, оттиски шнура, угловые вдавления (см. рис. 38, 4, 14; 39, 4, 5; 41, 4, 6; 42, 7).

При сравнении с данными Л. Н. Коряковой по саргатской культуре в целом [1988] приходится отмечать несовпадение процентного соотношения форм в Притоболье с общим стандартом. Отклонения выражаются в доминировании сосудов с прямой шейкой, значительно меньшей доле чаш и банок, отсутствии плоскодонных форм, большем количестве гребенчатых узоров.

Наши материалы иллюстрируют мнение Л. Н. Коряковой об особой тенденции развития притобольского гончарства [1988]. Эта тенденция была обусловлена, очевидно, сохранением досаргатской, скорее баитовской, традиции, которая в более северных районах обособилась, став доминирующей в памятниках кашинского типа. Но считать поздней локальной модификацией саргатской керамики, как предлагает Л. Н. Корякова [1988, с. 113], кашинскую орнаментику можно, только пренебрегая ранними датами Кашинского селища, Рафайловского городища, Макушинского кургана.

В керамике Прииртышья и Барабы больше горшков закрытых форм и удлинённых пропорций с яйцевидным дном, чем в Притоболье, велика роль ямочно-накольчатой техники, практически отсутствуют гребенчатые узоры [Корякова, Стефанов, 1981; Полосьмак, 1987]. Те же черты отличают керамику Приишимья от притобольской. Для первой больше характерны ямочные узоры, наколы палочкой, много сосудов закрытых форм и чашевидных, в узорах выше доля наклонных линий, трилистников, параллельных отрезков [Стоянов, 19696].

Для детального сравнения мы привлекли статистические данные по поселениям Приишимья – Чупинскому [Генинг, Корякова, 1985] и Узловскому [Стоянов, 1969а], Прииртышья – Инберень IV [Корякова, Стефанов, 1981] и Рафайловскому городищу и Рафайловскому Острову из Среднего Притоболья (табл. 17). Первоначально были вычислены парные коэффициенты сходства комплексов по основным позициям. При этом выявились группы наиболее близких памятников: Рафайловское городище и Рафайловский Остров, с одной стороны; Чупинское и Узловское посе-

Таблица 17

Доля основных показателей керамических комплексов с поселений Среднего и Нижнего Притоболья, Приишимья и Прииртышья, %

Показатель	Рафайлово, раскопы 3—5	Чупино	Инберень IV	Узлов	Рафайлов- ский Остров
Венчик					
округлый	44,4	38,0	16,2	47,0	46,63
плоский	23,62	30,0	34,5	16,0	18,87
скошенный	12,76	—	23,5	—	4,44
заостренный	3,31	32,0	—	37,0	6,66
с карнизиком	11,18	—	3,3	—	2,22
отогнутый	4,73	—	22,5	—	21,09
Шейка					
вертикальная	48,07	24,0	38,7	19,0	35,5
отогнутая	24,3	18,0	37,2	7,0	27,95
наклоненная внутрь	3,2	6,0	0,7	16,0	8,6
вогнутая	22,7	52,0	—	58,0	25,8
чаши	0,4	—	23,4	—	2,15
Орнаментированные сосу- ды	88,8	76,0	80,0	46,0	87,4
Техника орнаментации					
резная	42,2	81,5	76,1	70,25	66,89
накольчатая	21,2	5,3	10,1	7,0	12,23
ямочная	1,4	2,6	8,8	22,75	2,16
гребенчатая	26,0	10,5	5,0	—	17,28
проч.	9,2	—	—	—	1,44
Элементы узора					
горизонтальные линии	36,2	7,7	5,9	24,8	13,09
наклонные "	20,5	17,28	15,1	31,0	34,56
вертикальные "	5,0	1,9	8,4	3,5	10,47
горизонтальная "елоч- ка"	3,1	7,7	24,4	5,3	9,95
вертикальная "елочка"	1,8	3,84	—	0,9	2,62
трилистники	0,16	1,9	3,8	11,5	—
горизонтальный зигзаг	22,6	1,9	2,9	6,2	23,03
вертикальный "	1,26	9,65	16,0	1,8	—
столбики	1,84	36,7	3,4	10,6	1,57
фестоны	2,6	3,84	2,1	2,6	1,05
решетки	0,67	3,8	5,0	0,9	—
сгруппированные ямки	0,84	3,84	13,0	0,9	1,57
проч.	3,18	—	—	—	2,09

ления — с другой (табл. 18–23). Наименьшие показатели сходства с ними имеет Инберень IV. Сравнение комплексов через средние суммарные коэффициенты сходства по всем показателям также показывает, что наибольшее сходство имеют между собой памятники Среднего Притоболья (79,5 %), столь же близкое сходство наблюдается между памятниками Приишимья (73,4 %). Это подтверждает ранее сделанный исследователями вывод, что локальные отличия керамических комплексов имеют место, и правомерно ставить вопрос о местном своеобразии саргатских памятников Среднего Притоболья.

Население лесостепного Притоболья пользовалось керамикой ручной лепки собственного изготовления, а также привозной из Средней Азии. Обломки привозных станковых красноглиняных сосудов найдены на могильнике Красногорский Борок, поселениях Верх. Ингальский Борок-1, Рафайловский Остров, Рафайловском городище. Некоторые фрагменты крупных размеров, видимо, принадлежали, судя по находкам на Рафайловском городище ручек, горловины и плоских днищ, тарным сосудам. В кург. 7 Савиновского могильника найдена красноглиняная станковая фляга с одним плоским боком, выпуклая сторона ее украшена циркульным орнаментом (см. рис. 6, 22). Ее аналоги имеются среди хорезмийской [Воробьева, 1959], ферганской [Литвинский, 1973, с. 173] посуды IV–II вв. до н. э. Из красных звонких черепков точили пряслица, подвески, сурьматши.

Таблица 18

Матрица коэффициентов сходства комплексов по форме сосудов, %

Памятник	1	2	3	4
1	—			
2	67,9	—		
3	51,9	84,0	—	
4	86,1	73,8	60,4	—
5	64,1	42,7	26,7	66,3

В табл. 18–23 приняты обозначения:

1 — Рафайловское городище, раскопы 3–5;
 2 — Чупинское поселение; 3 — Узловское поселение, раскоп 1; 4 — Рафайловский Остров;
 5 — Инберень IV.

Таблица 19

Матрица коэффициентов сходства комплексов по форме венчика, %

Памятник	1	2	3	4
1	—			
2	64,9	—		
3	63,7	86,0	—	
4	77,96	63,5	69,3	—
5	60,6	46,2	32,2	62,8

Таблица 20

Матрица коэффициентов сходства комплексов по орнаментированности, %

Памятник	1	2	3	4
1	—			
2	76,0	—		
3	46,0	70,0	—	
4	87,4	76,0	46,0	—
5	80,0	76,0	46,0	76,0

Таблица 21

Матрица коэффициентов сходства комплексов по технике орнаментации, %

Памятник	1	2	3	4
1	—			
2	59,4			
3	50,6	73,6	—	
4	74,6	84,9	76,1	—
5	58,7	89,0	86,1	84,2

Таблица 22

Матрица коэффициентов сходства комплексов по узорам, %

Памятник	1	2	3	4
1	—			
2	41,1	—		
3	66,4	53,6	—	
4	71,6	43,3	63,5	—
5	38,9	57,2	45,6	46,4

Таблица 23

Матрица суммарных средних коэффициентов

Памятник	1	2	3	4
1	—			
2	61,9	—		
3	55,7	73,4	—	
4	79,5	68,3	63,1	—
5	60,5	62,2	47,3	67,1

Инвентарь саргатских памятников включает около 1400 предметов, относящихся к 47 категориям.

Орудия труда обычно происходят с поселений или являются случайными находками. Некоторые категории обязательно присутствовали в погребальных вещевых наборах.

Ножи железные (28 экз.) относятся к трем характерным для раннего железного века типам: 1-й — с прямой утолщенной спинкой и уступчиками на переходе к черешку со стороны лезвия; 2-й — с дуговидной спинкой, уступчиком и широким черешком; 3-й — с дуговидной спинкой и плавным переходом к черешку. Они имеют многочисленные аналоги в памятниках ананьинской, савроматской, прохоровской, скифской и других культур лесостепной и лесной зон Евразии (табл. 24).

Кельты бронзовые (3 экз.) подразделяются по характеру сечения на два типа: 1-й — овальные в сечении (1 экз. из погр. 2, кург. 7 Тютринского могильника); 2-й — шестигранные, представлены экземплярами из погр. 1 кург. 17 Красногорского-1 могильника и случайной находкой из фондов КОКМ (рис. 19, 135,; 28, 25). Имеют перегородку во втулке, отверстия для крепления сердечника при отливке, у верхнего края втулки украшены рельефными валиками в виде горизонтальных линий и спускающихся от них вертикальных. Кельты типа 1 относятся ко второй

Таблица 24

Распределение ножей по типам по памятникам Среднего Притоболья и их аналоги

Ножи		Место находки	Аналог
тип	кол-во, экз.		
1	21	Красногорский-1, кург. 17, погр. 1; Увал I, кург. 9; Раскатиha, погр. 1; Тютринский, кург. 6, погр. 2, 3, кург. 7, погр. 3, кург. 8, кург. 10, погр. 3, кург. 3, погр. 3, кург. 5, погр. 3, 1, кург. 6, погр. 1; Красногорский Борок, кург. 2, погр. 2; Рафайловское городище, раскопы 3-6	Збруева, 1952, табл. X, 13, 15; XII, 5, 7; Генинг, 1958, рис. 19, 5; Литвинский, 1978, с. 10, 12; Смирнов, Петренко, 1963, табл. 16 - 18, 20
2	3	Воробьевский-2, Рафайловское городище, раскоп 1987 г.	То же
3	4	Тютринский, кург. 3, погр. 4; Красногорский Борок, кург. 2, погр. 1; Рафайловское городище	"

группе западно-сибирских кельтов, по классификации В. Н. Чернецова, и датируются им VII-IV вв. до н. э. [Чернецов, 1947, с. 71], в ананьинской культуре овальная форма характерна для ранних экземпляров, но орнамент в виде свисающих валиков появляется только в VI в. до н. э. [Халиков, 1977, с. 123]. Судя по находкам в погребениях [Троицкая, 1983, с. 34; Матвеева, 1985, с. 73], они доживают до III-II вв. до н. э. Кельты 2-го типа относятся к первой группе, по В. Н. Чернецову, и датируются VIII-VI вв. до н. э. [1947, с. 68], по А. Х. Халикову, VI-IV вв. до н. э. [1977, с. 122-123].

Тесла железные, кованые (4 экз.). Выделяются три типа: 1-й - шестиугольные в сечении с несомкнутой втулкой и полукруглым лезвием; 3-й - цилиндрические с полукруглым лезвием. Аналоги им известны в Поволжье, Приуралье, Южной Сибири у сарматов и в саргатских памятниках Нижнего Притоболья (табл. 25).

Пряслица (около 200 экз.) в основном выточенные из стенок сосудов (157 экз.), реже каменные (5 экз.) и бронзовые (2 экз.).

Повсеместно в эпоху раннего железа были распространены лепные (глиняные) пряслица: цилиндрические, биконические, линзовидные, шарообразные, усеченно-конические, цилиндрические с перетяжкой по ребру и др. В памятниках Среднего Притоболья их найдено 35 (рис. 27, 38, 32, 12).

Тигль конусовидный с Рафайловского городища имеет многочисленные аналоги.

Проколки (6 экз.) из грифельных костей домашних животных найдены на Рафайловском городище и Тютринском могильнике (рис. 32; 33; 38, 3-5). Широко распространены.

Игольники (2 экз.) из трубчатых костей барана, усеченно-конической формы найдены в Тютринском могильнике (погр. 7 кург. 3, погр. 3 кург. 6) (рис. 32, 38; 27, 9). Часто встречаются в памятниках эпохи раннего железа.

Скребки керамические (более 100 экз.) представляют собой обломки сосудов со следами сработанности на кромке одного или нескольких краев черепка. По форме они разнообразны: подпрямоугольные, овальные, треугольные, трапециевидные; широко известны с энеолитического времени [Семенов, Коробкова, 1983, с. 144]. На памятниках Среднего Притоболья скребки распределяются следующим образом:

	Кол-во, экз.
Рафайловское городище	78
Поселение Речкино-2	8
" Речкино-1	6
Козловское городище	1
Поселение Верх. Ингальский Борок-1	9

Таблица 25

Распределение тесел разных типов по памятникам Среднего Притоболья и их аналоги

Тесло		Место находки	Аналог
тип	кол-во, экз.		
1	1	Прыговский, кург. 10	Тихонов, 1960, с. 54
2	1	Савиновский, кург. 7, погр. 2 (см. рис. 6, 3)	То же
3	2	Тютринский, кург. 6, погр. 2; Памятное, кург. 1	Шилов, 1959, рис. 54; Кожин, 1972, с. 83

Сопла (2 экз.) представлены фрагментами керамических трубок. Найдены на Рафайловском городище. Известны в памятниках со следами железоделательного производства.

Поплавки (2 экз.) для сетей в виде мотков бересты размерами 10х2 см. Найдены на Рафайловском городище (см. рис. 37, 9).

Точила (45 экз.) представляют собой плитки кремнистого сланца, мелкозернистого песчаника, гранита и камня других пород разной степени твердости. В эту категорию включаются и шлифовальные камни. Обнаружены на большинстве поселений и в Тютринском, Прыговском, Памятном могильниках, в Раскатихе (см. рис. 37, 23, 24).

Оселки (8 экз.) найдены в погребениях Памятного и Прыговского могильников, на Рафайловском городище (см. рис. 38, 11) и Речкино-1. Широко распространены в раннем железном веке.

Краскотерка – камень подовальной формы с углублением в середине, найден в кург. 5 могильника Увал I.

Грузила каменные (3 экз.) обнаружены в погребениях Прыговского и Воробьевского могильников и керамическое (1 экз.) на Речкинском-1 селище. Изделия округлой или подчетырехугольной формы, со сквозными отверстиями или желобками.

Рукояти сложносоставных пахотных орудий (2 экз.) изготовлены из лосиного рога, со следами заполированности на поверхности и прямоугольными пазами для крепления рабочих частей*. Найдены на Рафайловском городище (см. рис. 37, 22).

Оружие может быть подразделено в соответствии с принятой классификацией на наступательное оружие и оборонительный доспех. Предметы вооружения широко представлены в наборах погребального инвентаря, известны по материалам поселений и коллекциям случайных находок. В наступательное оружие ближнего боя могут быть включены мечи и кинжалы.

Мечи короткие, принадлежат к разряду колющего оружия, применяемого в рукопашном бою. Подразделяются на биметаллические (1 экз.) и железные (9 экз.). Первый имел железный клинок, бронзовые рукоять и воронковидное навершие (тип 1), перекрестье не сохранилось. Аналоги имеются в Северном Китае (табл. 26). Железные могут быть разделены на двулезвийные с серповидным навершием и прямым брусковидным перекрестием – так называемые прохоровские (тип 2); с кольцевым навершием и брусковидным перекрестием – так называемые среднесарматской стадии, II-I вв. до н. э. (тип. 3); с угловатым перекрестием, форма навершия не определима, возможно, серповидная – так называемые раннепрохоровские, IV-III вв. до н. э. (тип 4); с зооморфным навершием и сердцевидным перекрестием (тип 5), VI-IV вв. до н. э.

Кинжалы делятся на бронзовые (1 экз.) и железные (6 экз.). Тип 1-й – бронзовый, цельнолитой, с плоским овальным навершием и бабочковидным перекрестием, двумя желобками на рукояти, перекрестье и клинке, относится к скифским акинакам второй половины IV – начала III в. до н. э.; 2-й – железный, с антенным навершием и брусковидным перекрестием; 3-й – железный, без навершия и перекрестия первых

* Трассологическое определение Е. А. Сидорова.

Таблица 26

Распределение мечей по типам по памятникам Среднего Притоболья и их аналоги

Меч		Место находки	Аналог
тип	кол-во, экз.		
1	1	Могильник Тютринский, кург. 7, погр. 1 (см. рис. 28, 11)	Olov Jans, 1930, p. 68—69
2	3	Могильник Красногорский-1, кург. 3, погр. 1 (см. рис. 17, 39)	Смирнов, 1961, с. 27
	1	Могильник Томиловский, кург. 3; КОКМ, № 12063	Мошкова, 1974, с. 12
3	2	Случайные находки — КОКМ, Шадринский музей	Шилов, 1959, с. 460
4	2	Могильник Воробьевский; Рафайловское городище, раскоп 5	Смирнов, 1961, с. 24—25
5	1	Могильник Воробьевский, кург. 5	Граков, 1961, с. 145

веков нашей эры; 4-й — железный, с антенным навершием и сердцевидным перекрестьем савроматского времени; 5-й — железный, с серповидным навершием и угловатым перекрестьем. Все типы известны у сарматов и их соседей (табл. 27).

К наступательному оружию дистанционного боя относятся лук, наконечники копий и дротики. Луки или их детали в памятниках саргатской культуры в Среднем Притоболье не обнаружены, хотя на других территориях ее распространение, например в Прииртышье [Могильников, 1972а], Приишимье [Мошкова, Генинг, 1972] и Барабе [Савинов, Полосмак, 1985], они встречаются с наконечниками стрел тех же типов. Это позволяет считать, что в Среднем Притоболье бытовал тот же, что и у других саргатских племен, тип сложного лука, зафиксированный концевыми накладками саргатских, абатских и прочих курганов.

Наконечники стрел (262 экз.) делятся на бронзовые (143 экз.), железные (69 экз.) и костяные (50 ед.). Бронзовые наконечники известны 10 типов: 1-й — трехгранные, втульчатые, с треугольной головкой и выступающей втулкой, VI—III вв. до н. э.; 2-й — трехгранные, с внутренней трехгранной втулкой, опущенными ниже втулки шипами, со сводчатой головкой и с дуговидным или прямоугольным вырезом базы, наиболее распространены в IV в. до н. э.; 3-й — трехгранные, с внутренней трехгранной втулкой, опущенными ниже втулки шипами и треугольной головкой, бытовали в V—II вв. до н. э.; 4-й — трехгранные, с треугольной головкой, украшенные рельефным крестообразным узором на гранях, со скрытой втулкой и трапециевидным вырезом базы, VI—II вв. до н. э.; 5-й — втульчатые, двухлопастные, с выступающей втулкой, нервюрой, ромбической формой пера, VII—VI вв. до н. э.; 6-й — втульчатые, четырехгранные, ромбические, с четырехгранной втулкой и шипами, VI—V вв. до н. э.; 7-й — черешковые, трехгранные, со сводчатой головкой, VI—IV вв. до н. э.; 8-й — черешковые, трехлопастные с узкой головкой и прямыми лопастями, V—III вв. до н. э.; 9-й — втульчатые, трехгранные, базисные, со скрытой округлой втулкой, сводчатой головкой и дуговидным вырезом базы, VI—III вв. до н. э.; 10-й — трехгранные, с треугольной головкой, дуговидным вырезом базы и ложками вдоль граней, скрытой круглой втулкой, V—IV вв. до н. э. имеют аналогии у савроматов, сарматов, скифов, саков, ананьинцев и представителей других племен степной и лесостепной полосы Евразии (табл. 28).

Железные наконечники стрел подразделяются на пять типов: 1-й — трехлопастные, с прямосрезанными лопастями, черешковые, с узкой треугольной головкой; 2-й — трехлопастные, черешковые, с прямосрезанными лопастями, с широкой треугольной головкой; 3-й — трехлопастные, черешковые, со сводчатой головкой и лопастями, срезанными под острым углом; 4-й — трехлопастные, со сводчатой головкой и лопастями, срезанными под тупым углом; 5-й — трехлопастные, черешковые, с треугольной головкой и лопастями, срезанными под острым углом. Нако-

Таблица 27

Распределение кинжалов различных типов по памятникам Среднего Притобья и их аналоги

Кинжал		Место находки	Аналог
тип	кол-во, экз.		
1	1	Случайная находка из собрания КОКМ	Ильинская, 1957, с. 237
2	1	Случайная находка из д. Ионино III	Сокольский, 1954, табл. III
3	3	Могильник Прыговский, кург. 10; могильник Тютринский, кург. 4; могильник Красногорский Борок, кург. 1, погр. 3	Шилов, 1959, с. 498; Сокольский, 1954, табл. V с. 155
4	1	Рафайловское городище, раскоп 3	Смирнов, 1961, с. 20-21
5	1	Могильник Воробьевский, кург. 5 погр. 1	Хазанов, 1971, с. 19

Таблица 28

Распределение наконечников стрел по типам по памятникам Среднего Притобья и их аналоги

Стрела		Место находки	Аналог
тип	кол-во, экз.		
1	2	3	4

Бронзовые

1	3	Раскатиha; Прыговское городище; могильник у д. Вагина	Смирнов, 1961, с. 52; Бельтикова, 1982, с. 73
2	43	Могильник Красногорский-1, кург. 17, погр. 1, кург. 3, погр. 1; Рафайловское городище, раскопы 3, 5 (см. рис. 17, 29; 19, 32, 56)	Смирнов, 1961, с. 58
3	95	Могильник Красногорский-1, кург. 17, погр. 1; могильник Увал I; могильник Тютринский, кург. 10, погр. 2; могильник Прыговский, кург. 4; Раскатиha; Рафайловское городище, раскоп 3, 5 (см. рис. 38, 8)	Там же
4	1	Рафайловское городище, раскоп 3 (см. рис. 37, 2)	"
5	1	Могильник Прыговский, кург. 4	Бельтикова, 1982, рис. 1, Смирнов, 1961, с. 41; Черников, 1965, с. 46-49
6	1	" " "	Смирнов, 1961, рис. 23A; Ягодин, 1984, с. 51; Вишневская, 1973, с. 91
7	1	" " "	Смирнов, 1961, с. 63
8	3	Могильник Красногорский-1, кург. 3, погр. 1 (см. рис. 17, 25)	Там же, с. 56, рис. 40-10; Збруева, 1952, с. 89
9	2	Раскатиha, могильник Увал I, кург. 12	Смирнов, 1961, с. 51
10	6	Раскатиha	Там же, с. 57

Железные

1	21	Могильник Тютринский, кург. 3, погр. 4, кург. 7, погр. 3 (см. рис. 32, 24), кург. 8, погр. 1; могильник у д. Вагина; могильник Красногорский-1, кург. 3, погр. 1 (см. рис. 17, 24)	Там же, с. 66
2	12	Могильник Савиновский, кург. 5, погр. 3; могильник Тютринский, кург. 7, погр. 1, кург. 10, погр. 2; могильник Красногорский-1, кург. 3, погр. 1 (см. рис. 28, 4; 10, 27), могильник Красногорский Борок (рис. 24, 18-20)	Там же, с. 66
3	2	Могильник Тютринский, кург. 10, погр. 2; могильник Красногорский-1, кург. 3, погр. 1 (см. рис. 30, 10)	Там же, с. 65; Акишев, 1959, табл.
4	15	Могильник Савиновский, кург. 5, погр. 3, 2; могильник Тютринский, кург. 3, погр. 4 кург. 10, погр. 2 (см. рис. 10, 30)	Сорокин, 1956, с. 11

1	2	3	4
5	12	Могильник Савиновский, кург. 5, погр. 3, кург. 7, погр. 1; могильник Тютринский, кург. 3, погр. 3, кург. 8, погр. 1, кург. 10, погр. 2 (см. рис. 6, 8; 10, 27; 32, 23; 29, 14)	Смирнов, 1961, с. 66
Костяные			
1	4	Раскатиша; могильник Красногорский-1, кург. 3, погр. 1 (см. рис. 17, 8)	Там же, табл. VA
2	2	Раскатиша; могильник Красногорский-1, кург. 17 (см. рис. 17, 13)	Там же, с. 56
3	2	Могильник Красногорский-1, кург. 17, могильник у д. Вагина (см. рис. 19, 107)	Там же
4	14	Могильник Красногорский-1, кург. 3, погр. 1 (см. рис. 17, 12)	Ильинская, 1955, с. 21, табл. 1, 8; Смирнов, 1961, с. 55
5	1	То же (см. рис. 17, 15)	Смирнов, 1961, с. 51
6	1	Могильник Савиновский, кург. 7, погр. 1 (см. рис. 6, 10)	Там же, с. 59
7	3	Могильник Прыговский, кург. 4; поселение Ингалинка-1 (см. рис. 40, 2)	Киселев, 1949, с. 155
8	3	Рафайловское городище, раскоп 2; Коловское городище; случайная находка — фонды КОКМ (см. рис. 37, 12; 45, 2); поселение Бочанцево-1 (см. рис. 43, 1)	Кулемзин, 1976, с. 36; Грязнов, 1956, табл. 45, 17; Троицкая, 1979; табл. 5, 26
9	3	Прыговское городище; Прыговский могильник, кург. 4	Чиндина, 1984, рис. 27, 7; Троицкая, 1979, табл. 7, 12; Грязнов, 1956, табл. 47, 5, 6; Кулемзин, 1976, с. 38
10	4	Могильник Красногорский Борок, кург. 1, погр. 3; могильник Тютринский, кург. 3, погр. 1, кург. 8, погр. 1; поселение Ингалинка-1 (см. рис. 32, 3, 29, 9; 40, 3)	Троицкая, 1979, табл. 7, 18; Грязнов, 1956, табл. 47, 9, 11, 15—34; Кулемзин, 1976, с. 36; Мошкова, Генинг, 1972, рис. 5, 7
Мош			
11	7	Могильник Томиловский; могильник Тютринский, кург. 8, погр. 1 (см. рис. 29, 10)	Чиндина, 1984, рис. 27, 11; Троицкая, 1979, табл. 7, 29—34; Грязнов, 1956, табл. 51, 10; Кулемзин, 1976, рис. 7, 24
12	8	Рафайловский курган; могильник у д. Вагина; случайная находка — фонды КОКМ (см. рис. 25, 8)	Киселев, 1949, с. 131; Грязнов, 1956, табл. 51, 8, 9; Чиндина, 1984, рис. 27, 9
13	2	Могильник Савиновский, кург. 1, погр. 3; случайная находка — фонды КОКМ (см. рис. 4, 24)	Грязнов, 1956, табл. 9, 2; Чиндина, 1984, рис. 27, 12
14	3	Рафайловское городище, раскоп 7; случайная находка — фонды КОКМ	Киселев, 1949, с. 168; Троицкая, 1979, с. 10; Чиндина, 1984, рис. 27, 8
15	2	Могильники Прыговский, Воробьевский	Грязнов, 1956, табл. 9, 7

нечники этих типов бытуют практически одновременно, исключение составляют изделия 2-го типа, которые являются позднейшей разновидностью наконечников типов 1, 4, 5. Железные наконечники датируются IV в. до н. э. — III в. н. э.; имеют аналоги у сарматов, племен Средней Азии, Сибири.

Костяные наконечники стрел делятся на 15 типов двух основных видов: втульчатые и черешковые. Втульчатые трехгранные: 1-й — со скрытой втулкой, треугольной головкой и треугольным вырезом базы; 2-й — со скрытой втулкой, сводчатой головкой и дуговидным вырезом базы; 3-й — со скрытой втулкой, сводчатой головкой и треугольным вырезом базы; 4-й — с треугольной головкой и ровной базой; 5-й — с непрофилированной головкой и короткой выступающей втулкой. Втульчатые четырехгранные; 6-й — со скрытой втулкой и ровной базой. Черешковые:

7-й – плоские листовидные; 8-й – ромбической формы, треугольные в сечении; 9-й – ромбической формы, ромбические в сечении; 10-й – треугольной формы, с плечиками, ромбические в сечении; 11-й – треугольной формы с жальцами, ромбические в сечении; 12-й – треугольной формы с жальцами, треугольные в сечении; 13-й – треугольной формы, овальные в сечении; 14-й – трехгранные; 15-й – биконические. Костяные наконечники находят аналоги в тагарских и большереченских, кулайских памятниках (7-15-й типы), в Приуралье, Прикамье, Казахстане, на Алтае (1-6-й типы).

Колчаных крючков представлено 4 экз.: бронзовые литые, с массивной многоугольной пластиной и поперечной петлей на внутренней стороне в погребениях Раскатихи, Красногорского Борка (погр. 1 кург. 2) (рис. 24, 6), Тютринского могильника (погр. 1 кург. 9) (рис. 29, 4, 5), могильника Увал I, кованые железные в погр. 1 кург. 2 Красногорского Борка, погр. 1 кург. 9 Тютринского могильника, могильника Увал I. Первые характерны для савроматов [Смирнов, 1964, с. 330], вторые – для сарматского периода [Мошкова, 1963, с. 35].

Наконечник копья из Куртамышского кургана железный, треугольной формы с круглой втулкой и плоским пером. Аналоги известны у скифов, савроматов, меотов [Смирнов, 1961], в Сибири [Троицкая, 1979, с. 12].

Оборонительный доспех саргатских воинов включает, очевидно, наборный панцирь и щит, о шлемах данных не имеется. Достоверных находок щитов также нет, но с большой долей вероятности можно говорить об остатках щита в погр. 4 кург. 3 Тютринского могильника, II в. н. э. Там в углах четырехугольника обнаружены четыре гвоздевидные заклепки с остатками тонкой доски, к которой они были прикреплены. Возможно, это заклепки щита. Панцирь был пластинчатым костяным, очень редко в его состав включались железные пластины. Металлические панцири были известны саргатским воинам (Сидоровка на Иртыше), но при раскопках в Среднем Притоболье они не обнаружены. Костяные и комбинированные панцири найдены в погребениях Язевского (кург. 3), Красногорского-1 (кург. 17) и Долгий Бугор (рис. 19, 129–133), Тютринского (кург. 3, погр. 1 кург. 9 (рис. 32, 5, 29, 43)), Томиловского (кург. 3), Куртамышского могильника и у д. Вагиной. Костяные пластинки, из которых набирали панцирь, обычно делали прямоугольной формы, размерами 9–10х2,5–3 см. В большинстве пластинок имеются четыре просверленных отверстия по углам, в остальных – дополнительно вдоль длинного края или близ основных. Лучший по сохранности, но не полный набор из 93 костяных и 25 железных пластин найден в кург. 3 могильника Язево. Наборные панцири распространены в раннем железном веке у племен лесной [Мошинская, 1965, табл. 13] и лесостепной полосы Западной Сибири [Могильников, 1972а, с. 120–122], датируются V–II вв. до н. э.

Конская упряжь представлена удилами, псалиями, ворворками. В саргатских памятниках Среднего Притоболья известны лишь железные кованые удила. Во рву кург. 3 Тютринского могильника (рис. 32, 1) найден один целый экземпляр, малые кольца у него овальные, большие – круглые, скованы из свернутого вдвое железного прута (1-й тип). Остальные удила (из погребений 1–3 кург. 7 и погребений 1, 3, кург. 10 Тютринского и погр. 1 кург. 1 Савиновского могильников) представлены во фрагментах. Они принадлежат ко 2-му типу: кольца припаяны с одной стороны, т. е. звенья имеют очковидную форму. Такие изделия распространены в степи и лесостепи Евразии в раннем железном веке.

Псалии (6 экз.) подразделяются на костяные и железные. Костяные (1-й тип) брусковидные, двудырчатые, датируются IV–II вв. до н. э. Аналоги находятся у сарматов [Мошкова, 1963, табл. 21, 2], в ананьинской [Збуева, 1952, табл. 12], большереченской культурах [Могильников, Куйбышев, 1982, с. 132]. Железные псалии имеются трех типов: 2-й – восьмерковидные, двудырчатые прямые, концы в виде закругленного стержня, с прямоугольными отверстиями, аналогичны ноинулинским [Руденко, 1962а, с. 29]; 3-й – восьмерковидные, двудырчатые прямые, концы в виде полых трубочек; 4-й – такие же, как типы 2-й, 3-й, но концы в виде треугольных лопастей (табл. 29). Аналоги последним нам не известны.

Таблица 29

Распределение псалиев различных типов по памятникам Среднего Притобья

Псалий		Место находки
тип	кол-во, экз.	
1	2	Прыговское городище; Савиновский могильник, кург. 1, погр. 1 (см. рис. 4, 5)
2	1	Тютринский могильник, кург. 7, погр. 2 (см. рис. 28, 22)
3	2	" " кург. 10, погр. 1 (см. рис. 30, 5, 6)
4	-	" " кург. 7, погр. 3 (см. рис. 28, 29)

скифского времени [Смирнов, 1961, с. 88; Вишневская, 1973, с. 106–107]; 3-й – железные и бронзовые большие кольца (4 экз. из Воробьевского, Тютринского (см. рис. 30, 39), Савиновского могильников) (см. рис. 10, 25). Широко распространены.

Сбруйные бляшки подразделяются на шесть типов: 1-й – полушаровидные бронзовые литые, с массивной петлей; 2-й – крестовидные бронзовые литые, с петлей; 3-й – круглые бронзовые розетковидные, кованые, с отверстием в центре, в которое продет игловидный шпенек; 4-й – восьмерковидные литые бронзовые пронизки – обоймы для раздвоенных нащечных ремней; 5-й – бронзовые мелкие полушаровидные литые; 6-й – железные ажурные, сердцевидные (табл. 30).

Ворворки (7 экз.) известны бронзовые и железные, конической и усеченно-конической формы из Красногорского-1 (кург. 17) (см. рис. 19, 119) и Тютринского (погр. 2 кург. 8, погр. 2 кург. 10) (см. рис. 29, 28; 30, 33) могильников. Широко распространены.

Рукоять нагайки в виде деревянной палочки, оплетенной плотной спиралью серебряной проволокой. Найдена в погр. 2 кург. 5 Тютринского могильника (рис. 33, 24). Встречаются в погребениях скифов [Ильинская, Тереножкин, 1986, с. 78, 86].

Украшения и предметы туалета встречаются в основном в могильниках, реже – на поселениях. Наиболее многочисленны бусы и мелкие украшения, наборы которых составляли ожерелья и браслеты женщин, а также украшали одежду лиц того и другого пола, пояса, сумочки. Всего нами учтено 568 бус*. В ранних погребениях бус немного, они преимущественно многоцветные, круглые стеклянные, в погребениях I–II вв. н. э. бусы представлены шире, наборами, они разнообразны по форме и материалу (табл. 31). Выделяется 6 групп бус из 16 видов материала**.

1-я – из полудрагоценных камней: шпинели (1) четырнадцатигранные I–II вв. н. э., 2) биконические, сердолика (3) округлые, 4) бочонковидные III в. до н. э. – IV в. н. э., 5) бочковидные с шестью-восьмью меридиальными гранями, II в. до н. э. – I в. н. э., 6) бипирамидальные, 7) усеченно-биконические, поперечно сжатые, III в. до н. э.), аметиста (8) усеченно-биконические, агата (9) подвеска удлинненной конической формы с закругленным нижним концом). Бусы этого типа наиболее распространены в Средней Азии, известны в Северном Причерноморье, у сарматов;

2-я – из металла: золота (10) цилиндрические пронизки, 11) бочковидные с семью меридиальными гранями, 12) округлые, спаянные из двух полушарий серебра, 13) усеченно-коническая пронизка), бронзы (14) кольцевидная). Металлические бусы вообще широко использова-

* Бусы из коллекции Прыговского могильника утеряны.

** В классификации использованы терминология и классификационные признаки Е. М. Алексеевой [1975, с. 13–20].

Таблица 30

Распределение сбруйных бляшек различных типов по памятникам Среднего При-
тобья и их аналоги

Сбруйная бляш- ка		Место находки	Аналог
тип	кол-во, экз.		
1	3	Могильник Тютринский, кург. 7, погр. 3; могильник Савиновский, кург. 5, погр. 3 (см. рис. 10)	Характерны для уздечных набо- ров «скифского типа»
2		Могильник Прыговский, кург. 3	Грач, 1980, рис. 34, 7; Мартынов, 1979, табл. 47, 16, 19; Троицкая, 1983, рис. 2, 17; Либеров, 1965, табл. 23, 27
3	1	Могильник Тютринский, кург. 10, погр. 2 (см. рис. 30, 15)	Не известен
4	4	Раскатиша; могильник Тютринский, кург. 8, погр. 2 (см. рис. 29, 18)	Смирнов, 1961, с. 95
5	9	Могильник Савиновский, кург. 5, погр. 3; могильник Тютринский, кург. 3, погр. 4 (см. рис. 10, 19; 32, 30)	Широкий круг
6	1	Могильник Савиновский, кург. 5, погр. 3 (см. рис. 10, 21)	" "

Таблица 31

Распределение бус и мелких украшений различных типов по памятникам Среднего
Притобья

Бусы и украше- ния		Место находки	Аналог
тип	кол-во, экз.		
1	2	3	4

1-я группа

1	53	Могильник Тютринский, кург. 2, погр. 2; кург. 3, погр. 3	Алексеева, 1975, с. 32
2	2	" " кург. 8, погр. 2	Не известен
3	8	" " кург. 3, погр. 7; кург. 7, погр. 1, 2	
4	1	" Савиновский кург. 5, погр. 1	Там же, с. 16
5	6	" Тютринский, кург. 3, погр. 3	Мандельштам, 1975, с. 128; Во- нец, 1951, с. 61; Толстов, 1948, с. 45
6	1	" " кург. 2, погр. 2; кург. 3, погр. 3	Алексеева, 1982, с. 18
7	1	" " кург. 3, погр. 3	Не известен
8	1	" " кург. 3, погр. 3	"
9	1	" " кург. 6, погр. 3	Алексеева, 1982, с. 20; Ковпа- ненко, 1980, с. 176

2-я группа

10	3	Могильник Тютринский, кург. 5, погр. 2	Широкий круг
11	1	" " кург. 7, погр. 1	Сардианиди, 1983, с. 121
12	2	" " кург. 7, погр. 2	Широкий круг
13	1	" " кург. 2, погр. 1	" "
14	1	" Памятное, кург. 1, погр. 4	" "

3-я группа

15	1	Могильник Тютринский, кург. 4, погр. 4	Алексеева, 1978, с. 24
16	1	" Савиновский, кург. 5, погр. 1	Не известен
17	31	" Тютринский, кург. 3, погр. 3; кург. 8, погр. 2, 3; кург. 10, погр. 3; мо- гильник Савиновский, кург. 5, погр. 1	Алексеева, 1975, с. 14

Продолжение табл. 31

1	2	3	4
18	1	Могильник Тютринский, кург. 5, погр. 2	Алексеева, 1978, с. 12
19	9	То же	Там же
4-я группа			
20	1	Могильник Тютринский, кург. 2	Мандельштам, 1966, табл. 63, 10, 11; Он же, 1975, табл. 19, 44
21	1	То же, погр. 1	Широкий круг
22	1	Могильник Тютринский, кург. 7, погр. 1	Не известен
5-я группа			
23	21	Могильник Тютринский, кург. 2, погр. 2; кург. 4, погр. 4	Алексеева, 1978, с. 65
24	30	" " кург. 3, погр. 3	Там же, с. 66
25	11	" " кург. 8, погр. 2; кург. 10, погр. 3; могильник Савиновский, кург. 1, погр. 1	Там же, с. 65
26	89	Могильник Тютринский, кург. 8, погр. 1, 2; могильник Красногорский Борок, кург. 2, погр. 2	Там же, с. 65
27	1	Могильник Тютринский, кург. 8, погр. 2	Там же, с. 66
28	2	" Савиновский, кург. 1, погр. 1; Тютринский, кург. 8, погр. 3	Не известен
29	1	" Савиновский, кург. 1, погр. 1	Алексеева, 1978, с. 69
30	1	То же	Не известен
31	1	Рафайловский курган, погр. 3	Алексеева, 1978, с. 63
32	1	Могильник Тютринский, кург. 3, погр. 3	Там же, с. 67
33	1	" " кург. 5, погр. 2	Галибин, 1985, с. 45
34	3	" " кург. 3, погр. 7	Алексеева, 1978, с. 65
35	1	" " кург. 7, погр. 1	Мандельштам, 1966, с. 129
36	10	" " кург. 3, погр. 3; Памятное, кург. 4, погр. 1	Шелов, 1972, с. 145; Мошкова, 1963, с. 44; Литвинский, 1978, с. 163
37	1	Могильник Савиновский, кург. 1, погр. 1	Алексеева, 1978, с. 64
38	1	Прыговское городище	Там же, с. 67
39	2	Могильник Тютринский, кург. 10, погр. 4; " Красногорский Борок-1, кург. 2, погр. 2	Там же, с. 67
40	60	" " кург. 2, погр. 2	Там же, с. 63
41	1	" Тютринский, кург. 3, погр. 3	Не известен
42		" " кург. 3, погр. 3, 7; кург. 8, погр. 3; могильник Савиновский, кург. 5, погр. 1	Алексеева, 1978, с. 72
43	2	Могильник Тютринский, кург. 5, погр. 2	Алексеева, 1975, с. 33
44	1	" " кург. 10, погр. 3	Там же, с. 33
45	1	" " кург. 3, погр. 3	Алексеева, 1978, с. 37
46	1	Селище Речкинское-2	Алексеева, 1975, с. 38
47	3	Могильник Тютринский, кург. 3, погр. 2; кург. 10, погр. 3; Рафайловское городище 1987 г.	Там же, с. 65
48	2	Могильник Воробьевский, кург. 2, погр. 1, 2; Рафайловское городище 1987 г.	Там же, с. 68
49	1	Могильник Савиновский, кург. 1, погр. 3	Алексеева, 1975, с. 71
50	1	" Тютринский, кург. 3, погр. 3	Там же
51	1	" Воробьевский, кург. 2, погр. 1, 2	Крупнов, 1958
52	1	Рафайловский Остров	Алексеева, 1975, с. 62

1	2	3	4
53	2	Могильник Воробьевский, кург. 2, погр. 1, 2	Алексеева, 1978, с. 49
54	1	" Тютринский, кург. 6, погр. 3	Там же
55	1	" Воробьевский, кург. 2,	Алексеева, 1978, с. 48
56	1	" Тютринский, кург. 3, погр. 3	Там же, с. 63
57	1	" " кург. 1, погр. 3	Галибин, 1985, с. 42
58	1	" " кург. 8, погр. 2	Алексеева, 1978, с. 44
59	1	" " кург. 10, погр. 3	Не известен

6-я группа

60	35	Могильник Памятное, кург. 1, погр. 4, 6;	Алексеева, 1978, с. 28,
		" Тютринский, кург. 6, погр. 3	табл. 26,
61	24	" " кург. 2, погр. 2;	Там же, с. 30
		кург. 3, погр. 3; кург. 4, погр. 2; кург. 5,	
		погр. 2; кург. 8, погр. 3; кург. 10,	
		погр. 3, 4; могильник Красногорский-1,	
		кург. 3; Рафайловское городище 1987 г.	
62	3	Могильник Тютринский, кург. 2, погр. 2;	Там же, с. 30
		кург. 4, погр. 4	
63	3	" " кург. 5, погр. 2	Там же, с. 30
64	13	" " кург. 6, погр. 3	Там же
65	1	" " кург. 5, погр. 2	Там же, с. 31
66	6	" " кург. 3, погр. 3	Там же, с. 28
67	4	" " кург. 3, погр. 3;	Там же
		кург. 5, погр. 2	
68	3	" " кург. 5, погр. 2	Там же, с. 28, 31
69	49	" "	Не известен

лись в античном ювелирном искусстве, а тип 12 был популярным у кочевников Средней Азии, саков, скифов, савроматов;

3-я — из смолистых материалов: янтаря (15) удлиненная пронизка, подпрямоугольная в поперечном сечении, III в. до н. э. — I в. н. э., 16) плоская птицевидная, гагата (17) короткоцилиндрические, III в. до н. э. — III в. н. э., 18) бочонковидные крупные, I—III вв. н. э., 19) бочонковидные крупные, поперечно сжатые, III в. до н. э. — IV в. н. э.).

4-я — украшения из других материалов: (20) раковина каури, 21) кости — линзовидная бусина, 22) известкового туфа — призматическая трехгранная бусина);

5-я — из одноцветного стекла: (23) шаровидные, из глухого синего стекла, VI в. до н. э. — IV в. н. э., 24) бочонковидные, из глухого синего стекла, I—III вв. н. э., 25) округлые, из глухого голубого стекла, IV в. до н. э., 26) бочонковидные, из глухого голубого стекла, III—I вв. до н. э., 27) яйцевидные, из глухого голубого стекла, I—III вв. н. э., 28) четырехгранные пирамидальные, из глухого голубого стекла, 29) в форме параллелепипеда, из глухого голубого стекла, III в. до н. э. — I в. н. э., 30) эллипсоидные, из глухого голубого стекла, 31) бочковидные, из глухого красного стекла, I—III вв. н. э., 32) призматические пятигранные, из прозрачного бесцветного стекла, I в. до н. э. — I в. н. э., 33) округлые, из прозрачного бесцветного стекла, I в. н. э., 34) шаровидные, из глухого коричневого стекла, II в. до н. э. — I в. н. э., 35) многочастные, из темно-синего стекла, II в. до н. э. — II в. н. э., 36) шаровидные, из глухого зеленого стекла, II—I вв. до н. э., 37) цилиндрические, голубовато-зеленоватые, I—III вв. н. э., 38) удлиненно-цилиндрические, из глухого белого стекла, вторая половина I—III вв. н. э., 39) цилиндрические, из глухого белого стекла, IV в. до н. э., 40) веретенообразная витая пронизь, из прозрачного синего стекла, 41) рубленный бисер, из стекла белого, фиолетового, черного цвета, III в. до н. э. — IV в. н. э.), египетского фаянса, 42) удлиненно-цилиндрические бирюзовые, IV в. до н. э. — II в. н. э., 43) бочковидные, ребристые

фиолетовые, I-II вв. н. э., 44) подвеска бирюзового цвета, изображающая задрапированную фигурку стоящего Гарпократа. Ушко подвески расположено на спине, левой рукой божок поддерживает рог изобилия, палец правой поднесен к губам, на голове – убор птицы Ба, датируется I-II вв. н. э., 45) крупная подвеска в виде задрапированной в плащ мужской фигуры, правая рука согнута под плащом, левая опущена, глаза круглые, показана борода. Ушко подвески расположено на спине, датируется I-II вв. н. э.); бусы из многоцветного стекла, с глазчатым узором (46) бочковидные, поперечно сжатые, из темно-синего глухого стекла, на керамической основе, с шестью синими глазками в белых ободках попарно, IV-III вв. до н. э., 47) цилиндрические, крупные, из синего глухого стекла, на керамической основе, с девятью глазками в белых ободках, V-III вв. до н. э., 48) бочковидные, из темно-синего стекла, с 10 синими глазками в белых ободках, IV-II вв. до н. э., 49) маленькие бочковидные, из глухого синего стекла, с шестью глазками в белых ободках, II-I вв. до н. э., 50) цилиндрические, из глухого светло-серого стекла, с шестью синими глазками в коричневых ободках попарно, VI-V вв. до н. э., 51) бочковидные, из глухого синего стекла, с глазками в желтых ободках, IV-II вв. до н. э.); бусы с перистым орнаментом (52), черные кубические, с белым узором, 53) черные кубические, с желтым узором, IV-III вв. до н. э., 54) усеченно-конические, из глухого стекла, на керамической основе, с желтым узором, IV-III вв. до н. э.); полосчатые бусы (55) цилиндрические, из красного глухого стекла, с желтыми продольными полосами); бусы со спиральным узором (56) веретенovidные, из глухого белого стекла, на керамической основе, с серебристой поперечной навитой спиралью, 57) усеченно-биконические, из черного глухого стекла, с поперечно навитой желтой спиралью, III – первой половины II в. до н. э., 58) шаровидные, с бело-сине-желтым перистым орнаментом, II в. н. э.);

6-я – из комбинированных материалов: – стеклянные, с внутренней позолотой (59) округлые, III в. до н. э. – IV в. н. э., 60) бочковидные, поперечно сжатые, III в. до н. э. – III в. н. э., 61) бочковидные, с валиками по краям I-III вв. н. э., 62) цилиндрические, III в. до н. э. – II в. н. э., 63) короткоцилиндрические, III в. до н. э. – III в. н. э., 64) биконические, уплощенные, III в. до н. э. – II в. н. э., 65) усеченно-биконические, многочастные, I-II вв. н. э., 66) рубленый бисер, II-I вв. до н. э.); стеклянные бусы с металлической амальгамой (67) шаровидные серебристо-белые, голубые, фиолетовые, желтые).

Большая часть бус имеет аналоги в коллекциях из Северного Причерноморья и Средней Азии.

Браслеты известны двух типов: металлические и наборные из бус. Браслеты из бус найдены в женских погребениях Тютринского могильника, там они зафиксированы на запястьях погребенных. Бронзовые (или латунные) браслеты представлены в погр. 4 кург. 5 Савиновского могильника в 2 экз.: один из круглой толстой проволоки, с несомкнутыми, уплощенными концами, имеющими вид змеиных головок (см. рис. 10, 43). Наиболее близкие аналоги известны в Средней Азии, Тулхарском могильнике [Мандельштам, 1966, с. 119, табл. 54]; второй из круглой проволоки, скрученной в полтора оборота, с концами в виде головок какого-то животного (см. рис. 10, 42), похожих на скифские [Петренко, 1978, с. 52].

Перстни делятся на бронзовые (2 экз.) и железные (3 экз.). Бронзовые двух типов: 1-й – уплощенное кольцо с овальным щитком и круглым гнездом для инкрустации, подобные изделия распространены в Средней Азии [Мандельштам, 1966, с. 121, табл. 58, 6], 2-й – тонкое проволочное кольцо с квадратным щитком и крестовидным узором на нем (табл. 32). Близкие аналоги не известны. Железные перстни двух типов: 3-й – с овальным щитком, 4-й – с розетковидным. Они имеют аналоги в Средней Азии, в памятниках II в. до н. э. – I в. н. э. [Там же, с. 121].

Кольцо бронзовое, круглое, гладкое, выпуклое из погр. 4 кург. 10

Тютринского могильника (см. рис. 30, 38). Подобные изделия распространены повсеместно.

Серьги известны золотые, серебряные и бронзовые. Золотые восьмерковидные, с привесками: 1-й тип – из цилиндрической пронизки и бусины; 2-й – из проволоочного стержня, с петлей на конце, украшенного сердоликовой и голубыми стеклянными бусинами, пронизками и подвесками из золотых листиков, зернью. Первые имеют широкий круг аналогов, вторые идентичны серьгам из Сибирской коллекции Петра I [Руденко, 1962б, табл. 20, 1, 2, 4]. Серебряные с позолотой: 3-й тип – в виде стержня, загнутого с обоих концов, с щитком в виде 6–10-лучевой звездочки, круглым гнездом для инкрустации, украшенным пирамидками зерни, также находятся в составе Сибирской коллекции Петра I [Руденко, 1962б, табл. 20, 15, 16, 19]. Бронзовые серьги двух типов: 4-й – кольцевидные с заходящими концами; 5-й – восьмерковидные без привески; они широко распространены в раннем железном веке.

Подвески (6 экз.) разнообразны: птицевидные – полая, из погр. 3 кург. 3 Тютринского могильника и одностороннего литья, из могильника Красногорский-1 (см. рис. 19, 137). Находят аналоги в сарматских [Шилов, 1959, рис. 44, 15] и в финно-угорских коллекциях [Голубева, 1979, табл. 7; Рябинин, 1981, табл. 5]; в виде фигурок медведей из кург. 4 могильника Памятное; подтреугольные из слюды с Рафайловского городища.

Зеркала (8 экз.) известны трех типов: 1-й – плоские, с гравированным циркульным орнаментом из погр. 3 кург. 10 Тютринского могильника (рис. 30, 21) и кург. 4 могильника Памятное, датируются VI в. до н. э. – II в. н. э. [Литвинский, 1978, с. 79; Хазанов, 1963, с. 60; Мошкова, 1963, с. 41]; 2-й – плоские, с валиком по краю и ручкой-штырем, датируются IV в. до н. э. – I в. н. э., из погр. 3 кург. 6, погр. 2 кург. 8 Тютринского (см. рис. 29, 27; 27, 10) и погр. 1 кург. 3 Прыговского могильников [Литвинский, 1978, с. 81; Мандельштам, 1975, с. 117; Хазанов, 1963, с. 62–64]; 3-й – с валиком по краю, ручкой-штырем и выпуклиной в центре из погр. 7 кург. 3, погр. 2 кург. 5 Тютринского (см. рис. 32, 32; 33, 30) и погр. 4 кург. 1 Воробьевского могильников, датируются II в. до н. э. – III в. н. э. [Хазанов, 1963, с. 64; Литвинский, 1978, с. 85; Мошкова, Генинг, 1972, с. 110]. Зеркала всех типов имеют многочисленные аналоги у сарматов и древних народов Средней Азии.

Гребни костяные (2 экз.) овальной формы из кург. 4 Савиновского могильника (см. рис. 6, 1) и с навершием в виде симметрично расположенных голов лошадей из погр. 2 кург. 2 Тютринского могильника (см. рис. 31, 39). Известны в памятниках Поволжья и Приуралья [Шилов, 1959, рис. 44, 3; Мошкова, 1963, с. 41, табл. 26, 14, 20], Ферганы [Литвинский, 1978, с. 139, табл. 13, 6] сарматского времени.

Сурьматаши (4 экз.) из стенок среднеазиатских и саргатских сосудов найдены в погр. 3 кург. 1, погр. 2 кург. 2 Тютринского могильника (см. рис. 31, 13, 31), на Рафайловском городище (рис. 37, 10) и Рафайловском Острове, бытуют в Средней Азии с середины I тыс. до н. э. до нового времени [Литвинский, 1978, с. 133, табл. 35].

Заколки (2 экз.) представлены находками в виде стержня из кости и билинзоеидным навершием из Тютринского могильника, кург. 3, погр. 2 (рис. 32, 9), железного стержня с округлым навершием, кург. 7 могильника Увал I. Распространены у кочевников Казахстана и Сибири [Кадырбаев, 1975, с. 129; Акишев, Кушаев, 1963, табл. 11, 18, 19].

Таблица 32

Распределение перстней разных типов по памятникам Среднего Притобья

Перстень		Место находки
тип	кол-во экз.	
1	1	Могильник Савиновский, кург. 5, погр. 4 (см. рис. 10, 44)
2	1	Красногорский Борок, кург. 2 (см. рис. 24, 8, 10)
3	2	Тютринский, кург. 3, погр. 3; кург. 4, погр. 2 (см. рис. 32, 18)
4	1	То же, кург. 5, погр. 1

Таблица 33

Распределение серег разных типов по памятникам Среднего Притобья

Серьги		Место находки
тип	кол-во экз.	
1	1	Могильник Тютринский, кург. 5, погр. 2 (см. рис. 33, 22)
2	1	То же, кург. 10, погр. 3 (см. рис. 30, 19)
3	3	То же, кург. 2, погр. 2; кург. 3, погр. 6 (см. рис. 31, 32; 32, 21)
4	2	Могильник Красногорский Борок, кург. 2, погр. 2; могильник Тютринский, кург. 1, погр. 3 (см. рис. 31, 12)
5	1	Могильник Воробьевский, кург. 3, погр. 1

туре [Мартынов, 1979, табл. 47–67]; 2-й – литая фигурка стоящего ушастого зверя с двумя петлями на обороте, близкие аналоги находят на Среднем Урале и в Прииртышье [Корякова, Стефанов, 1981, с. 194, рис. 9, 1] в памятниках VII–IV вв. до н. э.; 3-й – плоская литая шаровидная с язычками и трапециевидной разомкнутой рамкой. Железные (5 экз.): 4-й – круглые пластинчатые, широко распространены в раннем железном веке; 5-й – пластинчатые квадратные, 6-й – круглые с подвижным язычком. Последние встречаются с IV в. до н. э. у сарматов, народов Средней Азии и Сибири, Восточной Европы.

Поясные обоймочки (6 экз.): железные овальной формы (4 экз.) из могильников Савиновского (погр. 2 кург. 1 (рис. 4, 17) и Красногорского-1 (погр. 1 кург. 17) (см. рис. 19, 116, 117); бронзовые (2 экз.) в виде пластинок с загнутыми краями из кург. 3 могильника Язев-1. Широко известны в скифо-сибирском мире.

Ложечковидные застёжки (3 экз.) найдены в Савиновском (погр. 5 кург. 5) и Тютринском (погр. 2 кург. 10) могильниках, из них одна железная, две бронзовые (см. рис. 10, 15; 30, 14), датируются IV–III вв. до н. э. – I в. н. э., распространены в Южной Сибири [Мартынов, Мартынова, Кулемзин, 1979, с. 34] и Средней Азии [Мандельштам, 1966, табл. 60, 10].

Декоративные гвоздики-заклепки (14 экз.) из погр. 3 кург. 1 Красногорского Борка являлись украшением кожаного пояса (см. рис. 24, 23). Широко распространены в эпоху раннего железа.

Бляшки декоративные делятся на пять типов: 1-й – золотые мелкие, полушаровидные, штампованные, с двумя отверстиями по краям; 2-й – золотые прямоугольные, штампованные, с вафельным рисунком, широко распространены у кочевников Евразии и в античном мире; 3-й – золотая крупная, круглая, с негативным изображением свернувшегося хищника волчьего облика, с отверстиями по краям, относится к VI–IV вв. до н. э. [Шкурко, 1969, с. 37; Смирнов, 1976а, с. 75]; 4-я – бронзовая, в виде рыбки и 5-я – бронзовая круглая, с пуансонным радиальным орнаментом (табл. 35).

Предметы культа: курильница, блюда, „молоточки“, каменные жертвенники, скульптурные изображения.

Курильницы известны каменные и керамические с грубой примесью талька. Они делятся: тип 1-й – чашевидные, 2-й – стакановидные, 3-й – цилиндрические, с сосцевидным выступом сверху, 4-й – в виде вазы на поддоне, с перегородкой в чаше, датируется III–II вв. до н. э. (табл. 36).

Блюда (2 экз.): керамическое круглое из погр. 1 кург. 1 Савиновского могильника (см. рис. 4, 16) и каменное четырехугольное на ножках из раскопа 3 Рафайловского городища [Матвеева, 1988, рис. 4, 18] аналогичны савроматским [Смирнов, Петренко, 1963, табл. 30–35; Мошкова, 1963, табл. 11, 9], саргатским (Прииртышье) [Могильников, 1973б, с. 245] и сакским [Кадырбаев, 1984, рис. 2, 3].

Детали одежды известны по остаткам украшений и других принадлежностей костюма из погребений. Среди находок преобладают бронзовые и железные пряжки. Бронзовые: тип 1-й – литая бабочковидная, с головами грифов на крыльях, с одной петлей (табл. 34), характерна для скифо-сарматских древностей, в тагарской куль-

„Молоточки” (3 экз.) представляют собой крупные округлые гальки с просверленными отверстиями, аналогичные сарматским [Мошкова, 1963, с. 6; Мошкова, Кушаев, 1973, с. 265], найдены в кург. 7 Тютринского могильника (см. рис. 28, 14, 15).

Жертвенные плиты (29 экз.) обнаружены геометрической формы и в виде головы барана. Они специфичны для Зауралья. Большинство плит – случайные находки, найдены вне комплексов. С саргатскими памятниками достоверно связаны находки из д. Духовки (2 экз.), Рафайловского кургана (2 экз.) и кург. 6 Шикаевки (1 экз.). Плита из Шикаевки овальная, остальные стилизованные и схематичные, т. е. жертвенные плиты, найденные в саргатских могильниках, представляют более поздний вариант развития этой традиции [Матвеева, 1986, с. 89] и, вероятно, заимствованы у предшествующего населения Притоболья.

Скульптурное изображение мужчины сохранилось частично (погрудная часть). Руки изображены отростками, голова овальной формы, глаза показаны круглыми ямками, нос выполнен крупным зацепом, рот – поперечным желобком, борода – большим налепом. На спине показаны спускающиеся до лопаток волосы. Скульптурка выполнена из обожженной глины. Изображение найдено на раскопе 5 Рафайловского городища (см. рис. 37, 14).

Скульптурное изображение женщины выполнено из обожженной глины. Головка круглая, с цилиндрическим головным убором или прической, длинный стержень передает шею. Черты лица показаны черточками. Вероятно, это составная часть куколки – домашнего божка. Скульптурка найдена в раскопе 6 Рафайловского городища (см. рис. 37, 15).

Прочие находки включают котлы медные (3 экз.) трех типов: 1-й – полусферический, на конусовидном поддоне с двумя вертикальными ручками, имеющими один гвоздевидный выступ, из погр. 1 кург. 17 могильника Красногорский-1 (см. рис. 19, 138), подобные котлы известны в степях Евразии с VIII–VII вв. до н. э. [Боковенко, 1981, с. 49]; 2-й – полусферический, на воронковидном прорезном поддоне с двумя горизонтальными ручками, украшен валиками по тулову, поддону и ручкам, тулово расчленено на четыре вертикальные зоны, узор в виде двух горизонтальных и заключенной между ними волнистой линий и свисающих фигурных фестонов (см. рис. 6, 13). Этот предмет найден в погр. 2

Таблица 34

Распределение пряжек разных типов по памятникам Среднего Притоболья

Пряжка		Место находки
тип	кол-во экз.	
1	1	Могильник Красногорский-1, кург. 3 (см. рис. 17, 33)
2	6	Рафайловское городище, раскоп 6 (см. рис. 37, 20)
3	1	Могильник Савиновский, кург. 5, погр. 3 (см. рис. 10, 12)
4	3	Могильник Тютринский, кург. 4, погр. 4; " Памятное, кург. 1; кург. 6, погр. 4
5	2	Могильник Тютринский, кург. 8, погр. 1; " Язев-1 кург. 1
6	1	" Тютринский, кург. 10, погр. 4 (см. рис. 30, 35)

Таблица 35

Распределение бляшек разных типов по памятникам Среднего Притоболья

Бляшки		Место находки
тип	кол-во экз.	
1	6	Могильник Тютринский, кург. 7, погр. 1 (см. рис. 28, 6)
2	11	То же, кург. 10, погр. 3 (см. рис. 30, 20)
3	1	Могильник Красногорский-1, кург. 17, погр. 1 (см. рис. 19, 134)
4	1	Могильник Прыговский
5	1	" Тютринский, кург. 8, погр. 2 (см. рис. 29, 21)

Таблица 36

Распределение курьих разных типов по памятникам лесостепного Притоболья и их аналоги

Курильница		Место находки	Аналоги
тип	кол-во, экз.		
1	2	Рафайловское городище, раскоп 1; случайная находка — ТюмОКМ (см. рис. 37, 25)	Мошкова, 1963, табл. 11, 35, 36
2	1	Могильник Тютринский, кург. 7 (см. рис. 28, 13)	Там же
3	3	" " кур. 10, погр. 3; Красногорский Борок, кург. 2 погр. 1; могильник Прыговский (см. рис. 24, 24)	Генинг, 1962, рис. 37
4	1	Могильник Тютринский, кург. 7, погр. 2 (рис. 28, 16)	Смирнов, 1973, с. 175; Петренко, 1980, с. 278—281

кург. 7 Савиновского магильника. Аналоги по форме имеются среди сакских и северокитайских котлов, по декору — среди хуннских и южно-сибирских рубежа эр [Гришин, 1960, рис. 17, 2; Руденко, 1962а, с. 36; Максимова и др., 1968, табл. 1, 1]; 3-й — полусферический на воронковидном прорезном поддоне с вертикальными дугообразными ручками — случайная находка в Курганской области (фонды КОКМ, б. н.). Аналоги встречаются в памятниках саков, усуней [Боковенко, 1981, с. 49], хунну [Руденко, 1962а, с. 36]. Датируется, вероятно, последней третью I тыс. до н. э.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ САРГАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ

ОСНОВНЫЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ОТРАСЛИ ЭКОНОМИКИ

Скотоводство. Основой хозяйства саргатских племен, несомненно, было скотоводство. При его характеристике мы можем опереться на достаточно представительные остеологические коллекции четырех поселений: Рафайловского и Коловского городищ, Рафайловского Острова, селища Речкинское-1, а также четырех могильников: Тютринского, Савиновского, Красногорского-1, Красногорского Борка. Всего на саргатских памятниках Среднего Притоболья изучено 5905 костей 425 особей. Основные источники получены на Рафайловском археологическом комплексе: 5420 костей 341 особи. Данные могильников можно использовать лишь частично, так как они не отражают реального соотношения видов в стаде и охотничьей добыче.

Соотношение видов млекопитающих показывает, что домашние животные составляют абсолютное большинство: от 87,7 до 99,0 % от общего количества костей и от 75,0 до 88,9 % от общего количества особей. Среди этих животных представлены собаки, лошади, крупный и мелкий рогатый скот, верблюды. Костный материал Рафайловского городища Острова (табл. 37) позволяет более уверенно говорить о составе стада у населения саргатской культуры. Если ориентироваться на показатель по костям, более соответствующий структуре питания, и тем самым составу стада, то на Рафайловском Острове лошадей и крупного рогатого скота почти равные доли — 47,6 и 46,7 %, мелкий рогатый скот составляет 4,8 %, верблюды — 0,9 %. На городище видим такое же соотношение, но лошадей несколько больше — 54,5 %. Сходное распределение по видам домашних животных прослеживается в костных остатках на поселении Речкинское-2 (табл. 38), за исключением несколь-

Таблица 37

Состав млекопитающих Рафайловского археологического комплекса

Группа	Кол-во	% от общего кол-ва	Кол-во	% от общего кол-ва
Рафайловское городище			Рафайловский Остров	
Домашние животные				
крупный рогатый скот	1744/101	37,02/35,0	309/18	43,5/34,7
мелкий рогатый скот	213/35	4,52/12,2	32/4	4,5/7,7
лошадь	2401/94	50,98/32,6	314/17	44,2/32,8
верблюд	47/8	1,00/2,8	6/1	0,9/1,9
Итого ...	4405/238	93,52/82,6	661/40	93,4/77,1
Дикие животные				
лось	191/15	4,06/5,2	13/2	1,8/3,8
косуля	7/3	0,15/1,0	6/2	0,9/3,8
медведь	1/1	0,02/0,3	—	—
кабан	4/2	0,09/0,7	14/3	2,0/5,8
благородный олень	2/1	0,04/0,3	—	—
северный "	2/1	0,04/0,3	1/1	0,1/1,9
заяц	—	—	2/1	0,3/1,9
волк	3/2	0,06/0,7	—	—
лисица	8/4	0,17/1,4	—	—
бобр	69/12	1,47/4,2	5/1	0,7/1,9
барсук	1/1	0,02/0,3	—	—
выдра	1/1	0,02/0,3	—	—
сурок	3/1	0,06/0,3	—	—
Итого ...	292/44	6,2/15,0	41/10	5,9/19,1
Собака	13/7	0,28/2,4	8/2	1,1/3,8
Всего ...	4710/289	100/100	710/52	100/100

Примечание. В табл. 37, 38 в числителе — данные по костям, в знаменателе — по особям.

Таблица 38

Состав млекопитающих на памятниках саргатской культуры Среднего Притобья

Группа	Коловское городище		Поселение Речкинское-2	
	кол-во	% от общего кол-ва	кол-во	% от общего кол-ва
Домашние животные				
крупный рогатый скот	49/4	32,3/25,0	82/5	42,5/27,8
мелкий рогатый скот	20/9	13,2/18,8	14/3	7,3/16,7
лошадь	64/5	42,2/31,2	95/8	42,2/44,4
верблюд	—	—	—	—
Итого ...	133/12	87,7/75,0	191/16	99,0/88,9
Дикие животные				
лось	15/2	9,0/12,5	—	—
косуля	1/1	0,7/6,2	—	—
медведь	—	—	1,1	0,5/5,6
бобр	3/1	2,6/6,3	—	—
Итого ...	19/4	12,3/25	1/1	0,5/5,6
Собака	—	—	1/1	0,5/5,5
Всего ...	152/16	100/100	193/18	100/100

Таблица 39

Возрастной состав домашних животных на памятниках саргатской культуры Среднего Приоболья

Возрастная группа	Рафайловское городище		Рафайловский Остров		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Крупный рогатый скот						
Менее 6 мес.	12	11,9	—	—	12	10,1
6—18 "	16	15,8	1	5,6	17	14,3
18—24 "	23	22,8	8	44,4	31	26,0
Старше 28 "	50	49,5	9	50,0	59	49,6
Итого ...	101	100	18	100	119	100
Лошади						
Молодые	33	26,2	5	29,4	38	26,5
Полувзрослые	28	22,2	3	17,6	31	21,7
Взрослые	41	32,5	6	35,4	47	32,9
Старые	24	19,1	3	17,6	27	18,9
Итого ...	126	100	17	100	143	100

ко большей доли мелкого рогатого скота и отсутствия верблюда. Как и на других поселениях, на Коловском городище и Речкино-2 в стаде преобладала лошадь (48,2 %), сравнительно много мелкого рогатого скота (15 %).

По нашему мнению, подобное соотношение видов домашних животных характеризует оседлое скотоводство, несмотря на отсутствие остеологических остатков свиньи, что вообще не свойственно памятникам Западной Сибири [Стоянов, 1977; Косинцев, 1986], и значительное для севера лесостепи использование верблюда.

Возрастной состав домашних животных (101 корова и 126 лошадей) свидетельствует о том, что забивались в основном взрослые и старые коровы (72,3 %) (табл. 39). Телята до 6 месяцев составляют 11,9 %, молодой скот в возрасте 6—18 мес — 15,8 %. Лошадей же, наоборот, забивали на мясо молодых и полувзрослых — 48,4 %, реже взрослых — 32,5 и еще реже старых — 19,1 %. [Косинцев, Ражев, Матвеева, 1989, с. 145]. Старые были, вероятно, из числа верховых. Судя по возрастному составу основной части, разведение крупного рогатого скота носило мясо-молочный, а коневодство — мясной характер. Пропорции, породный состав скота пока не определены. Такие данные у нас имеются только для лошадей Савиновского могильника: они средние (136—144 см в холке) и высокорослые (144—152 см), относятся к группе полутонконогих, отличаются от более малорослых восточно-европейских лошадей [Шалкин, 1966] и близки пазырыкским [Витт, 1952] и крупным верховым из курганов скифской знати [Бибикова, 1973].

На Рафайловском комплексе впервые для саргатской культуры выявлено значительное количество костей и особей верблюда. Обилие этих находок свидетельствует о том, что саргатские племена Среднего Приоболья, поддерживавшие тесные торговые связи со Средней Азией, заимствовали оттуда верблюдов как транспортное животное, либо столь большое количество костных остатков могла дать за счет больных, выбракованных животных, весьма интенсивная караванная торговля.

По соотношению сельскохозяйственных и диких видов саргатские поселения Среднего Приоболья близки к однокультурным иртышским [Могильников, 1976], ишимским [Смирнов, 1975], барабинским [Полосмак, 1987], гороховским [Сальников, 1947], а также лесостепным восточно-европейским, скифским [Шалкин, 1966]. Особенностью названных культур является преимущественное разведение лошади и крупного рогатого скота и незначительная роль овцеводства. Такая специфика

объясняется большей оседлостью населения северной части лесостепи и наибольшим соответствием коневодческого направления в скотоводстве климатическим условиям района (высокий снежный покров).

Содержание большого количества крупного рогатого скота требовало оседлости и заготовки на зиму кормов, стойлового содержания в зимнее время и придомного выпаса животных. Наличие обширной поймы, вспомогательных помещений в жилищах, отдельных построек, закрытых протранств между ними, предназначавшихся для содержания скота, показывает, что на Рафайловском городище, например, были такие условия. Но, с другой стороны, луга рядом с поселением нужны были для тебеневки лошадей и мелкого рогатого скота в зимнее время, поэтому летом часть стада должна была отгоняться на отдаленные, не менее чем за 10–20 км, пастбища. Таким образом, скотоводство саргатских племен, населявших северную часть лесостепного Притоболья во второй половине I тыс. до н. э., было переходным от пастушеского к отгонному. В южной части оно могло быть более подвижным, даже полукочевым, особенно при неблагоприятных для оседлости условиях.

Динамика саргатского скотоводства пока не ясна. Имеющиеся в нашем распоряжении данные не достаточны для проверки гипотезы В. А. Могильникова о нарастании у саргатцев к первым векам нашей эры черт номадизма [1976, с. 182]. Эта гипотеза была выдвинута на основе анализа памятников Прииртышья и поддержана Н. В. Полосьмак, ссылавшейся в своих построениях на материалы Барабы [1987, с. 114]. Хотя материалы Речкинского-2 поселения как будто бы согласуются с этой версией, Л. Н. Корякова и А. С. Сергеев, наоборот, полагают, что довольно высокая подвижность саргатского населения в середине I тыс. до н. э. к началу нашей эры снижается [Корякова, Сергеев, 1989, с. 166]. Впрочем, последний тезис о кочевом характере ранней саргатской культуры, опирающийся лишь на параллели в сакском и сарматском погребальных обрядах, по нашему мнению, не находит подтверждения в поселенческих материалах V–III вв. до н. э.

Охота. Видовой состав представителей дикой фауны саргатских поселений разнообразен, но доминируют по количеству те животные, мясо которых употреблялось в пищу. Более половины особей Рафайловского городища, например, относятся к мясным животным: это лось, косуля, медведь, кабан, благородный и северный олени (табл. 40). На Коловском городище копытные и заяц составляют 75 %, на Рафайловском Острове – 90 % всей охотничьей добычи. Но в пищевом рационе саргатского населения в целом мясо диких животных занимало скромное место. Так, на поселении Речкино-2 доля их костей 0,5 %, что соответствует 0,6 % от общего количества особей, на Рафайловском городище – 4,48 и 8,8 % соответственно. Несколько выше доля второго показателя на Рафайловском Острове и Коловском городище – 20 %. Доля особей пушных зверей в охотничьей добыче на Рафайловском Острове составляет до 10 % и на Рафайловском городище – до 47,7 %. Такие значительные различия объясняются, очевидно, тем, что пушной промысел носил сезонный характер, а охота на копытных и грызунов, мясо которых использовалось в пищу, велась практически круглый год. Кроме того, тушки пушных зверей, как правило, разделявали на месте промысла и на поселения приносили только шкуры. Таким образом, в охоте преобладало мясное направление.

Велся также промысел боровой и водоплавающей дичи, о чем свидетельствуют кости птиц в культурном слое поселений и в жертвенных комплексах курганов.

У носителей саргатской культуры можно предполагать наличие пойменного земледелия. Об этом можно судить по железным теслам-мотыжкам (Тютрино, Савиново, Памятное), костяным рукояткам составных пахотных орудий (Рафайлово), колоколовидной зерновой (?) яме в жилище I поселения Ингалинка-1. В памятниках Нижнего Притоболья Дуван II и ЮАО найдены серпы [Кожин, 1972; Корякова, Сергеев, 1989].

Таблица 40

Состав млекопитающих из могильников саргатской культуры

Группа	Могильник				
	Тютрин-ский	Савинов-ский	Красногор-ский-1	Красногор-ский Борок	Рафайлов-ский
Домашние животные					
крупный рогатый скот	3/3	—	18/5	—	68/7 + 2с *
мелкий " "	31/7	3/3	3/2	4/1	34/6
лошадь	13/10	19/7	1/1 + 1с	2/2	78/7 + 1с
верблюд	—	—	—	—	—
Итого ...	47/20	22/10	22/8	6/3	180/20
Дикие животные					
косуля	1/1	—	—	—	—
заяц	2/2	—	—	—	—
бобр	1/1	—	—	—	—
хомяк	1/1	—	—	—	—
Итого ...	5/5	—	—	—	—
Всего ...	52/25	22/10	22/8	6/3	180/20

* с — полный скелет.

Рыболовство. Оно занимало важное место в хозяйстве саргатских племен лесостепного Притоболья. На памятниках найдены кости и чешуя рыб, грузила, поплавки от сетей (поселение Ингалинка-1, Рафайловское городище, Прыговский могильник). На Рафайловском городище обнаружена чешуя щуки 5–6 и 6–8 лет весеннего улова и окуня 5–6 лет*.

Металлургия. Имеются немногочисленные материалы, по которым можно предварительно судить о металлообработке у саргатских племен Среднего Притоболья. Мы располагаем результатами количественного спектрального анализа цветного металла из могильников Рафайловского городища, остатками бронзолитейного производства, железными изделиями и шлаками с Рафайловского городища, а также данными металлографических анализов железного инвентаря из могильников.

По химическому составу саргатский металл делится на группы: „чистая“ медь и оловянистая бронза (содержание олова 7,5–25 %). Мышьяковистых бронз нет. Из металла первой группы изготовлены оружие и орудия труда, из металлов второй — главным образом украшения (табл. 41). Эта, оказалось бы, парадоксальная особенность свойственна металлургии эпохи ранней бронзы и раннего железного века целого ряда территорий: Средней Азии [Галибин, 1983], лесостепного Приобья [Троицкая, Галибин, 1983], Барабы. Возможно, легирование оловом украшений проводилось с целью придания им нетускнеющего блеска, а орудий труда и оружия — ковкости [Галибин, 1983, с. 234].

В зеркалах содержится небольшая доля олова (23–25 %), причем находки из кург. 17 Красногорского-1 и погр. 10 Тютринского могильников (см. табл. 38) весьма близки по концентрации других примесей. Вероятно, они являются импортными изделиями, происходящими из одного центра. Котлы изготовлены из „чистой“ меди; близки друг другу и обломку стенки котла с Носиловского городища (гороховский слой), видимо, они происходят из Зауралья. Цинк в качестве легирующего элемента определен только в предметах из Савиновского могильника: котел и бляшки (погр. 2 кург. 7, погр. 3 кург. 5), они же отличаются очень высоким содержанием олова и свинца. Сплав такого типа характерен для изделий из Забайкалья и особенно Ордоса [Миняев, 1983], что позволяет признать эти вещи привозными.

О бронзолитейном производстве можно судить по находкам на Рафайловском городище (фрагмент литейной формы, обломки котла и

* Определения канд. биол. наук Л. А. Коневой.

Таблица 41

Результаты количественного спектрального анализа металла из саргатских памятников Среднего Приголья, %

Шифр	Памятник, объект	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Ag	Fe	Ni	Co	Zn	Предмет
384/30	Могильник Красногорский-1, кург. 17, погр. 1	0,008	0,014	—	—	0,005	0,08	0,05	0,055	0,013	—	Наконечник
384/31	То же	—	—	—	—	—	0,002	0,018	0,008	—	—	Стрела
384/32	"	—	—	—	—	—	0,002	0,018	0,01	—	—	"
384/33	"	0,008	—	—	—	—	0,002	0,003	0,008	—	—	"
384/34	"	0,008	0,012	—	—	0,03	0,03	0,11	0,08	0,02	—	"
384/35	"	—	—	—	—	0,005	0,008	0,018	0,018	—	—	"
384/36	"	0,009	0,014	—	—	0,03	0,12	0,11	0,08	0,02	—	"
384/37	"	—	—	—	—	0,005	0,01	0,02	0,02	—	—	"
384/38	"	0,014	—	—	—	0,005	0,01	0,02	0,03	—	—	"
384/39	"	25,0	0,12	0,1	0,1	0,045	0,005	1,5	0,045	0,015	—	Зеркало
384/40	"	0,14	0,01	0,08	0,03	0,004	0,004	0,14	0,03	—	—	Кельт
384/41	Тютринский могильник, кург. 7, погр. 2	0,016	—	—	0,03	—	0,002	0,01	0,03	—	—	Котел
384/42	То же, погр. 1	0,025	—	—	0,035	—	0,002	0,01	0,015	—	—	"
384/43	Тютринский могильник, кург. 10, погр. 3	23,0	0,1	0,25	—	0,022	0,005	1,5	0,06	0,05	—	Зеркало
384/44	То же, кург. 3, погр. 4	0,14	0,6	1,4	0,12	0,07	0,009	0,25	0,011	—	—	Бляшка
416/18	Рафайловское городище, раскоп 5	—	—	—	—	—	Следы	—	0,006	—	—	Наконечник стрелы
416/19	То же	12,0	1,1	0,16	0,01	0,035	0,008	0,16	0,17	0,03	0,22	Украшение
416/20	"	14,0	0,2	0,3	0,014	0,045	0,009	0,3	0,08	0,03	—	Кусочек бронзы
416/21	Савиновский могильник, кург. 5, погр. 3	7,5	16,0	0,35	0,065	0,08	0,004	0,25	0,018	—	9,0	Бляшка
416/22	То же, кург. 7, погр. 2	14,0	35,0	0,15	0,03	0,2	0,08	1,0	0,04	0,016	3,0	Котел

украшений, ошлакованные стенки посуды и тигля). Вероятно, саргатцы знали способы переплавки, отливки готовых изделий из лома, а также из самородной меди или слитков металла.

Чрезвычайно трудно установить источники сырья для металлургии Среднего Притоболья. При наличии результатов спектрального анализа изделий о полном совпадении их химического состава с составом проб из древних рудников не может быть речи, даже в случае принадлежности их к одной рудной залежи, поскольку, во-первых, в настоящее время могут быть проанализированы лишь отвалы, беднейшая часть рудного тела, а древние горняки вырабатывали богатые руды; во-вторых, различие руды и готовых изделий. Однако имеющиеся в литературе данные по древним рудникам позволяют высказать предположение, что саргатцы использовали территориально близкие месторождения Урала. Причем по распределению концентраций примесей состав саргатского металла близок самородной меди Гумешевского месторождения Среднего Зауралья [Черных, 1970], но она имеет микропримеси цинка и марганца, которых в большинстве проанализированных вещей нет. Несколько отличаются от наших данные по рудам из месторождений Еленовского и Бакр-Узяк. На Гумешевском и Бакр-Узяк нет висмута, имеющегося в сплавах части предметов. Наиболее „чистые“ вещи близки предметам группы „медистых песчаников“ из Приуралья, по Е. Н. Черных [1970].

При сопоставлении наших данных и результатов спектрального анализа иткульских наконечников [Бельтикова, 1982] обнаруживается, что последние в отличие от красногорских из нашей коллекции имеют следы золота и цинка. Как показывает сравнение предметов из „чистой меди“ с большебереченским металлом из Новосибирского Приобья, в последнем концентрация примесей намного выше [Троицкая, Галибин, 1983, табл. 2], а поскольку и те и другие не имеют искусственных добавок, то, безусловно, эта разница объясняется различиями сырьевой базы их металлургии. Исключение составляют наконечники стрел из памятников IV–III вв. до н. э. Мереть, Аткуль, Новочекино-2 [Полосьмак, Молодин, 1986, с. 82], отлитые из такой же „чистой меди“, как наконечник с Рафайловского городища*.

Таким образом, носители саргатской культуры Среднего Притоболья имели собственную металлообработку, базирующуюся, видимо, на привозном сырье с зауральских месторождений в виде руды и самородной меди. От племен иткульской и гороховской культур саргатское население могло получить слитки меди и готовые изделия, которые позднее в виде лома шли в переплавку.

Металлургия железа документируется железными шлаками с Рафайловского городища, заслонками печи, сопел, ошлакованной обмазкой горнов. Кроме того, на площадке селища обнаружены два хозяйственных сооружения, в которых больше, чем где-либо, найдено железных шлаков и кусков глиняной обмазки. Поэтому уместно предположить, что здесь производилась выплавка железа, а очаги являлись разрушенными к моменту раскопок горнами. Расположенная рядом с этим постройками обширная, перекрытая песчаниковыми плитами яма со следами прокала на дне и стенках могла служить для обжига руды. В качестве сырья использовалась, очевидно, болотная руда из стариц р. Исети. Аналогичные остатки железоделательного производства обнаружены П. Н. Коряковой на поселении Дуван II [Корякова, Сергеев, 1989, с. 174] и В. В. Гореловым на Коловском селище.

Сделать замечания о технологии обработки железа позволяют результаты металлографического анализа 21 предмета из Савиновского и Тютринского могильников (табл. 42). Среди орудий труда изучено 9 экз. ноже и одно тесло. Все ножи цельносталльные, 8 экз. изготовлены из низкоуглеродистой и сырцово-стали, один – из высокоуглеродистой. Для

* Письменное сообщение В. А. Галибина.

Таблица 42
Микроструктуры железных изделий из могильников саргатской культуры Среднего Приобья

Дроба	Предмет	Памятник	Структура	Содержание, С, %	Качество	Вид металла
407	Псалий	Могильник Тютринский, кург. 10, погр. 2	Ферритоперлит	0-0,7	Мелкозернистое	Сыроватая сталь
408	Тесло	Могильник Савиновский, кург. 7, погр. 2	"	0,2	"	Низкоуглеродистая сталь
428	Псалий	Могильник Тютринский, кург. 7, погр. 3	Феррит	?	Хорошее	Мягкое железо
429	Нож	То же, погр. 2	Ферритоперлит	0,3	"	Низкоуглеродистая сталь
430	Удила	Могильник Тютринский, кург. 10, погр. 4	То же	0,2-0,3	Среднее	То же
431	Псалий	То же	"	До 0,2	Мелкозернистое	Сыроватая сталь
432	Нож	Могильник Тютринский, кург. 4, погр. 2	Троостит	?	Среднее	Закаленная сталь
433	Кинжал (фрагмент)	Савиновский, кург. 5, погр. 3	Ферритоперлит	0,2	Низкое	Сыроватая сталь
434	Нож	Могильник Тютринский, кург. 7, погр. 3	Феррит	0,1	"	То же
435	"	То же, кург. 8, погр. 1	Ферритоперлит	0,1	Среднее	Низкоуглеродистая сталь
436	Кинжал (фрагмент)	Могильник Тютринский, кург. 10, погр. 4	"	0,4-0,6	Низкое	Среднеуглеродистая сталь
437	Нож	кург. 4, погр. 2	В средней части — феррит, у спинки лезвия — мартенсит с трооститом	?	"	Сыроватая сталь
438	Удила 78/4	Могильник Савиновский, кург. 1, погр. 1	Ферритоперлит	0,1-0,3	Среднее	То же
439	Удила 78/6	То же	"	0,1	"	Низкоуглеродистая сталь
440	Удила 78/10	То же	То же	0,1-0,4	Крупнозернистое	Сыроватая сталь
441	Нож	То же, кург. 6, погр. 3	Феррит и ферритоперлит	0-0,2	Мелкозернистое	То же
442	Псалий	Могильник Савиновский, кург. 7	То же	0,5	Низкое	"
443	Нож	То же	Ферритоперлит	0,1	"	Низкоуглеродная сталь
444	Наконечник	Могильник Савиновский, кург. 5	"	0,1	Среднее	Сыроватая сталь
445	Нож	То же, погр. 3	Феррит и ферритоперлит	0,1	Мелкозернистое, хорошее	То же
446	"	Могильник Савиновский, кург. 5, погр. 4	Ферритоперлит	0,6-0,7	Хорошее	Высокоуглеродистая сталь

улучшения рабочих качеств два экземпляра подверглись дополнительной обработке – закалке в холодной воде. Тесло изготовлено из низкоуглеродистой стали хорошего качества. Из предметов вооружения изучению подвергнуты два обломка кинжала и один наконечник стрелы. Они изготовлены из низкоуглеродистой и среднеуглеродистой стали. Для поковок использовался металл низкого качества, в структуре его фиксируются многочисленные шлаковые примеси. Из принадлежностей сбруи исследовано четыре псалия и четверо удил. Исходное сырье – низкоуглеродистая сталь, лишь один псалий изготовлен из мягкого железа (структура феррита).

Таким образом, саргатское железоделательное производство отражает начальную стадию развития металлургии железа, характеризующуюся простейшими структурами изделий. В качестве сырья в кузнечном производстве использовалась в основном низкоуглеродистая и сырцовая сталь, образовавшаяся непосредственно в горне в ходе сыродутного процесса. Набор технических приемов ограничен методами свободнойковки и закалки в холодной воде [Зиняков, 1991, с. 60].

Данные позволяют говорить, что хозяйство саргатского населения Среднего Притоболья было комплексным, многоотраслевым. Господствовавшие производящие отрасли дополнялись присваивающими и домашними промыслами, к числу которых относятся металлургия, обработка дерева, кожи, кости, камня, гончарство. Подтверждение этому – инвентарь поселений и могильников. Высокого уровня достигло строительное дело, о чем можно судить по сложным многокамерным жилищам и оборонительным сооружениям.

Хозяйство саргатских племен продолжало традиции, сложившиеся в лесостепи Западной Сибири еще в бронзовом веке [Грязнов, 1956; Молодин, 1985; Матвеев, 1985]. Особенно близки его характеристики хозяйству населения эпохи поздней бронзы этой же территории [Сальников, 1967, с. 327; Потемкина, 1985, с. 266] и являются его дальнейшим развитием в направлении увеличения подвижности, усиления коневодства за счет других отраслей скотоводства, появления железоделательного производства.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО

Жилище – один из основных компонентов традиционной культуры, тесно связанный с природно-климатическими условиями, характером хозяйства и образом жизни народа. Полученные в последние годы данные [Стоянов, 1969б; Корякова, 1984; Полосьмак, 1987; Матвеева, 1988] позволяют на новом уровне рассмотреть проблемы типологии и эволюции жилищ, их конструктивных деталей, функциональной планировки, реконструкции внешнего вида. Особую ценность для такого анализа представляют материалы из Притоболья, где раскопано около 50 построек.

Жилища исследованы здесь на 10 памятниках. Все они могут быть отнесены к полужемляночным, так как имеют котлованы, углубленные в грунт на 0,4–1,1 м от уровня погребенной почвы, и каркасно-столбовым по конструкции. Жилища делятся на две основные группы: однокамерные и многокамерные.

Однокамерные постройки (8) зафиксированы на селище Речкинское-2, поселении Рафайловский остров, городищах Увал IV и Рафайловском (табл. 43). Они имеют прямоугольную или близкую к квадратной форму, площадь их колеблется в пределах 18–76 м², глубина котлована 0,5–0,8 м. Конструктивные детали однокамерных жилищ следующие: материковые возвышения (приподнятые площадки) в одном из углов, выступы-пристройки в стене или на углу площадью 2–8 м² (табл. 44). Выход в виде длинного углубленного коридора обычно располагается в

Таблица 43

Характеристика однокамерных жилищ

Памятник	Форма	Площадь, м	Глубина, м	Ориентировка
Поселение Речкино-2, жилище 4	Прямоугольная	18	0,5	Север — юг
Городище Увал IV, раскоп 2	Подквадратная	42	0,5	Запад — восток
Поселение Рафайловский Остров	Прямоугольная	76	0,6	Северо-запад — юго-восток

Таблица 44

Детали планировки однокамерных жилищ

Памятник	Пристрой, длина, м	Возвышения, площадь, м ²	Выход			Очаг		
			тип	направление	размеры, м	место	форма	размеры, м
Поселение Речкино-2, жилище 4	-	-	Коридор	Юг	2 x 0,7—1,2	Пол	Округлая	0,4—0,5
Городище Увал IV, раскоп 2	2	1,1 x 0,25	Выступ	Запад	1,8 x 0,6	Яма	"	1,1
Поселение Рафайловский Остров	5	-	Коридор	Северо-восток	1,7 x 7	"	Овальная Округлая	1,9 x 0,1 1,4

центре одной из стен. В двух случаях отмечены выходы в виде выступов. Очаги представляют собой простые кострища, разведившиеся, как правило, прямо на полу жилищ, реже – в специальных очажных ямах округлой формы. Устройство и мощность очагов, их количество связаны с размером и временем существования жилища. В сравнительно больших по площади жилищах (Рафайловский остров, Увал IV) обнаружены и более крупные очаги, функционировавшие в специальных ямах, а в маленьких жилищах Речкинского-2, Рафайловского городища (жилища 3, 7) – несколько очажных пятен и линз прокала диаметром 0,4х0,6 м, эти очаги, очевидно, существовали недолго.

Из однокамерных наиболее хорошо сохранилась постройка на Рафайловском Острове (см. рис. 34, 6). Судя по остаткам четких очертаний, она не подвергалась перестройкам и нарушениям, так как саргатский слой на гриве является последним. Эти обстоятельства дают возможность использовать ее для анализа хозяйственно-функциональной планировки и реконструкции группы однокамерных саргатских жилых построек.

Жилище на Рафайловском Острове по форме прямоугольное, близкое к трапеции, площадью 76 м². В центре передней стенки находится коридорообразный выход на северо-восток длиной более 7 м и шириной 1,7 м. Вдоль стен коридора симметрично расположены столбы. В юго-западной стенке жилища, напротив входа, расположена пристройка трапезиевиной формы в виде тамбура, сооруженная, очевидно, позже. Дно котлована углублено на 0,5 м, в центре оно глубже, пол жилища, включая площадку пристройки, в целом ровный. Вдоль каждой стены котлована имеется по четыре опорных столба конструкции, а вдоль северо-восточной – еще два дополнительных, находящихся одновременно в основании ряда столбов по сторонам коридора. Очевидно, последние оформляли дверной проем. Внутри жилища, почти параллельно коротким стенам, в 1,5 м от северо-западной стенки и в 2 м от юго-восточной, проходят еще две линии опорных столбов, установленных строго симметрично столбам внешней линии. Такого соответствия между столбами, как у боковых, на передней и задней стенках не наблюдается ни по количеству (4 и 6), ни по расстоянию между ними (на задней – 2,5–3 м, на передней – 2 м), видимо, они не были конструктивно связаны между собой. Все столбы каркаса, судя по размерам ям, были установлены вертикально. Очевидно, стены и перекрытия базировались на шести описанных линиях опорных конструкций. Ни одна из последних не проходит через центр, потому нет оснований предполагать, что крыша была двускатной.

Стены жилища, по нашему мнению, были вертикальными, центральный пролет шириной 5,5–6 м перекрывался горизонтально в направлении северо-запад – юго-восток, перпендикулярно несущим балкам кровли. Поскольку расстояние в 6 м довольно велико, и перекрытие при этом создает большую нагрузку на несущие балки, а шаг опорных столбов этих балок также довольно широк – 3–4 м, то кровля может быть только облегченного типа – из тонких бревен или жердей, утепленная берестой, хвоей. Боковые пролеты, видимо, перекрывались наклонно поставленными бревнами или жердями, боковые столбы по высоте были несколько меньше, чем центральные. Стены сооружали, вероятно, в технике заплота (заклада). Этот строительный прием позволяет соединять участки горизонтально положенных бревен разной длины и сооружать постройки со стенами значительной длины.

Пол в котловане жилища сохранился хорошо, несмотря на то, что подстилающий грунт – рыхлый дюнный песок. Поверхность пола везде ровная, за исключением центральной части, где он несколько углублен. Дно котлована между опорными столбами конструкции пересечено тонкими и мелкими длинными канавками. Такие же канавки прослежены вдоль стен коридора с внутренней стороны. От канавок, параллельных стенам жилища, к его центру идут ответвления Г- и Т-образной

формы. Последние, вероятно, являются остатками лаг от деревянного пола. Деревянный пол имелся, видимо, и в пристройке, и в коридоре жилища. Открытый участок с земляным полом был оставлен, как нам кажется, только в центре жилища у очага: он был сооружен в яме на полу. Здесь быстрее накапливался мусор, и пол время от времени подметали, а поскольку он оставался земляным, то сносился быстрее, чем на других участках, где практически оставался нетронутым. Аналогичный характер настилки пола имели срубные жилища Мангазеи [Белов, Овсянников, Старков, 1981]. Концы половиц, вероятно, были впущены между первым и вторым снизу бревнами стен.

Находки были на всей площади пола и концентрировались у очага и выхода. Пристройка, где найдено много костей животных и керамики, служила, вероятно, хозяйственным помещением.

Об использовании коридора как хозяйственного помещения можно говорить лишь предположительно. В довольно широком (1,7 м) и длинном (более 7 м) коридоре можно было хранить хозяйственную утварь: сети, лодки, корзины, ловушки и пр., как это делали нивхи [Таксами, 1961].

Аналогичные жилища известны и на других территориях распространения саргатской культуры. Так, маленькое прямоугольное жилище с длинным коридором и очажным пятном в центре исследовано Л. Н. Коряковой на поселении ЮАО VI (раскоп 3), близкие постройки раскопаны на Богдановском, Розановском поселениях, городище Инберень IV [Корякова, 1984].

Многокамерные постройки исследованы на поселениях Речкинское-2 (жилища 1-3, 5), Бочанцево-1, Белоярское XII, Ингалинка-1, Рафайловском городище и селище (табл. 45), Прыговском городище (землянка 1), селище Коловское-1. Такие сооружения преобладают среди саргатских жилищ. Это полуземляночные, каркасно-столбовые жилища сложной конфигурации, углубленные на 0,3-1,1 м от уровня древней поверхности. Нами учтено всего 24 объекта. Судя по нескольким полностью исследованным постройкам на Рафайловском селище, поселениях Ингалинки-1, Дуванское II [Корякова, 1984], они имели основную, как правило, наиболее обширную камеру подквадратных очертаний, с которой длинными коридорами соединялись одна - три малых. При раскопках основной камеры прослеживаются очаг, сложная система ям и канавок от лаг и каркасно-столбовой конструкции стен и кровли, самостоятельный выход. Малые камеры выходов не имеют и представляют собой тупиковые участки общей системы. Они расположены в 4-5 м от жилой камеры под углом к ней либо ориентированы, как и она, но тогда коридор имеет Г- или Т-образную форму, благодаря чему создается внутренний дворик между камерами (табл. 46). По нашему мнению, он мог использоваться для содержания скота и иметь навес. Малая камера жилища 5 Рафайловского селища и коридор сохранили следы такой же системы канавок и столбов, как и основное помещение, и являлись, видимо, каркасно-столбовыми постройками. Малые камеры жилищ 1, 3, 4 следов такой конструкции не имеют и, вероятно, были срубными.

Наряду с жилищами, имеющими обособленные, функционально специализированные помещения, известны жилища с камерами, близкими друг к другу по размерам, ориентировке, внутренней планировке. Так, в жилище 1 раскопа 1 Рафайловского городища обе камеры были построены по единой оси, соединены через центр, имели очаги и одинаковую каркасно-столбовую конструкцию.

Площадь помещений в жилищах различна: в основных, жилых, камерах от 22 до 88 м², в хозяйственных - от 7 до 40 м². Но во всех случаях жилая камера по площади в несколько раз больше хозяйственной. В малых жилищах (жилище 9 Рафайловского селища, Ингалинки-1, жилище 2 Речкинское-2) это соотношение составляет 2:1; 2,4:1; 2,7:1, в больших (жилище 5 Рафайловского городища, жилище 5, 7, 8, 10 селища) оно может быть 4:1, 6:1 и даже 8:1 (жилище 1 Рафайловского селища,

Таблица 45

Характеристика многокамерных жилищ саргатской культуры в Среднем Приоболье

Памятник	Форма	Площадь, м ²	Глубина от дневной поверхно- сти, м	Ориентировка
Поселение Белоярское-12, жилище 1, камера 1	Прямоугольная	41	0,6—0,7	Север — юг
Поселение Речкино-2, жилище 1, камера 1	"	28	1,1	Северо-восток — юго-запад
То же, камера 2	Квадратная	31	0,3	—
Поселение Речкино-2 жилище 3, камера 1	Прямоугольная	11	0,55	Юго-восток — северо-запад
То же, камера 2	"	6х?	?	?
Поселение Речкино-2, жилище 2, камера 1	"	7,5	0,4	Северо-запад — юго-восток
То же, камера 2	"	18	0,4	То же
Городище. Увал I, раскоп 2, жилище 1, камера 1	Квадратная	41	?	Запад — восток
Прыговское городище, жилище 1, камера 1	Прямоугольная	88	1,0	Северо-запад — юго-восток
То же, камера 2	Квадратная	8	?	—
Поселение Ингалинка-1, жилище 1, камера 1	Трапезиевидная	14	0,4	То же
То же, камера 2	Прямоугольная	38	0,4	"
Поселение Ингалинка-1, жилище 2, камера 1	Подквадратная	63,8	0,2	Северо-северо-восток — юго-юго-запад
То же, камера 2	Прямоугольная	20,9	0,35	То же
Бочанцево-1, жилище 1, камера 1	Подквадратная	22,1	0,9	Северо-северо-запад — юго-юго-восток
То же, камера 2	Трапезиевидная	6,8	0,6	Север — юг
" камера 3	"	3,5	0,6	Запад — восток

жилище Прыговского городища). Камеры ориентированы преимущественно по линиям северо-запад — юго-восток и северо-восток — юго-запад с направлением выходов на северо-восток, северо-запад, юго-запад. О характере использования помещений можно судить по распределению находок на полу жилищ. В больших камерах черепки и кости животных концентрируются в середине, у очага и у одной-двух стен, что предполагает наличие у других стен мест для хранения имущества и для сна. В малых камерах, не имеющих очагов, находок или много, и они равномерно распределяются по всей поверхности пола (камера 1 жилища 4, камера 2 жилища Рафайловского селища), или мало, и они сосредоточиваются у выхода (камера 4 жилища 1, камера 2 жилища 7). Возможно, что камеры, где находок мало, были кладовыми, чуланами для различной утвари либо в них в зимнее время содержался молодняк. В камерах, где находок много, вероятно хранили пищевые запасы.

Превосходная сохранность котлована жилища 2 на поселении Ингалинка-1, функционировавшего непродолжительное время без серьезных ремонтов и перепланировки, позволила А. В. Матвееву реконструировать эту постройку (см. рис. 40, 47). Она представляла собой двухкамерное бревенчатое сооружение с жилым (64 м²) и хозяйственным (21 м²) помещениями, соединенными коротким переходом, и с тремя выходами. Стены большой камеры возведены в технике заклада. Перекрытие было четырехскатным и опиралось на три последовательно вписанные прямоугольные рамы из балок, уложенных на концы вертикальных опор. Шаг их был одинаков, а высота убывала от центра помещения к краям. Длина пролетов составляла 3,5—4 м, а между угловыми опорами — около 5 м, приближаясь к критическим параметрам, достигаемым в деревянных конструкциях. Очаг находился на земляном полу и в противопожарных целях, а также для удобства был окружен П-образной ямой. Над

Детали планировки многокамерных жилищ саргатской культуры в Среднем Приобье

Памятник	Прострой, м	Возвышение	Выход			Очаг		
			тип	направление	размеры, м	место	форма	размеры, м
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Поселение Белоярское XII, камера 1	-	+	Коридор	Восток	0,5х1,2	-	-	-
Речкино-2, жилище 1, камера 1	-	+	"	Северо-восток	1х?	-	-	-
То же, камера 2	-	-	"	Север	1,4х?	Возвышенность	Овальная	1,3х0,9
Речкино-2, жилище 3, камера 1	-	-	-	-	-	Пол	"	1,1х0,6
То же, камера 2	-	+	-	-	-	Возвышенность	"	0,9х0,7
Речкино-2, жилище 2, камера 1	-	-	-	-	-	-	-	-
То же, камера 2	-	+	Выступ	Восток	1,6х0,5	Возвышенность	Овальная	1,3х0,9
Увал 1, жилище 1, камера 1	-	-	"	Север	2х0,8	-	-	-
То же, камера 2	-	-	"	Юго-запад	0,8х?	Яма	Овальная	2,4х1,5
Прыговское городище, камера 1	+	-	Коридор	Запад - восток	1,6х?	"	Округлая	1,0
" " жилище 1, камера 1	-	-	"	Северо-восток	1,2х4	"	Прямоугольная	0,8х1,0
" " жилище 2, камера 1	-	-	-	-	-	Пол	Овальная	Прокал
Ингалника-1, жилище 1, камера 1	-	-	Коридор	Юго-запад	0,8х?	"	"	2,4х1,5
" жилище 1, камера 1	-	-	-	-	-	"	-	-
" жилище 2, камера 1	-	+	Коридор	Север	1,1х?	Пол	Округлая	0,6
То же, камера 2	-	-	"	Северо-восток	1,0х?	-	-	-
Бочанцево-1, камера 1	0,8	-	"	Юго-юго-запад	1,4х?	-	-	-
" камера 1	1,45	-	"	Северо-восток	0,8х?	-	-	-
" камера 2	-	-	"	Северо-северо-запад	1,2х3,0	Пол	Не опр.	0,7х0,8
" камера 3	-	-	-	-	-	-	-	-

Примечание. Знак + указывает на наличие детали, - отсутствие.

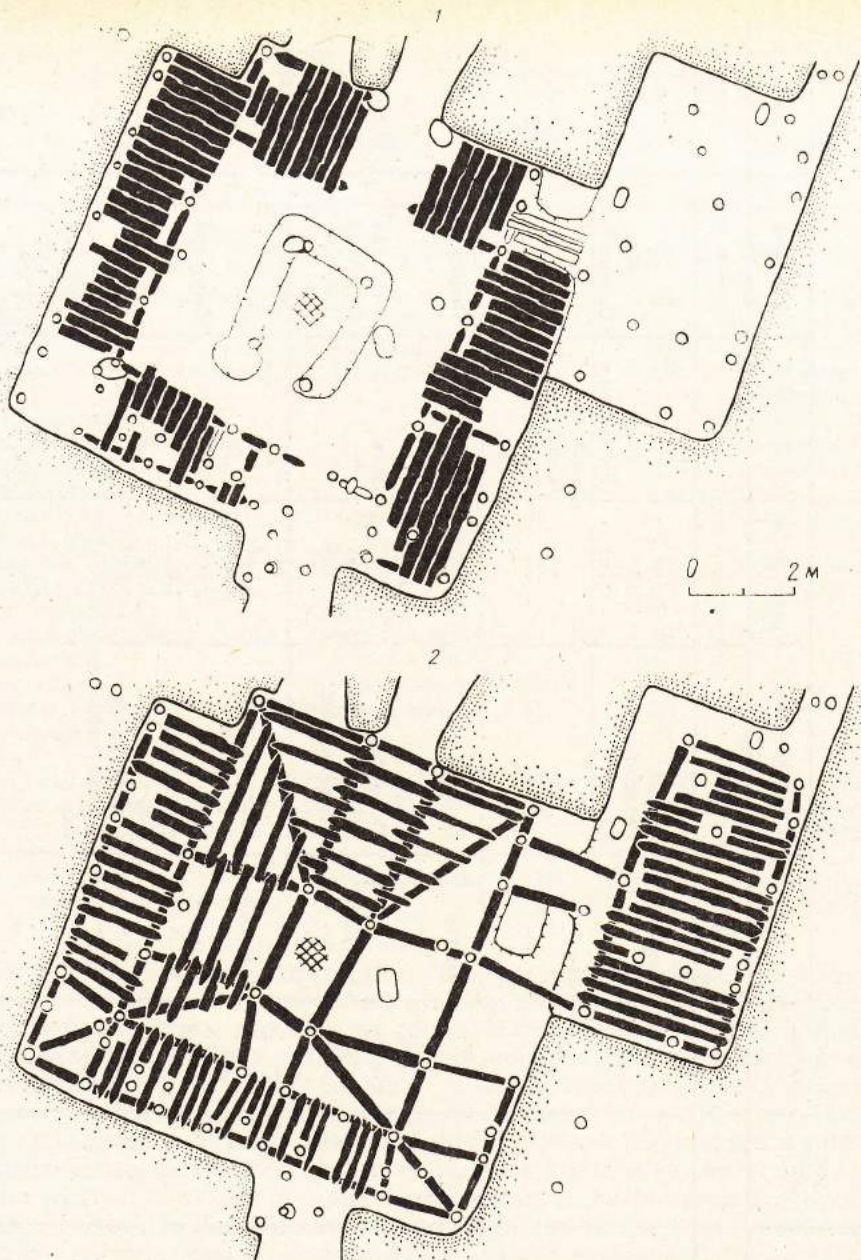

Рис. 47. Реконструкция жилища 2 поселения Ингалинка-1.
1 — уровень пола; 2 — кровля.

ним имелось светодымовое отверстие. По всему периметру жилища, кроме участков у входов и очага, был настелен дощатый пол полосой 1,2–1,5 м. Деление жилой камеры на центральную и боковую части отражало ее хозяйственно-бытовую специфику. В первой готовили пищу, занимались ремеслами, а во второй были устроены лежанки, хранилось имущество и т. д. В хозяйственной камере пол был земляной, односкатное перекрытие опиралось на столбы и положенную на них прямоугольную раму. Слегка наклонные стены сложены из прислоненных к поддерживающим кровлю балкам бревен, заваленных сверху землей или пластами дерна (рис. 48).

В литературе имеется графическая реконструкция трехкамерного жилища с однотипным устройством всех помещений, вполне правомер-

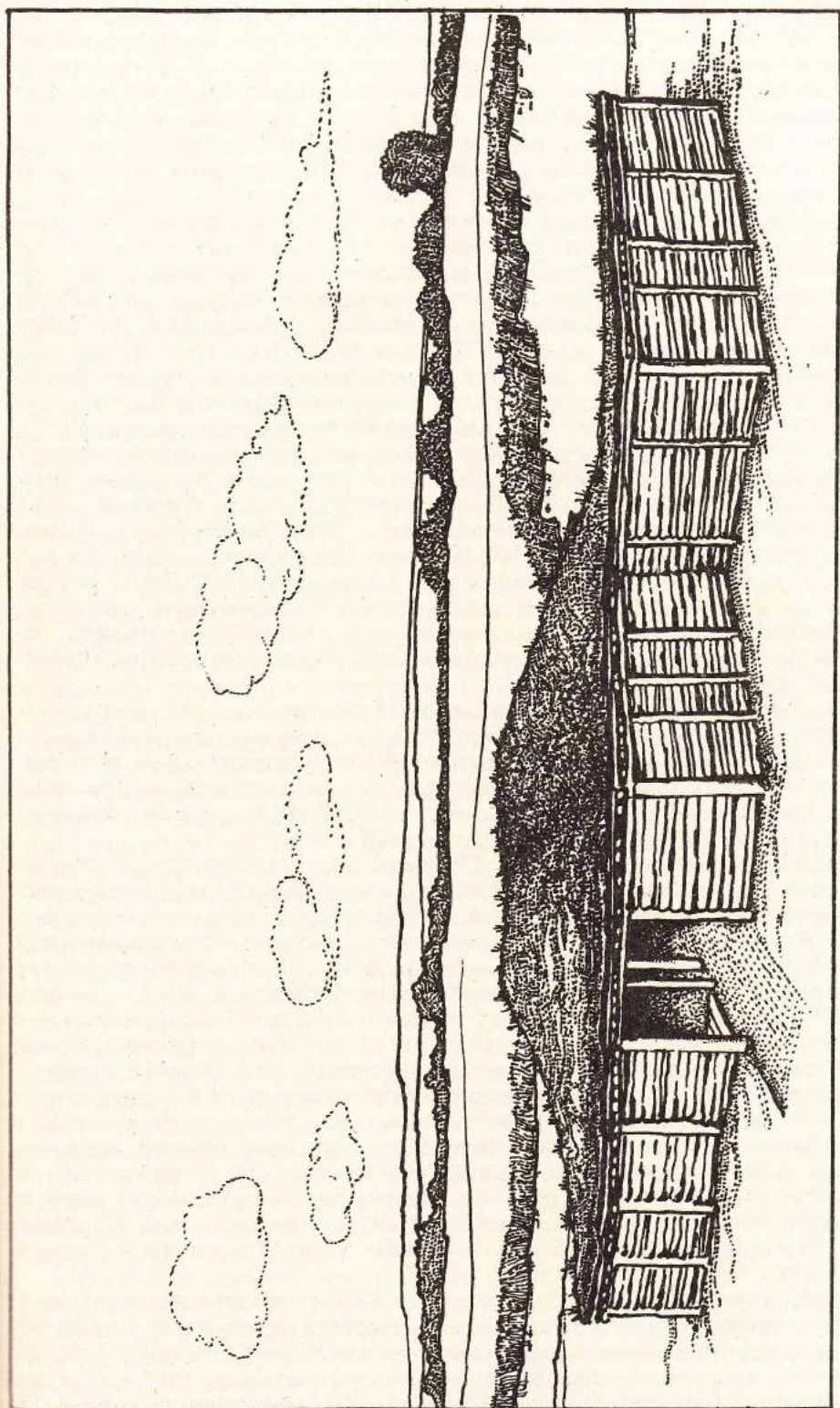

Рис. 48. Внешний вид жилища 2 поселения Ингалинка-1. Рисунок А. В. Матвеева.

но, исключая двускатную кровлю, не подтвержденную археологическими свидетельствами [Корякова, 1988, с. 4].

Таким образом, многокамерное жилище представляет собой комплекс обособленных помещений, имевших разное функциональное назначение. Различны и их архитектурные решения. Жилые камеры многокамерных построек по первоначальному плану были аналогичны однокамерным саргатским каркасно-столбовым жилищам, со временем же они обрастали пристройками, подсобными помещениями, усложняясь в результате ремонтов и перепланировки. Хозяйственные помещения могли быть каркасно-столбовыми и срубными.

Многокамерные жилища являются особенностью саргатской культуры [Корякова, 1984], они характеризуют ведущий тип жилых сооружений в Среднем Приобье. В Приишимье и Прииртыше более равномерно представлены одно- и многокамерные жилища, специфику Барабы определяют наземные жилища, не обнаруженные пока на саргатских поселениях других районов [Полосьмак, 1987]. Саргатские жилища находят многочисленные аналоги на соседних территориях в памятниках эпохи бронзы и раннего железа. Наиболее близкие им жилища, особенно многокамерные с жилыми и хозяйственными помещениями, известны на памятниках ирменской культуры поздней ирменского этапа – поселениях Каргат-6, Чича-1, Туруновка-4 [Молодин, Колонцов, 1984; Молодин, 1985], Милованово-3, Быстровка IV [Матвеев, Сидоров, 1985], саргатской [Зданович, 1983], амиробадской – Якке-Парсан-2 и др. [Итина, 1977], ананьинской [Збруева, 1952], большебереченской – Ордынское-9 [Троицкая, 1972], гороховской – Чудаки [Сальников, 1940, 1947] культур. В целом комплекс архитектурных деталей и планировки включает длинные крытые коридоры, возвышения-нары, выступы-пристройки, наличие лаг для настила пола, что придает саргатским жилищам своеобразный характер.

Довольно близкой этнографической параллелью саргатским многокамерным жилищам являются грузинские дарбази, представляющие собой комплекс разнофункциональных (жилые камеры, хлев, пекарня, кладовая и др.) полуподземных смежных или соединенных между собой коридорами помещений с каркасной конструкцией, с одним или несколькими выходами [Зарандия, Паин, 1986].

Хозяйственные сооружения. По раскопкам Рафайловского селища известно семь таких построек. Это подквадратные полуземлянки площадью 11–22 м², углубленные на 0,3–0,9 м от уровня древней поверхности. По конструктивным и планировочным деталям они отличаются друг от друга. Выход может быть в форме длинного коридора, короткого выступа в стене, широкого тамбура. Сооружение 3, как и ряд жилищ имеет широкую нишу-пристройку площадью 1,6 м². В сооружении 1–4 остатков опорных столбов, очагов, ям не обнаружено, культурный слой мало насыщен керамикой и костями. Возможно, они являлись срубными. Сооружения 5–7 по площади больше предыдущих в 1,5–2 раза, имеют остатки каркасно-столбовой конструкции, очаги, ямы, что сближает их с жилищами. Но именно в постройках 5 и 6 найдены большая часть железных шлаков поселения, ошлакованная обмазка плавильных ям. Основную часть площади пола занимали очаги, функционировавшие одновременно, и ямы с костями. Эти факты позволяют нам предполагать, что сооружения 5 и 6 были связаны с металлургическим производством.

Обособленные постройки, принадлежавшие отдельным домохозяйствам, характерны для долговременных саргатских поселков. Аналогичные строения исследованы, например, на пос. Дуван II [Корякова, 1988]. Подобные сооружения известны на памятниках ирменской культуры лесостепного Приобья [Матвеев, Сидоров, 1985] и поселении первой половины I тыс. н. э. Кама-3 в Барабе [Молодин, Елагин, 1983]. Аналоги нашим хозяйственным помещениям имеются у носителей дьяковской культуры: на их памятниках обнаружены „кузницы” и хранилища для

припасов [Смирнов, 1974]. Хозяйственные постройки широко известны в этнографии сибирских народов, в частности, близки к нашим хантыйские постройки в виде сруба на слегах, устанавливаемые в поселках и на местах промыслов [Соколова, 1963].

Фортификация носителей саргатской культуры изучена недостаточно. Известны три типа укрепленных поселений: 1) мысовые трехплощадочные с поперечными оборонительными линиями через мыс (Коловское, Марьино Ущелье), 2) одноплощадочные береговые с замкнутыми линиями обороны овальной или округлой формы (Малая Зырянка, Увал IV), 3) двухплощадочные береговые со смежными площадками и замкнутыми линиями обороны (Рафайловское, Прыговское).

Подобное деление городищ на типы по топографическим признакам является весьма условным, так как они дошли до нас в разрушенном виде. Вполне возможно наличие замкнутой оборонительной линии и на мысовых городищах: здесь, как для памятников дьяковской культуры [Смирнов, 1974], могли выкапывать ров по склону мыса и строить бревенчатые стены.

Раскопкам подвергались оборонительные сооружения трех городищ — Увал IV, Рафайловского и Коловского. На Коловском городище разведочной траншеей исследовалась первая оборонительная линия, отделявшая первую площадку от второй. Саргатское население использовало естественное понижение мыса на этом участке, выкопав здесь ров шириной 3 м. Жилые сооружения на третьей площадке оказались в основном саргатскими, поэтому можно предполагать возникновение второй и третьей оборонительных линий на городище уже в этот период. На городище Увал IV возведены простейшие, кольцевые, состоящие из рва и вала с частоколом оборонительные сооружения.

Самая сложная и много раз менявшаяся система фортификации была обнаружена на Рафайловском городище. Его подпрямоугольные площадки окружены валом и рвом, на большей прослеживаются въезды с противоположных сторон. Первый ров был сооружен, видимо еще в байтовское время, саргатскими обитателями городища он был углублен до 1,7 м и расширен до 3 м. Некоторое возвышение („вал“) над площадкой городища образовалось за счет выкида из рва. В ходе раскопок на первой площадке обнаружен полукольцевой ров, окружавший часть жилищ в виде цитадели, сооруженный в саргатское время, затем он был углублен. Со временем ров почти полностью заплыл. Должно быть, это случилось, когда строились фортификации на второй площадке. Впоследствии обитатели вернулись к укреплению цитадели и на месте второго рва в его заполнении вырыли новый — уже и мельче прежнего.

Вторая площадка первоначально, вероятно, была окружена рвом. Он тянулся по склонам террасы, по естественному склону ложбины в сторону первой площадки и по напольной стороне. Этот ров был конический в разрезе, глубиной 1 м и шириной около 5 м. Позднее ближе к первой площадке была построена новая линия обороны, ров глубиной 1,5 м и шириной около 4,5 м, а также вал шириной 7,5 м и глубиной 3,2 м, усиленный бревенчатыми конструкциями с внутренней стороны. Таким образом, за все время функционирования городища произошло не менее трех перестроек фортификаций, причем обе площадки функционировали одновременно. Население при создании укрепления использовало все возможности местности: наличие ложбин, склонов и поворотов террасы.

Основную роль в оборонительных сооружениях саргатцев выполняли широкие и глубокие рвы: они окружали бревенчатые стены, конструкция которых пока достоверно не известна. Большие насыпи земляных валов, судя по Рафайловскому городищу, появляются лишь в конце раннего или даже на среднем этапе саргатской культуры, поскольку вполне вероятно использование укреплений городища в конце его существования и обитателями Рафайловского Острова (см. гл. 2). Ввиду недостаточной исследованности фортификаций саргатских городищ пока

еще преждевременно говорить об их особенностях. Можно лишь отметить, что они отличаются от иткульских одноплощадочных, полукольцевой формы (см. [Бельтикова, 1977]), сходны с некоторыми позднегалагонскими (см. [Борзунов, Стоянов, 1981]), дьяковскими (см. [Смирнов К. А., 1974]), кулайскими (см. [Троицкая, 1979]), лесостепными скифскими (см. [Моруженко, 1975]) и т. д.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

В настоящее время в Среднем Притоболье известно более 30 саргатских могильников, в которых исследовано около 150 погребений (см. табл. 1). Почти полностью раскопаны четыре могильника: Тютринский, Савиновский, Воробьевский-1 и -2. Однако некоторая часть известных погребений малоинформативна, так как они практически полностью разрушены грабителями. Поэтому наш анализ в основном строился на материалах 127 погребений из 18 могильников, исследованных наиболее полно *.

Погребальные сооружения саргатских племен Среднего Притоболья представлены курганами. Грунтовые захоронения редки (4 %) и в основном обнаружены на распаханых памятниках, где насыпи курганов, возможно, не сохранились (Раскатиха, Речкино-2, Лисья Гора), либо на поселениях. Курганы располагаются цепочками на высоких берегах Тобола и его притоков, на увалах, господствующих над местностью (см. рис. 2, 26). Встречаются и компактные группы курганов, расположенных без видимой системы (см. рис. 14).

Насыпи сложены из чернозема и окружены замкнутыми многоугольными рвами. Группировка их по величине надмогильных сооружений затруднена, так как насыпи давно распахиваются. Сохранившиеся насыпи имеют высоту от 0,3 до 5 м (курганы большей высоты не распахивались) и сегментовидную или полусферическую форму, в ряде случаев верхушка бывает уплощена. Известен один курган – Онуфриевский – с усеченно-пирамидальной насыпью.

Обычно при совершении захоронений курганы возводились специально и использовались лишь однократно. Но известны и факты использования надмогильных сооружений эпохи бронзы, которые значительно затем подсыпались (Тютринский могильник, кур. 6, 7; могильник у ст. Курганской). Под курганом располагается одно (центральное) или несколько (центральное и боковые) погребений, причем боковые расположены по кругу вокруг основного захоронения. Рядом с могильными ямами или над ними имеются следы тризны – кострища, битая посуда, кости животных, поминальные ямки с целыми маленькими сосудами, предметами бытового инвентаря и украшениями.

В большинстве курганов (65,2 %) захоронения окружены одним замкнутым многоугольным рвом** или несколькими, пропорционально числу погребений (табл. 47). В 24 курганах из 70 (34,1 %) ров отсутствовал. Выкид из него обычно образовывал кольцевой валик на внутренней площадке. В разрезе ров конический или трапециевидный, шириной 0,6–3 м и глубиной 0,2–1,5 м от уровня материка, диаметр вписанной окружности составляет 12–28 м. В его заполнении встречаются керамика, кости животных, линзы прокалов от кострищ. В ряде курганов во рвах

* В. Е. Стояновым памятники Раскатиха, Воробьевский-1 и -2, а также часть погребений Прыговского могильника были отнесены к гороховской культуре, однако их керамика и погребальный обряд аналогичны таковым в саргатских могильниках: Тютринском, Савиновском, Рафайловском. Поэтому погребения, не содержащие тальковой керамики, на наш взгляд, не имеют оснований быть отнесенными к гороховским.

** В раскопках 60-х гг. исследовалась только насыпь, а рвы остались невыявленными, например, могильники Прыговский, Воробьевский-1 и -2 – всего 14 курганов (20,2 %).

Таблица 47

Распределение курганов по количеству рвов и погребений

Показатель	Хронологические группы			Всего *
	V — нач. III в. до н. э.	вторая половина III—I в. до н. э.	I—III вв. н. э.	
Погребение	14	28	1	43(59,32)
»	3	6	6	15(20,82)
»	2	4	3	9(12,5)
»	—	1	1	2(2,7)
»	—	—	1	1(1,39)
»	—	—	1	1(1,39)
»	—	—	1	1(1,39)
Ров	10	13	5	28(38,89)
»	—	—	4	4(5,55)
»	—	—	1	1(1,39)
»	—	—	1	1(1,39)
Без рва	9	15	?	23(33,33)
Неопределенно				14(19,45)

* В скобках указан % к итогу.

обнаружены безынвентарные захоронения людей (Савиновский могильник, курганы 5, 6; Рафайловский могильник, кург. 1). Во рвах некоторых курганов имелись расширения, напоминающие могильные ямы, но без находок (могильник Красногорский-1, кург. 3; могильник Савиновский, кург. 7).

При исследовании крупных курганов с нераспаханными насыпями обнаружены остатки деревянных сооружений типа платформ из горизонтально уложенных на древнюю поверхность березовых бревен толщиной 20–30 см. Бревна настилались в два-три яруса вокруг центральной могильной ямы, поверх выкида из нее и из рва. Нижний слой складывали концентрическими кругами, начиная с площадки вокруг могилы, из отрезков бревен длиной 1,5–2 м, поверх них верхушками к центру кургана клали длинные стволы. Концы последних заходили поверх бревен, являвшихся перекрытием могилы (могильники Тютринский, Савиновский, Красногорский-1 и др.). Для устранения в центральной части платформы щелей, являющихся результатом сужения бревен от комля к верхушке, складывали, вероятно, дополнительный ярус из тонких коротких бревен. Подобное сооружение зафиксировано в кург. 6. Шмаковского могильника и трактовано В. Ф. Генингом и В. Е. Стояновым как упавший шатер [Стоянов, 1973, с. 55]. По нашему мнению, надмогильные деревянные конструкции, как это прослежено в кург. 17 могильника Красногорский-1, имели вид многоугольных низких усеченных пирамид или платформ высотой 0,6–1 м. Поэтому окружающий их ров имел многоугольную форму. В небольших курганах, диаметром 12–15 м, такие платформы выполнены из тонких бревен и жердей (Тютринский могильник, кург. 1, 10; Красногорский Борок, кург. 2).

Ров вокруг погребений — обязательная деталь погребальных сооружений саргатских памятников Среднего Приоболья, но в тех случаях, когда курган был насыпан на естественно укрепленном месте (на холме, краю высокой террасы), ограждения могли не делать (Долгий Бугор, могильник Красногорский-1, кург. 1).

Основной способ погребения — труположение в могильной яме. Могильные ямы по форме делятся на четыре группы: круглые — 1 %, овальные — 9,9, подквадратные — 5 и прямоугольные, которые преобладают, — 83,1 %. Все они, в свою очередь, по пропорциям и деталям формы могут быть разделены на широкие (соотношение размеров менее 2:1) —

32,67 %; узкие (соотношение более 2:1) – 42,57; с выступами в стенках – 7,92, а также ямы с прямоугольным головным концом и закругленным в ногах – прямоугольно-овальные – 1 %. С отвесными стенками 56,7 % ям, с наклонными – 10,6 %. Ямы с отвесными стенками иногда имеют заплечики шириной 15–30 см вдоль длинных сторон или по всему периметру. В ряде случаев в глубокие могильные ямы ведут одна-две, реже три ступеньки. Они прослежены в 12 погребениях.

Могильные ямы различаются по размерам: от менее чем 1 до более 27 м², и по глубине от уровня древней поверхности: от 0,2 до 2,8 м. Обычно их закрывали в продольном направлении тонкими бревнами или жердями, опиравшимися на края. Обширные и неглубокие погребения перекрыты одно-, двух- или трехслойным накатом из толстых бревен с опорой на заплечики и края ямы (могильники Тютринский, Красногорский-1). Наиболее хорошо устройство погребальной камеры прослежено в кург. 17 могильника Красногорский-1 [Матвеева, 1987а, с. 60–61]. Размеры могильной ямы составили 3,9х2,9 м, глубина 1,35 м. Головной конец ее несколько расширен, в углу имелась небольшая ступенька. В полу камеры были вкопаны столбы – по три вдоль длинных сторон на глубину 40 см, поддерживавшие, очевидно, перекрытие. Стены могилы облицованы досками, пол застлан берестой. Берестяной тлен зафиксирован под остатками погребенных еще в ряде могил.

На основе стратиграфических и планиграфических наблюдений можно проследить последовательность сооружения кургана. На выбранной площадке сначала выкапывали могильную яму и совершали захоронение, справляли тризну, затем над погребением сооружали обширную многоугольную бревенчатую платформу, которую окружали рвом. Таким образом, гипотеза Л. Н. Коряковой [1977, с. 141] о том, что ограждения сооружались только для законченных погребальных комплексов, на материалах Притоболья не подтверждается.

Некоторое время погребальное сооружение было лишь деревянным. На нем и около него проводились поминальные трапезы, о чем свидетельствуют обнаруженные здесь кости и скелеты животных, посуда на бревенчатом настиле (кург. 4, 7 Савиновского могильника, кург. 1 Рафайлово), битые горшки, кострища в заполнении рва. Под бревенчатую конструкцию производились подхоронения. При этом конструкцию частично разбирали, выкапывали могильную яму, совершали захоронение и закладывали отверстие. При этом выкид из ям в многомогильных курганах лежит, как правило, на древней поверхности, это позволяет считать, что все погребения (или почти все) были совершены до возведения насыпи. Когда усыпальница заполнялась, приступали к возведению надмогильного сооружения. Поскольку насыпи состоят, как правило, из гумусированной темно-серой плотной супеси, то, вероятно, их складывали из пластов дерна, нарезаемого здесь же, на территории могильника. Бревенчатую многоугольную платформу по периметру обкладывали дерновыми „кирпичами” и наращивали в высоту, благодаря чему она приобретала форму многогранной призмы или усеченной пирамиды высотой 1–2 м и более. Исключения из этой практики представляют малые курганы с насыпью высотой менее 1 м: в них не зафиксированы следы деревянных конструкций. Очевидно, по завершению захоронений на площадке, окруженной рвом, насыпался курган. Несколько иначе сооружали большие одномогильные курганы с насыпью высотой 4–7 м, принадлежавшие представителям знати. Здесь, по наблюдениям Т. М. Потемкиной (кург. 6 Шикаевского могильника, кург. 3 Язевс) и А. В. Матвеева (кург. 7 Савиновского могильника), последовательно производились захоронения, сооружение бревенчатой усыпальницы, возведение насыпи, выкапывали ров.

Саргатские погребения в Среднем Притоболье, как правило, одиночные. Парных погребений известно лишь семь (5,18 %), из них в двух были похоронены мужчина с ребенком, в одном – мужчина и женщина, в остальных – женщина и ребенок.

Таблица 48

Распределение могильных ям по ориентировке

Ориентировка могильных ям	Группа памятников*			Всего
Север	15/14,2	—	3/2,82	18/16,98
Северо-северо-восток	1/0,94	6/5,64	6/5,64	13/12,26
Северо-восток	2/1,88	3/2,82	9/8,46	24/13,20
Восток-северо-восток	—	2/1,88	2/1,88	4/3,80
Восток	1/0,94	—	1/0,94	2/1,90
Северо-северо-запад	6/5,64	6/5,64	8/7,52	20/18,86
Северо-запад	6/5,64	12/11,21	7/6,58	25/23,6
Запад	—	4/3,76	3/2,82	7/6,58
Запад-юго-запад	—	1/0,94	—	1/0,94
Юго-запад	—	1/0,94	—	1/0,94
Юго-юго-запад	—	1/0,94	—	1/0,94
				Всего 106/100

* Группа I — могильники Красногорский-1, Рафайловский, Воробьевский-1, Язев-1, Ши-каевка; II — Тютринский, Красногорский-2, Савиновский, Прыговский, Памятное; III — Тютринский (курганы 1—5, 10), Красногорский Борок, Памятное.

В числителе — количество памятников, в знаменателе — %.

Поза погребенных стандартна: вытянуто на спине по центру могильной ямы. Отклонения от этого стандарта незначительны и в основном касаются положения рук.

Погребения ориентированы в основном на северо-запад — 23,6 % погребений, север — 16,98, северо-северо-восток — 12,26, северо-северо-запад — 18,86, северо-восток — 13,2 %. На запад обращено 6,6 % погребений, остальные единичны (табл. 48). Таким образом, господствует северная со значительными отклонениями (до 45°) ориентировка.

Почти во всех неограбленных и большинстве ограбленных захоронениях найдены разнообразные наборы вещей. Это позволяет считать помещение инвентаря в могиле чертой погребального ритуала. Погребения без инвентаря единичны и находились не под насыпями курганов, а во рвах (кург. 5, 6 Савиновского могильника; погр. 3 Рафайловского кургана). В стандартный набор входили: один-два сосуда с жидкой пищей или мясной похлебкой (часты следы нагара, на дне отдельных сосудов имеются кости животных), кусок мяса с ножом, предметы вооружения, орудия труда и украшения (в женских погребениях). Ассортимент предметов инвентаря насчитывает около 40 видов (табл. 49).

Среди орудий труда наиболее распространены ножи, они встречены почти в каждом третьем погребении. Часты пряслица — 25,66 %, остальные вещи: тесла, проколки, точила, грузила, игольники — единичны. Исключительный характер этих находок указывает на хозяйственные занятия умерших. Среди предметов вооружения преобладают наконечники стрел. Они найдены в 40,8 % погребений и, как правило, по несколько экземпляров, колчаные наборы же были только у 3,5 % умерших. В 8,7 % погребений найдены мечи и кинжалы, в 7 % — наборный панцирь. Захоронения с другими предметами вооружения чрезвычайно редки.

Остатки конской упряжи найдены в 28,7 % погребений. Среди них почти одинаково часто встречаются удила, псалии, уздечные бляшки, подпругные пряжки и кольца, что может говорить об обычае класть в могилу всю конскую сбрую, а не только уздечки. Из украшений наиболее популярны были бусы. Они найдены в 26,1 % погребений. Довольно редки серьги (6,96 %), браслеты (5,22 %), бляшки, перстни и ожерелья (по 4,35 %). Остальные украшения единичны. Среди предметов туалета наиболее часты зеркала (6 погребений — 5,22 %), редки шпильки — заколки, сурьматаши (палочки для сурьмления глаз) и гребни.

Таблица 49

Распределение инвентаря по видам*

Инвентарь	Кол-во погребений	% к итогу	Инвентарь	Кол-во погребений	% к итогу
Предметы вооружения			Сбруя		
наконечники стрел			удила	9	7,83
металл.	32	27,84	псалии	6	5,22
наконечники стрел			бляшки	5	4,35
костян.	15	13,02	пряжки	4	3,48
кельты	3	2,61	кольца	6	5,22
мечи	3	2,61	ворворки	3	2,61
кинжалы	7	6,09	Украшения и предметы туалета		
панцири	8	6,96	зеркала	6	5,22
щит	1	0,87	пронизки	2	1,74
колчан	4	3,48	серьги	8	6,96
копье (дротик)	2	1,74	ожерелья	5	4,35
Орудия труда			браслет	6	5,22
нож	34		бусы	30	26,1
пряслице	18	15,66	амулет	2	1,74
гесло	3	2,61	подвеска	4	3,48
проколка	3	2,61	кольца	2	1,74
грузило	—	0,87	перстни	5	4,35
игольник	1	0,87	сурьматыши	2	1,74
точило	2	1,74	гребни	2	1,74
			заколки	3	2,61
			пряжки	4	3,48
			бляшки	5	4,35

* % от общего количества погребений с инвентарем (учтено 115).

Состав сопроводительной пищи можно охарактеризовать по материалам могильников Красногорский Борок, Красногорский-1, Тютринский, Савиновский, Рафайловский (табл. 50). Судя по костям, чаще использовалась конина. Обычно встречаются передняя нога, лопатки или крестец, ребе — задняя нога, тазовая кость, голова. Крупный рогатый скот и овец также нередко забивали для погребальной трапезы. В отдельных насыпях обнаружены остатки диких животных. Известны захоронения в могилах или рядом с ними жертвенных животных. В погр. 2 кург. 5 Тютринского могильника это овца; в кург. 3 могильника Красногорский-1 — лошадь; в Рафайловском кургане — два теленка и лошадь.

Следы тризны, обнаруженные в большинстве саргатских курганов, представляют собой остатки небольших кострищ со скоплениями битой посуды и костей животных. около некоторых могил имеются ямки с сосудами, но, как правило, горшки ставили на древней поверхности. В крупных курганах сосуды стоят на бревенчатой платформе. Там же иногда находят части туши лошади (кург. 4, 7 Савиновского могильника, кург. 12 могильника Красногорский-1). В таких комплексах единицами представлены раковины каури (кург. 2 могильника Тютрино), ритуальные молоточки и курильница (кург. 7 того же памятника), среднеазиатская фляга (кург. 7 могильника Савиновский), каменные плиты (кург. 1 могильника Рафайловский; кург. 4 могильника Шикаевка) в виде голов баранов.

В девяти курганах на перекрытии могилы и в пяти рядом с ним разводили огонь. Иногда поджигали бревенчатое надмогильное сооружение в целом, о чем свидетельствуют обширные кострища в курганах 1, 3, 10 Тютринского могильника.

Такова общая характеристика погребального обряда саргатских могильников Среднего Притоболья. Поскольку уже имеется работа, посвященная погребальному обряду саргатских племен в целом [Корякова, 1977], мы не будем подробно останавливаться на аналогиях, исключение составляют спорные моменты и те аспекты, по которым наш материал позволяет внести уточнения и дополнения.

Основные черты погребального обряда саргатских племен, такие как способ погребения в курганах, одиночные трупоположения в перекры-

Таблица 50
Состав жертвенных животных *

Группа животных	Могильник					Всего
	Рафайловский	Тютринский	Савиновский	Красногорский-1	Красногорский Борок	
Крупный рогатый скот	68/7+2с **	3/3	—	18/5	—	29,2/25,3
Мелкий рогатый скот	34/6	31/7	3/3	3/2	4/1	24,7/28,4
Лошадь	78/7+1с	13/10	16/6	1/1	2/2	36,3/40,3
Птица	—	29/3	1/1	—	—	9,8/6,0
Итого ...	180/23	76/23	20/10	22/8	6/3	100/100

* В числителе — данные по костям, в знаменателе — по особям.

** С — полный скелет.

тых деревом могильных ямах, наличие деревянных надмогильных сооружений, определенных категорий инвентаря в могиле, жертвенных животных, следов тризы, характерны для широкого круга скифо-сибирских племен. Даже наличие ограждений в виде рвов, которые Л. Н. Корякова [1977, с. 142] считает сугубо саргатской чертой, является широко распространенным в погребальном обряде соседней большереченской культуры (см. [Троицкая, 1972]), скифов (см. [Бибикина, 1973; Граков, 1964; Мозолевский, 1980]). Признаком, позволяющим относить погребения к числу саргатских, можно считать лишь наличие своеобразной керамики.

Надмогильные деревянные конструкции и настилы, сооружаемые саргатскими племенами Среднего Приоболья, имеют аналоги у савроматов и сарматов [Смирнов, Петренко, 1963, табл. 2—4; Мошкова, 1963, с. 19], скифов [Мурзин, 1982, с. 50], саков [Вишневская, 1973, с. 197; Хабдулина, 1976; Зданович, Иванов, Хабдулина, 1984, с. 41; Кадырбаев, 1984, с. 85]. Причем наиболее близки нашим бревенчатым многоугольным усыпальницам цилиндрические или многоугольные постройки некрополей в верховьях Илека, возводившиеся как дома мертвых над погребениями [Кадырбаев, 1984, с. 86]. Отличие их состоит в креплении конструкций вертикальными столбами. Наиболее ранние формы могильных ям (круглая, овальная, квадратная) также находят ближайшие аналоги у савроматов Южного Приуралья и саков Приаралья. Общими признаками является наличие канавок вдоль стен и возвышений, перекрытий на столбах [Зданович, 1969, с. 71; Вишневская, 1973, с. 60; Кадырбаев, 1984, с. 89]. Деревянные столбовые гробницы в могильных ямах с облицовкой стен и накатом известны у скифов [Мурзин, 1982, с. 50; Либеров, 1965, с. 12]. Канавки вдоль поперечных стенок в полу могильной ямы в головах и ногах, вероятно, оставлены ножками гроба (подобное известно по некрополю Ольвии [Парович-Пешикан, 1974, с. 59]) или погребального ложа (подобного зафиксированным в курганах Горного Алтая [Кубарев, 1991, с. 29]). Возможно также, что в эти канавки, как на памятниках пазырыкской культуры, помещали под голову и ноги умершего деревянные, меховые или кожаные подушки [Кубарев, 1991, с. 28].

Северная, северо-западная и северо-восточная ориентация погребений, характерная для памятников саргатской культуры, зафиксирована и в культурах: большереченской [Троицкая, 1973, с. 95], гороховской, каунчинской в Средней Азии [Григорьев, 1948, с. 55—56], на Тянь-Шане [Бернштам, 1947, с. 63—65], в некоторых усуньских могильниках [Воеводский, Грязнов, 1933, с. 103], на последнем этапе прохоровской культуры [Смирнов, 1948, с. 84], в тасмолинской культуре Восточного и Центрального Казахстана [Акишев, Байпаков, 1979, с. 68]. По составу погребаль-

ного инвентаря саргатские погребения Среднего Притоболья наиболее близки сарматским (см. [Смирнов, Петренко, 1963; Мошкова, 1963], сакам (см. [Вишневская, 1973]), скифам (см. [Бунятян, 1985]). Поскольку количественные подсчеты имеются лишь для рядового населения Скифии, то можно сказать, что саргатские погребения в целом несколько беднее скифских (но это может объясняться и тем, что среди саргатских ограбленные составляют около 80 %, а среди скифских, по Е. П. Бунятян, – 64 %). В саргатских гораздо реже, чем в скифских, встречается оружие, меньше украшений, но значительно более распространены предметы конской сбруи, довольно близки по количеству орудия труда. Сопроводительные человеческие захоронения, единичные в памятниках саргатской культуры, также редки у скифов [Хазанов, 1975, с. 135; Мурзин, 1982, с. 53], савроматов [Смирнов, 1977, с. 49], кочевников Алтая и Тувы [Грязнов, 1980, с. 46; Кубарев, 1991, с. 38]. Эти захоронения в отличие от погребений зависимых людей на перекрытии могил или древнем горизонте у сарматов (см. [Смирнов, 1977]), в ногах основных покойников, в углах камеры или входной яме у скифов [Хазанов, 1975] были во рву. Широко, очевидно, практиковались сопроводительные захоронения животных, в первую очередь коня и барана, что также находит аналогии в погребальном обряде скифов [Мурзин, 1982, с. 54], савроматов [Смирнов, Петренко, 1963, с. 21, табл. VIII], кочевников Алтая [Руденко, 1960, с. 238], Тувы [Грач, 1980, с. 74; Грязнов, 1980, с. 46], сарматов [Смирнов, 1964, с. 100–103; Мошкова, 1963, с. 24], но они характерны лишь для погребений знати. Саргатские захоронения наиболее близки савроматским проявлениям культа коня – туши животных, либо черепа клали на перекрытие или рядом с могилой [Смирнов, 1964, с. 100].

Погребальные памятники Среднего Притоболья находят полные аналогии среди саргатских могильников Прииртышья и Приишимья (см. [Генинг, Голдина, 1969; Зданович, 1969; Могильников, 1968, 1972а, 1973а; Мошкова, Генинг, 1972; Генинг, Корякова, 1984]), где имеются надмогильные деревянные конструкции и настилы (например, в Татарке [Корякова, 1988, рис. 6]), сходные планиграфия, размеры и форма могильных ям, в том числе ниши, ступеньки, канавки (например, в Коконовке, Богдановке [Могильников, 1972, с. 72]), аналогичные ориентировки, кольцевые и многоугольные рвы (например, в Богдановке 1, Горной Битии, Черноозерье, Красноярске, Абатских-1 и -3 могильниках). Притобольские, ишимские и прииртышские саргатские погребения близки друг другу по составу инвентаря (см. [Мошкова, Генинг, 1972; Могильников, 1972а; Генинг, Корякова, 1984]) и керамике.

В меньшей степени прослеживается сходство между саргатскими, притобольскими и барабинскими памятниками. Несмотря на тот же в целом ритуал, близкие погребальные сооружения и керамику, в Барабе, как справедливо отмечает Н. В. Полосьмак, погребальный обряд несколько проще, беднее инвентарь, меньше ровиков, кострищ, сложных могильных ям, деревянных надмогильных конструкций. В Притоболье не встречаются многократные подхоронения в курган, намного меньше, чем в Барабе, парных и коллективных погребений [Полосьмак, 1981, с. 81; Савинов, Полосьмак, 1985, с. 98].

Касаясь вопроса о локальном своеобразии отдельных районов, нельзя согласиться с выводом Л. Н. Коряковой о преобладании в бассейне Тобола малых курганов над средними и большими, тогда как в Приишимье и Прииртышье, по ее мнению, наблюдается обратная картина.

Группировка курганов по визуальной определяемой величине насыпи из-за их значительной распаханности неверна, и без достаточно полного исследования территории и реконструктивных построений любая выборка будет случайной. Кроме того, этот признак должен быть отнесен к социально-дифференцирующим, а не локальным. Не подтверждаются и выводы Л. Н. Коряковой о распределении по регионам глиняных площадок (они имеются во всех притобольских курганах,

насыпанных на глине, но не несут специфической нагрузки, на наш взгляд, являясь мощным выбросом из центральной могилы), а также деревянных сооружений, ограждений, ориентировке и др. То обстоятельство, что по Притоболью и Приишимью использовались вдвое или втрое меньшие выборки, чем по Прииртышью, но все они суммарно брались при подсчете за 100 %, обусловило вывод об угасании основных признаков культуры в направлении с востока на запад [Корякова, 1977, с. 149]. Кроме того, методически неоправдано рассматривать все основные признаки погребального обряда как статичные без учета хронологических и социально значимых вариаций. По нашему мнению, вопрос о мере сходства погребальных памятников разных районов саргатской культуры все еще остается открытым. В качестве примера можно привести скифскую культуру, более чем полуторавековое исследование погребений которой, в том числе и современными методами математической статистики, не дает оснований для выделения в ней локальных вариантов [Мурзин, 1982, с. 55].

Кроме отмеченных нами основных признаков погребального обряда, присущих большинству захоронений и характеризующих саргатскую культуру лесостепного Притоболья в целом, присутствует большое количество менее представительных признаков, свойственных лишь малой части погребений и могильников. Такая вариабельность удельного веса отдельных черт погребального обряда по могильникам свидетельствует о неоднородности исследуемого массива и требует постановки вопроса о ее причинах. Различия в деталях погребального обряда могут объясняться этническими, социальными различиями населения, а также иметь хронологический характер.

Мы полагаем, что этнические различия могли иметь место, так как саргатские племена на данной территории являются пришлыми, несомненно включившими в свой состав часть местного населения. Это предположение подкрепляется неоднородностью антропологического состава погребения. Так, палеоантропологическими исследованиями в Тютринском и Савиновском могильниках выявлены типы явно с монголоидными чертами и с преобладающими европеоидными*, монголоидность отмечена для женских черепов из Воробьевского и Прыговских могильников М. С. Акимовой [1972, с. 151]. Таким образом, в качестве критерия для определения этнических вариаций погребального обряда следовало бы избрать антропологическую характеристику. Но малый размер исследованной антропологами серии не позволил нам проделать эту работу.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Первая попытка оценить уровень социального развития саргатских племен была предпринята В. Е. Стояновым. Опираясь на довольно однородные и немногочисленные данные, известные в 60-е гг., он пришел к выводу, что „следов подлинной социально-экономической дифференциации могильники саргатской культуры не обнаруживают” [Стоянов, 1977, с. 158]. Близкая точка зрения высказана Н. В. Полосьмак, считающей, что „стабильный образ жизни, лишенный войны и военной добычи, не стимулировал разложения общества, лесостепные племена развивались медленнее степных, и наметилась лишь тенденция к выделению богатых родов” [1987, с. 114]. Противоположного мнения придерживается Л. Н. Корякова, предполагая, что в обществе носителей саргатской культуры была четкая социальная иерархия, существовала частная собственность на скот, имелись племенная аристократия и военно-потестарная организация в виде союза племен [1988, с. 155,

* Сообщение канд. ист. наук В. А. Дремова.

157–159]. Говоря о социальной структуре саргатцев, исследователь ссылается на наличие погребений „конных воинов“, „пеших лучников“, „простого люда“, исходит из трехчленной модели. Несмотря на недостаточную аргументированность, предложенная классификация, базирующаяся на комплексных данных по экономике, жилищам, погребальному обряду и о связях с населением сопредельных территорий, наиболее адекватно отражает картину социального развития саргатской культуры. Однако вопрос о характере и конкретных формах имущественной и социальной стратификации остается открытым, поэтому мы попробовали приблизиться к его решению, проанализировав в этом ключе материалы лесостепного Притоболья.

На основе методики социальной реконструкции погребального обряда, предложенной В. А. Алексиным [1975, 1981], Е. Н. Бунятян [1985], А. Д. Грачем [1975], Г. С. Лебедевым [1973], В. М. Массоном [1976] и др., и по корреляционным графикам нами были выявлены следующие признаки, вариации которых отражают социальный статус умершего (или его семьи): размеры кургана, погребальной камеры; состав, количество инвентаря; состав и количество заупокойной пищи; местоположение погребений (центральное, периферийное). Предварительно были выделены признаки, связанные в погребальном обряде с полом и возрастом умершего, – начальная стадия социального анализа, поскольку половозрастное деление было одним из определяющих факторов в системе общественных отношений первобытного общества. Шестьдесят саргатских погребений, материалы которых получили антропологические определения, исследованы с применением методов непараметрической статистики* [Рунион, 1982]. Дифференцирующим по полу и возрасту оказались следующие признаки: состав и количество инвентаря; состав и количество заупокойной пищи; детали ритуала – мел, угли в могиле, предметы культа [Матвеева, Буслова, 1988].

Статистически значимым оказалось разделение всех погребений на две возрастные группы: взрослых и детей. В центре курганов были похоронены только взрослые. Для детей специально курганы не сооружали, их захоранивали в индивидуальных вводных могилах или вместе с женщиной. Такие погребения следует объяснять одновременно смертью ребенка и матери или подхоронениями. В Савиновском могильнике (кург. 7, погр. 1) подросток захоронен вместе с женщиной 40–50 лет, в Тютринском (кург. 8, погр. 4) – ребенок с женщиной. Считается, что такие погребения могут являться показателем утверждения патрилинейного счета родства [Артамонов, 1934, с. 114].

Инвентарь детских погребений по сравнению с захоронениями взрослых беден. В состав его входит, как правило, лишь горшок, иногда наконечник стрелы либо пряслице, предметы, указывающие на род занятий, которым мог бы заниматься согласно своему полу погребенный. Встречаются подвески, амулеты. Для детских могил совершенно не характерна конская упряжь. В общей группе детских погребений выделяется захоронение девочки-подростка 12–14 лет в кург. 5 Тютринского могильника. Ожерелья, браслеты из стеклянных и золотых бус, полудрагоценных камней, зеркало, туалетные принадлежности, обширная и глубокая могильная яма, трехслойное перекрытие – все это характерно для погребений взрослых. Вероятно, в 12–14 лет подросток переходил в разряд взрослых, кроме того, в данном погребении нашло отражение имущественное неравенство.

Детские и взрослые захоронения в целом хорошо различаются по размерам могильных ям. Очевидно, размеры ям соответствовали длине тела погребенного, но они могли зависеть и от количества и богатства инвентаря.

* По Красногорскому-1, Рафайловскому, Красногорскому Борку, Тютринскому, Савиновскому могильникам определения произведены В. А. Дремовым, по Воробьевскому-1, Прыговскому – М. С. Акимовой.

Таким образом, можно констатировать, что в саргатском обществе существовал институт возрастных классов, он являлся важным элементом организации общественной жизни. Выделяются две основные возрастные группы: взрослые и дети. Среди погребенных в курганах преобладают взрослые. Детские погребения составляют около 16,7 %, хотя известно, что в древних обществах детская смертность была высокой [Алексеев, 1972, с. 11–14; Грязнов, 1956, с. 73]. Очевидно, захоронение детей, особенно младенцев, в курганах не было правилом для саргатского населения. В довольно раннем возрасте подростки, видимо, переходили в разряд взрослых и погребались уже по типичному для взрослых погребальному обряду.

Как показывают исследования этнографов [Задыхина, 1951, с. 178], у народов Центральной и Средней Азии существовали четыре главные возрастные ступени, являвшиеся пережитками института возрастных классов: детство, юношество, зрелость и старость. Переход из одной возрастной группы в другую сопровождался обрядовыми действиями, изменениями прически, одежды. По археологическим материалам памятников саргатской культуры Среднего Притоболья удалось проследить только две основные ступени. Возрастные градации в группе взрослых не выявлены из-за того, что значительная часть погребений разграблена и не дает возможности анализировать такие детали, как одежда и прическа, из-за небольшого количества погребений юношей и стариков. Поскольку эта градация не проявляется в основных признаках погребального обряда, следует считать ее второстепенной.

Мужчины и женщины, судя по погребениям, выполняли разные роли в общественном разделении труда. В их могилах имеются различные предметы, указывающие на род занятий погребенного. Можно считать, что инвентарь служит индикатором пола погребенного. Так, мужчина всегда выступает как воин. Однако только по наличию предметов вооружения в могиле еще нельзя уверенно говорить, что погребенный — мужчина. Уверенно считать погребение мужским можно лишь в том случае, если там есть оружие, но отсутствуют орудия домашнего труда, бусы в наборах, серьги, предметы туалета. Отличительным признаком женских захоронений является наличие пряслица, проколок или игл, игольника. Если этот набор дополнен украшениями, сурьматашем, зеркалом или гребнем, заколками и т. п., можно быть уверенным на 99 % в том, что погребение женское. Отмечены два исключения: несомненно мужские погребения, по определению В. А. Дремова, с предметами, указывающими на женские занятия, и украшениями (браслеты, пряслица, кольца, сурьматаш) в Тютринском (кург. 1, погр. 3) и Савиновском (кург. 5, погр. 4) могильниках. Их можно предположительно связывать с проявлениями транзитизма [Троицкая, 1984, с. 69–70].

В погребениях Среднего Притоболья нет свидетельств приниженного, неравноправного положения женщин. Очевидно, женщина у племен саргатской культуры была самостоятельным и полноправным членом общества. По этнографическим данным и письменным источникам, женщины у скотоводческих племен занимали именно такое положение [Грач, 1975, с. 172]. Погребения же отдельных воительниц не свидетельствуют, по нашему мнению, о матриархальных отношениях, а объясняются особенностями кочевого быта в конкретных исторических ситуациях, высокой ролью войны и военной организации. В этом отношении племена саргатской культуры были близки скифам, сарматам и племенам скифского времени Саяно-Алтая, Центральной Азии и Казахстана (см. [Грач, 1975; Бунятян, 1982; Граков, 1947; Хазанов, 1970]).

В целом детали погребального обряда, качественный (по материалам и видам) и количественный состав инвентаря в группе взрослых оп-

*Эти выводы позволили с вероятностью 95 % определить по инвентарю пол и возрастную группу погребенного, если кости скелета не сохранились, и присоединить значительное количество ранее неопределенных погребений к общей выборке, доведя ее до 120.

ределялись не только половозрастной принадлежностью умершего, но и иными, социально-экономическими, причинами. В богатых женских и мужских захоронениях встречаются более значительные по сравнению с остальными наборы вещей: изделия из серебра и золота, драгоценных и полудрагоценных камней. Как мужчины, так и женщины удостоивались права быть погребенными индивидуально под курганом или в центре многомогильного сооружения. Это свидетельствует о том, что институт половозрастных классов теряет свое значение на фоне углубляющейся имущественной и другой социальной дифференциации, что характерно для заключительной стадии разложения первобытно-общинного строя.

Социальный анализ, проведенный нами, базировался на предпосылке, что в погребальном обряде отражается прижизненный статус умершего: чем выше его социальный статус, тем больше трудовые и материальные затраты на его погребение, и наоборот.

В археологических материалах произведенные обществом трудовые затраты наиболее ярко отражаются в величине надмогильных сооружений и погребальных камер, количестве и качестве инвентаря и жертвенной пищи. Учитывая, что 80 %, по нашим подсчетам, саргатских погребений ограблены и разрушены в результате распашки курганных насыпей, ведущим признаком для выявления социальной дифференциации следует считать размеры погребальной камеры (могилы). Полигон распределения (рис. 49) 121 могильной ямы по объему дал возможность разделить все сооружения на пять подгрупп. Первая, наиболее многочисленная, до 3,5 м³, отделена небольшим интервалом от второй, — 3,8–11,4 м³; далее интервалы между подгруппами увеличиваются, а представительность их сокращается: третья — от 14,5 до 18 м³; четвертая — от 23 до 41,4, пятая — 55,2 м³. Для включения в выборку захоронений, совершенных на древней поверхности, их глубина была принята за 0,05 м, и они вошли в первую подгруппу. При группировке не учитывались безынвентарные погребения во рвах курганов, где размеры могильной ямы не определяются. Поскольку они находились в первичном заполнении рвов, то, вероятно, яма не выкапывалась. Погребения этого типа, несмотря на их малочисленность, должны быть отнесены к особой подгруппе (шестая подгруппа). Такая дробная группировка погребальных камер по объему, большой размах вариаций — от 0,01 до 55,2 м³, могут свидетельствовать о существовании социальной дифференциации в саргатском обществе. С целью проверки гипотезы о соответствии шести выделенных подгрупп погребений социальным прослойкам (группам лиц с одинаковым статусом) была проведена корреляция размеров могил по группам с количеством и качеством найденного там инвентаря. В силу уже названных причин мы не имеем полной картины фактического распределения инвентаря и должны ориентироваться на немногие неограбленные захоронения, подходя в целом к оценке взаимосвязи размера камеры и богатства инвентаря очень осторожно.

Поскольку ранее нами были выявлены отличия в составе инвентаря мужских и женских погребений, то первоначально корреляция размеров могильных ям с количеством и качеством инвентаря осуществлялась для них раздельно. Погребение пятой подгруппы (курган Лисья Гора) полностью ограблено, шестая подгруппа не имеет инвентаря, поэтому анализ проводился внутри первой — четвертой подгрупп.

Первая подгруппа женских погребений содержит предметы вооружений (до 1/3 всех могил), кроме оружия ближнего боя и защитного доспеха, но преобладают наконечники стрел — по 1–5 экз. Имеются конская сбруя и характерные для женщин орудия труда. Встречаются все виды украшений и предметов туалета, за исключением сурьматашей. Одежда украшена поясными пряжками и вышивкой бисером, бусинами. Из бусин сделаны браслеты, ожерелья, они использовались и как пуговицы. Использовались наборы до 100 и более штук. Посуда глиняная: один-два горшка, реже до четырех, в ней был кусок мяса. В шестой части всех погребений обнаружены серебряные или золотые серьги, редкие

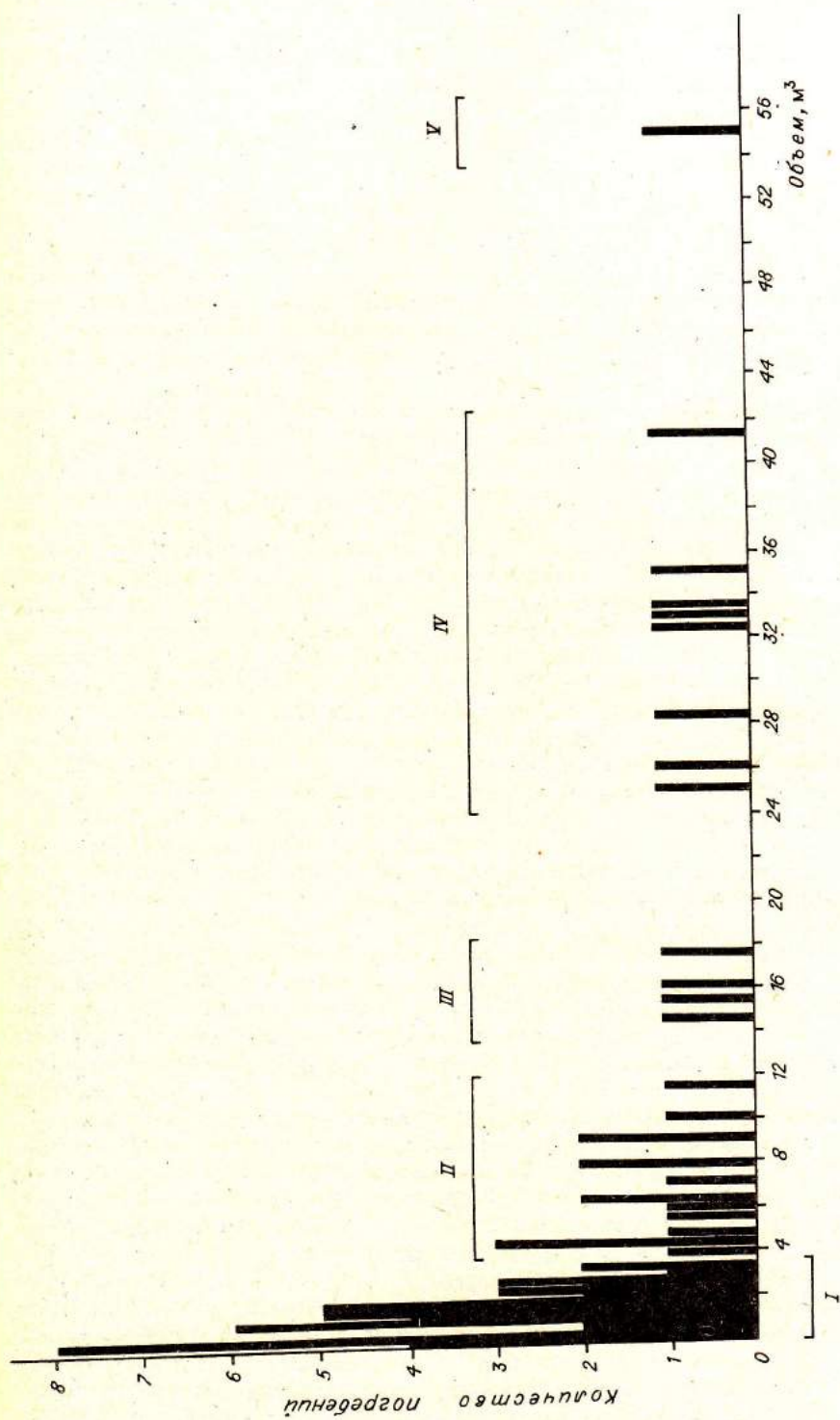

Рис. 49. Гистограмма распределения могильных ям по объему погребальной камеры.

изделия: подвеска из египетского фаянса, бронзовое пряслице, курильницы. В погребениях этой подгруппы, не подвергавшихся ограблению, одновременно встречаются три – семь видов вещей.

Вторая подгруппа по составу инвентаря приближается к первой, но в ее погребениях не найдены предметы вооружения, возможно, они украдены. Утварь представлена двумя – пятью горшками. В большинстве погребений найдены украшения из драгоценных металлов или камней, в одном – бронзовое пряслице. В неограбленных захоронениях (погр. 2 кург. 2; погр. 3 кург. 10; погр. 2 кург. 5 Тютринского могильника и погр. 1 кург. 4 Шикаевки) одновременно встречается инвентарь 9–10 видов. Эталонными погребениями этой подгруппы можно считать шикаевское и тютринское. Первое содержало более сотни золотых украшений, расшитые золотом головной убор и одежду, набор оружия, включавший защитный доспех, и сопровождалось каменным жертвенником под насыпью (см. [Потемкина, 1975]). В тютринских погребениях обнаружены золотые и серебряные серьги, золотые бляшки диадемы (?), уникальное сапфир-шпинелевое ожерелье, богатый набор стеклянных, золотых и других бус.

В третьей подгруппе нет неограбленных женских погребений. К четвертой принадлежит нарушенное захоронение погр. 2 кург. 7 Тютринского могильника с курильницей, кельтом, драгоценными украшениями, конской сбруей. Только в погребении этой группы найдены обломки бронзового котла.

Для мужских погребений первой подгруппы характерны: небольшие колчанные наборы (до 30 стрел), кинжалы. Только в этой подгруппе представлены орудия труда, имеются бусы (до 10 экз.), поясные пряжки, один горшок. Встречаются одновременно вещи трех – семи видов.

Вторая подгруппа отличается большим разнообразием инвентаря. Оружие представлено наконечниками стрел, кельтом, кинжалом, щитом, утварь – горшком, имеется котел. Все погребения ограблены. Этим, на наш взгляд, следует объяснить отсутствие богатых украшений конской сбруи и одежды, оружия, которые, судя по котлу в кург. 7, погр. 2 Савиновского могильника, должны были там находиться. Во всех других случаях котлы найдены вместе с драгоценными украшениями.

В наших материалах предметы роскоши зафиксированы только в мужских погребениях третьей и четвертой подгрупп; для них характерны копья, мечи, большие колчанные наборы, встречаются котлы, найдена среднеазиатская фляга.

Таким образом, качественный и количественный состав инвентаря коррелируется с размером погребальных сооружений, чем подтверждается существование социальных различий между погребенными выделенных подгрупп, довольно четко среди женских и менее отчетливо среди мужских захоронений. Результаты анализа дают основание принять высказанную ранее рабочую гипотезу о соответствии погребений намеченных подгрупп определенным социальным прослойкам. При этом отмеченные различия по инвентарю между ними – разного характера. Наиболее явно выделяются три группы: I – это безынвентарные погребения (шестая подгруппа), совершенные без соблюдения традиций обряда; их можно трактовать как погребения зависимых, неравноправных людей, принесенных видимо, в жертву или сопровождавших основное захоронение в кургане. Их всего 2,5 %. Необходимо отметить, что все могилы во рвах, содержавшие остатки людей, были сооружены через какое-то время после возведения кургана, когда их рвы уже частично запылились. Погребенные обычно лежат не на дне рвов, а несколько выше. В связи с этим уместно вспомнить отмеченный Геродотом обычай, согласно которому через год после смерти скифского царя умерщвляли значительное количество его слуг, а их трупы водружали на чучела лошадей и размещали возле кургана (Геродот, IV). Группа II – наиболее представительная – 71,8 % всех погребений (первая подгруппа), включает наименьшие по размерам погребальные сооружения и характеризу-

ется разнообразным инвентарем в небольших наборах (три – семь видов). Ее можно интерпретировать как погребения рядового саргатского населения. Группа III включает остальные подгруппы. Они более всего отличаются от первой и менее – друг от друга. Они малочисленны (25,8 %), имеют грандиозные погребальные сооружения, богатые наборы инвентаря (9–10 видов и более), предметы роскоши, дорогое оружие и редкие изделия, сопровождаются захоронениями людей и животных. Все это позволяет объединить захоронения второй – пятой подгрупп и относить их к погребениям знати, причем различающейся по своему социальному статусу: возможно, это родовая и племенная знать разных рангов.

Дробная иерархия в верхушке общества была достаточно характерна для степной зоны Евразии, она известна у скифов [Массон, 1976, с. 174; Хазанов, 1975, с. 182], алды-бельцев Тувы [Грязнов, 1980; Грач, 1983, с. 31], тагарцев, пазырыкцев Алтая [Руденко, 1960, с. 237–244], саков Казахстана [Акишев, Кушаев, 1963, с. 86]. Это позволяет предполагать довольно высокий уровень социального развития племен саргатской культуры. Точнее интерпретировать выделенные группы и подгруппы помогли бы эталонные неограбленные погребения в каждой из них, но таковые единичны. Не производились раскопки и „царских” курганов саргатской культуры, могущих дать бесценный материал для изучения социальной структуры, экономики и других сторон жизни общества. Исследование „царских” курганов остается актуальной задачей, так как „по количеству и характеру содержащейся в них информации они стоят на более высоком и качественно ином уровне, чем могилы рядовых общинников” [Грязнов, 1980, с. 52]. Мы сознаем, что предложенный нами социальный анализ и его интерпретацию следует рассматривать скорее как постановку вопроса об имущественной и других видах стратификации саргатского общества.

* * *

Источниками для реконструкции характера семьи у саргатцев являются данные поселений и могильников. Одними из основных материалов для решения этой проблемы могут быть планиграфия поселений и площадь жилищ.

Результаты раскопок позволяют сделать вывод о некотором социально-экономическом обособлении членов отдельных домовых коллективов. Наличие сооружений с одной жилой и несколькими хозяйственными камерами, а также отдельных малых хозяйственных построек, планиграфически связанных с большими домами, свидетельствует об отсутствии общих для всего поселения центров сосредоточения хозяйственной жизни. Кроме того, группа из жилой и хозяйственных построек составляет замкнутый планиграфически комплекс, являвшийся, очевидно, местом жизнедеятельности обитателей одного дома. Площадь жилых помещений в саргатских жилищах Среднего Притоболья, по нашим данным, колеблется от 20 до 80 м², составляя в среднем около 40 м², по данным Л. Н. Коряковой [1984, с. 73], для саргатской культуры в целом она 20–30 м². В различных обществах норма площади, приходящаяся на одного человека, может меняться в зависимости от самых разных причин (см. [Чайлд, 1949; Хазанов, 1975; Массон, 1976]). Имущественное и социальное неравенство в саргатской среде то же могло влиять на количество жилых помещений и их площадь в конкретных домохозяйствах. По этнографическим наблюдениям, минимальная норма площади пола жилищ на одного человека близка к 2 м² [Массон, 1976, с. 113; Эрдниев, 1970, с. 134; Пюрвеев, 1971, с. 10], максимальная колеблется от 6 до 9 м². Если принять средний размер саргатских жилищ за 30–40 м², а норму площади на человека в жилище – 3–4 м² [Матющенко, 1974, с. 109], то количество членов семьи будет определяться в 10–12 чел.

Другим источником для определения состава семьи у саргатского населения Среднего Притоболья служат полностью исследованные

могильники Тютринский, Савиновский, Воробьевский. В 8 курганах могильника Воробьевского-1 было захоронено 19 чел., в 7 курганах Савиновского – 17, в 5 курганах III–II вв. до н. э. Тютринского – 17, в курганах I–II вв. н. э. того же могильника – 20 чел. В кургане Савиновского могильника в среднем было погребено 2,4. С учетом не исследованного кург. 8 общее число захороненных составляет около 20. В могильнике Тютринском в III–II вв. до н. э. в среднем погребено 3,4 чел., в I–II вв. н. э. – 3,3 чел. на курган. Если предположить, что один из разрушенных курганов данного могильника относился к ранней, другой – к поздней группе погребальных сооружений, то получится, что в Тютринском могильнике должно быть захоронено в III–II вв. до н. э. 20–21 чел., в I–II вв. н. э. – 23–24 чел. Таким образом, число погребенных в одной курганной группе примерно одинаково на протяжении почти всего периода бытования саргатской культуры в Притоболье и, вероятно, отражает численность членов какой-то социальной группы, захороненных за один и тот же срок. Что же собой представляла эта социальная группа: семью, несколько родственных семей, род? Уверенно ответить на этот вопрос пока нельзя, так как археологические источники дают очень ограниченную информацию. Попробуем наметить хотя бы некоторые варианты его решения.

Один путь – определение количества участников погребальной церемонии по количеству мяса от забитых для тризны и заупокойных даров животных. Osteологический материал Тютринского и Савиновского могильников показывает, что при совершении захоронений, как правило, забивали лошадь и овцу, еще реже – корову. Известны случаи, когда одновременно были принесены в жертву две лошади, лошадь и корова, две овцы и лошадь. Если принять средний живой вес лошади за 360 кг, то выход мяса будет составлять 150 кг (42 %), коровы соответственно 360 и 160 кг (44,3 %), овцы, козы, косули – 50 и около 20 кг (40,9 %) [Грицай Е. В., Грицай Е. П., 1983]. Судя по этнографическим примерам, на подобном пиршестве человек мог съесть до 5 кг мяса [Бибикова, 1973, с. 67]. В могиле оставляли 5–10 кг мяса. Теперь подсчитаем количество участников тризны в каждом конкретном случае. При совершении захоронений в Тютринском и Савиновском могильниках, например, их могло быть от 5–6 до 50–60 человек [Матвеева, 1969а, с. 48]. Интересно, что погребения, в которых участвовал узкий круг родственников, принадлежали молодым женщинам 20–25 лет. Именно эти захоронения, очевидно, совершены силами взрослых членов семьи. Если учесть, что маленькие дети, как правило, в погребальных обрядах не участвовали, то приблизительное количество членов семьи составляет 10–16 человек. В захоронениях же людей старшего возраста, видимо, принимали участие члены нескольких родственных семей или даже всего рода.

Судя по половозрастному составу погребенных, отдельный курган не является единственным местом, где на протяжении определенного периода хоронили членов семьи. Например, в кург. 1 Тютринского и кург. 7 Савиновского могильников погребены по два мужчины и ребенок, в кург. 5 – две женщины, которые не могли составить полную семью. Видимо, семейный принцип сочетался с кровнородственным. Вместе с тем могли играть роль временные ограничения, при которых по истечении определенного срока для членов той же семьи сооружался новый курган, и т. д.

Определить характер социальных групп, оставивших саргатские могильники Среднего Притоболья, можно и через подсчет общего количества захороненных в них людей. Но при этом возникает целый ряд трудностей. Мы полагаем, что в условиях оседлого быта с элементами кочевания, который был характерен для племен саргатской культуры в северной части лесостепи, все члены той или иной социальной и кровнородственной группы должны были быть

захоронены вместе, хотя полной уверенности в том, что в курганном могильнике не хоронили иногда членов других семей или родов, у нас нет. Семейный характер саргатских могильников предполагают также В. Е. Стоянов [1977, с. 157] и Л. Н. Корякова [1988, с. 155].

Приблизительно рассчитать численность древнего коллектива можно по формуле: $L = \frac{K \times \Pi}{T}$, где K – количество умерших, Π – средняя продолжительность жизни, T – время существования могильника. Труднее всего даже приблизительно определить длительность функционирования могильника. Лишь отчасти нам может помочь то обстоятельство, что Тютринский и Савиновский могильники практически составляют единый микрорайон с неисследованными Атомановским и Песьяновским (расположены на увалах вокруг одного и того же озера), хронологически примыкают друг к другу и датируются с III–II вв. до н. э. по II–III вв. н. э.

Предположим, что в пяти перечисленных могильниках и нескольких других, расположенных поблизости, захоранивали покойников на протяжении двух с половиной веков, тогда получится срок существования могильника в 50–60 лет. Поскольку в некрополях детские погребения единичны (в Воробьевском – 1 из 19, Савиновском – 1 из 17, Тютринском III–II вв. до н. э. – 4 из 17, II–III вв. – 3 из 20) и составляют от 5 до 23 % всех умерших, следует считать, что только часть детей захоранивалась в общих со взрослыми могильниках. В целом детей погребали или другим способом, или на специальных детских кладбищах. Коэффициент детской смертности для эпох бронзы и раннего железа колеблется по разным культурам от 50 до 67 % [Алексеев, 1972, с. 11–14], в сельских местностях России в XIX в. он составлял 67,9 % [Грязнов, 1956, с. 23], поэтому вряд ли оправдано в нашем случае опускать его ниже 60 %. Воспользовавшись этим коэффициентом, вычислим общее количество умерших в древних группах. Для Тютринского могильника III–II вв. до н. э. оно составит 26 чел., Савиновского – 30, Воробьевского-1 – 29, Тютринского II–III вв. н. э. – 28 чел. Подставив в формулу среднюю длительность поколения в первобытное время 20 лет [Алексеев, 1972, с. 20], получим величины – от 8,7 до 12,4 [Матвеева, 1989а, с. 49], т. е. численность коллектива – от 9 до 12 чел.

Таким образом, средняя численность коллективов, оставивших эти некрополи, по нашим весьма приблизительным подсчетам составляет 10–11 чел., что соответствует предполагаемой численности обитателей жилища и минимального коллектива, участвовавшего в погребальной церемонии. Это мог быть один из типов расширенной семьи. Сходный с нашими характер имеют могильники земледельческого населения степной Скифии. По данным А. А. Мелюковой и А. М. Хазанова, у скифов-земледельцев преобладала семья расширенного типа, а у скифов-кочевников наряду с расширенной существовала малая нуклеарная семья [Хазанов, 1975, с. 62]. Е. Е. Неразик, основываясь на изучении планировки жилищ первых веков нашей эры в Хорезме и документах архива Топрак-Калы, предполагает бытование у рядового населения Средней Азии небольшой семьи из 5–10 чел. [1978, с. 17].

*Как показывают этнографические источники, тип семьи был не только обусловлен уровнем развития и традициями данного общества, но и в значительной мере связан с характером хозяйственных занятий и уровнем имущественного расслоения. Так, у всех кочевых и полукочевых народов малые семьи сосуществуют с расширенными, причем первые характерны для рядовых общинников, а вторые – для богатей и аристократии. У земледельцев преобладают, как правило, расширенные и большие патриархальные семьи [Хазанов, 1975, с. 74; Марков, 1976, с. 169, 217, 247; Борозна, 1978, с. 45]. Все это позволяет предполагать, что и у племен саргатской культуры, ведших оседлый образ жизни на базе многоотраслевого хозяйства, господствовала неразделенная трехпоколенная семья. Вопрос о существовании нуклеарной, большой нераздель-

ной и других типов семьи может решаться лишь на качественно ином уровне на основе анализа ряда полностью раскопанных поселений и могильников, принадлежавших рядовому населению и знати, а также комплексов памятников, содержащих жилье и погребальные сооружения, оставленные одной социальной группой.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ САРГАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ

Исследования последних лет подтвердили мнение, высказывавшееся В. А. Могильниковым и В. Е. Стояновым о том, что саргатская культура не является в Притоболье автохтонной. Здесь в начальную пору раннего железного века существует другая, байтовская культура, генетически связанная с памятниками местной поздней бронзы [Матвеева, 1989б]. Для нее характерны свои специфические признаки, не позволяющие напрямую сопоставлять ее с саргатской. Датировка наиболее ранних памятников саргатской культуры в этом районе также вызывает сомнения в ее местном генезисе. Самые древние поселения и могильники в Среднем Притоболье датируются лишь концом V-IV вв. до н. э. [Матвеева, 1985, с. 80]. В Приишимье, Прииртышье и Барабе известны памятники значительно более ранние. После раскопок Туруновки-4 (см. [Молодин, Колонцов, 1984]) и ряда поселений в Прииртышье (см. [Труфанов, 1986]) можно считать решенным вопрос об удревнении нижней даты саргатской культуры до VII в. до н. э. Причем Туруновка-4 наглядно отражает трансформацию позднеирменских керамических традиций в саргатские. Сходство прослеживается и в традициях домостроительства: саргатские строения по архитектуре наиболее близки ирменским. Наблюдаются и некоторые соответствия в погребальном обряде позднеирменских племен Барабы: ровики, тризна, кострища под насыпью, части туш животных (см. [Полосьмак, 1982; Молодин, 1985]). Саргатская и ирменская культуры близки по своему хозяйственно-культурному типу: их носители представляют оседлых скотоводов и земледельцев (см. [Грязнов, 1956]). В пользу предположения, что ирменская культура была основным компонентом саргатской, свидетельствуют и данные антропологии. Ирменские племена являлись европеоидными, по своему облику близкими к андронеидному типу [Дремов, 1981, с. 13] с незначительной долей монголоидных признаков. В саргатских могильниках Прииртышья и Приишимья найдены также европеоидные черепа с небольшой примесью монголоидности, которая за территорией формирования культуры, в Притоболье, проявляется более отчетливо [Акимова, 1972, с. 151].

Таким образом, есть все основания считать, что саргатская культура сложилась в восточной части своего ареала — Прииртышье и Барабе, возможно и в Ишимо-Иртышском междуречье, на основе позднеирменской, сыгравшей роль ведущего, но не единственного ее компонента (см. [Полосьмак, 1982; Матвеев, 1985]). В состав ее носителей вошли, вероятно, отдельные группы позднесузгунского населения [Труфанов, 1986], а позднее, в середине I тыс. до н. э., — казахстанские и другие южные и юго-западные кочевники (см. [Могильников, 1983]). Предположения, что в роли компонентов могли быть носители саргаринской и межовской культур (см. [Могильников, 1973а; Молодин, Колонцов, 1984; Полосьмак, 1987]), пока не подтверждаются археологическим материалом. Но вслед за А. Я. Труфановым [1986, с. 60] мы констатируем, что исключать участие носителей саргаринских традиций в формировании саргатской культуры у нас нет оснований.

Предложенные исследователями варианты периодизации саргатской культуры [Могильников, 1972б; Корякова, 1981], несмотря на тщательность проделанной авторами работы, нуждаются в дополнитель-

ном обосновании и уточнении, так как не включают наиболее важный этап – этап ее формирования и противоречат друг другу в определении верхней границы, хронологических рамок и особенностей последнего этапа. Продолжать разработку этой проблемы следует, очевидно, предварительно исследовав материалы отдельных районов и обобщив их. Эти периодизации саргатской культуры базировались на общих наблюдениях за эволюцией погребального обряда [Могильников, 1972] и анализе наборов погребального инвентаря [Корякова, 1981]. В настоящее время для продолжения работы в этом направлении можно привлечь богатую серию поселенческих комплексов и керамических коллекций, позволяющих судить об эволюции форм и орнаментов саргатской посуды на основе статистических характеристик, бесспорные стратиграфические данные, могущие служить стержнем внутренней хронологии саргатской культуры.

Опорным памятником для определения хронологии саргатских поселений в настоящее время является Рафайловское городище. С целью уточнения относительной датировки разных участков застройки его и других однокультурных поселений Среднего Притоболья, выявления развития саргатской керамики была проведена детальная иерархическая классификация керамических комплексов из семи объектов. Для этого был составлен список признаков по пяти категориям: форма сосудов; форма венчика; степень орнаментированности (количество строк узора в зоне); техника орнаментации; элементы узора, всего 40 признаков (см. табл. 11–15). В качестве исходных брались результаты статистической обработки по вышеперечисленным признакам керамики следующих объектов: раскопы 2, 3, 5 (совместно), раскоп 7 Рафайловского городища, Рафайловский Остров, Коловское городище, Верх. Ингальский Борок-1, Ингалинка-1, Речкинское-2 поселения.

По результатам кластер-анализа построена дендрограмма, в которой все памятники разделились на три группы (рис. 50). Первую составляют раскопы на селище Рафайловского городища и Коловское городище; вторую – Рафайловский Остров и Верх. Ингальский Борок-1; третью – Ингалинка-1 и Речкинское-2 [Матвеева, 1988, с. 68]. Эти три группы являются именно хронологическими, а не локальными, так как в разных группах оказались памятники, расположенные практически на одной территории (Рафайловский комплекс), а в одной группе – отстоящие друг от друга на 60–100 км (рис. 50).

В группу I поселений, кроме того, следует включить Прыговское городище и поселение Верх. Ингальский Борок-2, аналогичные по основным чертам керамического комплекса Рафайловского городища. Эти памятники могут быть датированы V–IV вв. до н. э. или V – началом III в. до н. э. Дата определяется по Рафайловскому городищу, в раннем жилище 1 (камера 3) которого найдены два бронзовых наконечника стрел – один трехгранный с выступающей, другой – со скрытой трехгранной втулкой и шипами, наиболее характерные для V–IV вв. до н. э., в других – еще два базисных бронзовых наконечника типов 18, 19, по К. Ф. Смирнову, обломок савроматского каменного жертвенника на ножках [Смирнов, Петренко, 1963, табл. 30–35]. В пользу ранней даты, хотя эти наконечники, вероятно, бытовали до III–II вв. до н. э., можно выдвинуть несколько соображений. Во-первых, участок ранней застройки перекрыт саргатским курганом, датированным по бронзовым, трехгранным, со скрытой трехгранной втулкой, дугообразным вырезом базы и шипами наконечников стрел (см. табл. 28) и округлой бусине глухого красного стекла (см. табл. 30) III в. до н. э. Во-вторых, датировать Рафайловский курган II в. до н. э. нет оснований, так как уже в погребениях Тютринского могильника III–II вв. до н. э. безусловно господствуют железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, здесь не встреченные. Судя по мощности культурного слоя и неоднократным перестройкам, жизнь на городище и селище продолжалась около 150–200 лет. Таким образом, наиболее приемлемая дата для городища и всех памятников I группы – конец V–IV вв. до н. э.

Таблица 51

Матрица расстояний между саргатскими поселениями в 40-мерном пространстве признаков

№ п/п	Памятник	1	2	3	4	5	6	7
1	Речкинское-2	—	0,831	0,778	0,823	0,896	0,952	0,981
2	Верх. Ингальский Борок-1	7,685	—	0,966	0,721	0,851	0,899	0,950
3	Ингалинка-1	7,190	8,924	—	0,859	0,871	0,989	0,986
4	Рафайловский О- стров	7,605	6,666	7,944	—	0,817	0,754	1,000
5	Коловское	8,284	7,867	8,055	7,550	—	0,751	0,788
6	Рафайловское, раско- пы 2-5	8,803	8,309	9,141	6,972	6,941	—	0,785
7	Рафайловское, рас- коп 7	9,063	8,778	9,109	9,238	7,287	7,253	—

Саргатская керамика этого периода из Притоболья в отличие от однокультурной с других территорий имеет короткие шейки, резко отогнутые наружу или прямые, иногда даже слегка дугообразно выгнутые, с прямым срезом венчика. Оформление производилось в основном в резной технике при применении крупнозубого гребенчатого штампа (20–25 %) и шнура (4–18 %). Среди элементов узора преобладают горизонтальные и наклонные линии, многорядовой зигзаг, горизонтальная и вертикальная „елочки” (см. рис. 36, 45). В орнаментах только этого этапа присутствуют S-видные шнуровые линии, зато такие традиционно саргатские элементы, как фестоны, трилистники, решетка, сгруппированные ямки и отрезки прямой линии, играют незначительную роль. Все это – результат привнесения в саргатскую среду кашинской (крупногребенчатой) и прыговской (шнуровой) традиций оформления керамики, связанные с памятниками южно-таежного населения эпохи раннего железа [Викторова, Кернер, 1988, с. 135–136].

Ранние жилища этого этапа – малые двухкамерные, с намечающимися перегородками, выступами в стенах. В дальнейшем жилища ус-

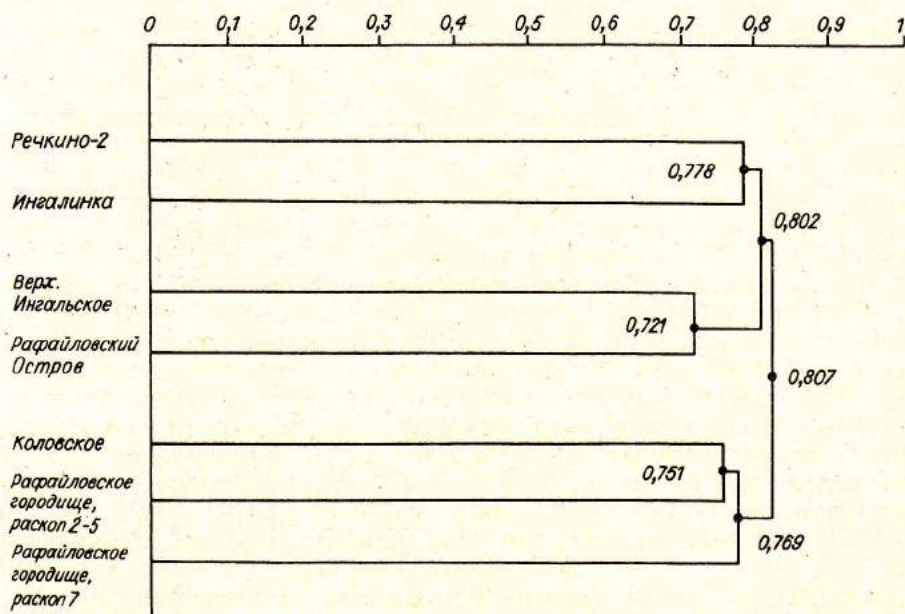

Рис. 50. Дендрограмма керамических комплексов саргатских поселений Среднего Притоболья.

сложняются, становятся многокамерными, сложной конфигурации, с длинными коридорами, специализированными помещениями, сопровождаются отдельными хозяйственными постройками.

В группу II поселений кроме Рафайловского Острова и Верх. Ингальского Борка-1 мы, исходя из общего облика керамики и близости построек, считаем возможным включить поселение Белоярское XII. Все эти памятники предположительно можно датировать III-I вв. до н. э. Нижняя дата определяется по поселению Рафайловский Остров, где найдена синяя глазчатая бусина с желтыми ободками глазков IV-II вв. до н. э., и, вероятно, синхронному с ним кургану Рафайловского городища, датированному примерно началом III в. до н. э. Поскольку Рафайловский Остров коррелируется в Верх. Ингальским Борком-1, то намечается тенденция в развитии керамики к уменьшению доли гребенчатых узоров (до 3 %), исчезновению S-видных фигур и шнуровой техники. Шейки сосудов становятся более высокими и прямыми, увеличивается доля отличительных саргатских элементов орнаментики: хаотичных ямок, „птичек“, фестонов, сгруппированных наколов и отрезков прямой линии. Происходит ассимиляция иноэтнических южно-таежных элементов, ранее включенных в саргатскую среду. Жилища – каркасно-столбовые, почти правильных подквадратных очертаний, одно- или двухкамерные, следов перестроек не имеют, что может отражать возросшую подвижность населения. В Нижнем Притоболье, как мы видели на примере Мысовского-3 [Буслова, Дрябина, Зах и др., 1989, рис. 3], Дуванских поселений [Корякова, 1988, 137], сохраняются многокамерные полифункциональные постройки.

Поселения группы III датируются нами по селищу Речкинское-2, где найдена подвеска из египетского фаянса I-II вв. н. э. [Корякова, 1988, рис. 21, 1]. Сюда кроме поселения Ингалинка-1 следует включить близкое по облику керамики селище Речкинское-1. Посуда этого периода наиболее близка саргатской из Приишимья, Прииртышья и Барабы. Уменьшается количество горшков с короткой отогнутой шейкой, шейки сосудов преимущественно высокие прямые или резко вогнутые вовнутрь, венчики округлые или заостренные, отогнутые (см. рис. 41, 42). Больше становится узоров на плечиках; техника преобладает резкая и накольчатая, меньше оттисков гребенчатого штампа. В этой группе больше всего фестонов по плечикам, „птичек“, столбиков из параллельных отрезков, сгруппированных ямок и насечек и других характерных саргатских узоров, чем в предыдущих.

Жилища, известные на поселениях Речкинское-2 и Ингалинское, – одно- и двухкамерные, соединенные короткими коридорами или без них, из двух смежных помещений, пристройки-выступы в стенах отсутствуют. Аналогичные сооружения исследованы на поселении Ипкуль XV и датируются IV-V вв. н. э. [Корякова, Морозов, Суханова, 1988, с. 120]. Пока еще весьма приблизительно, на наш взгляд, намечается тенденция к упрощению архитектурных решений жилищ, что связано, вероятно, с меньшим сроком использования поселений.

Хронологические группы, полученные в результате анализа керамических и жилищных комплексов, в целом соответствуют хронологическим группам саргатских погребений, выявленным в ходе корреляционного анализа признаков погребального обряда. Здесь наметились также три группы памятников.

В группу I включены 30 погребений могильников Красногорский-1, Раскатиha, Язевский, Рафайловский, Воробьевский, Шикаевка и Лисья Гора. Погребальный обряд характеризуется одиночными захоронениями под центром насыпи (80 % всех курганов). Они окружены одним замкнутым многоугольным рвом. Для этой группы характерны прямоугольные широкие и глубокие могилы, а также подквадратные и округло-овальные. Стенки ям преимущественно отвесные, но много наклонных, редко встречаются заплечики, ступеньки, ниши, канавки. Господствующие ориентировки: северо-северо-запад, север и северо-запад. Из предметов

культы используются каменные жертвенные плиты. Группа I датирована нами V – началом III в. до н. э. Нижняя дата определяется погреб. 1 кург. 17 могильника Красногорский-1, погреб. 1 кург. 4 могильника Шикаевка и могильника Раскатиха, отнесенным к V–IV вв. до н. э. по бронзовым трехгранным наконечникам стрел с выступающей втулкой, большой серии бронзовых трехгранных наконечников стрел с внутренней трехгранной втулкой (18-й, 19-й типы по К. Ф. Смирнову) с треугольной или сводчатой головкой и шипами, бронзовых трехгранных базисных, с пирамидальной головкой (13-й тип К. Ф. Смирнова), бронзовому трехлопастному черешковому наконечнику со сводчатой головкой [Смирнов, 1961, с. 56–58], литому бронзовому крючку, золотым бляшкам с изображением свернувшегося хищника волчьего облика, птице-грифу [Потемкина, 1975, с. 10], бронзовому котлу полусферической формы на воронковидном поддоне с двумя вертикальными ручками и гвоздевидным выступом на них [Боковенко, 1981, с. 49]. Верхняя дата определяется по находкам из Язевского и Воробьевского могильников, отнесенных исследователями к IV–III вв. до н. э., а также с учетом группировки наборов инвентаря, проведенной Л. Н. Коряковой [1981, с. 106]. В погребениях Язевского и Воробьевского могильников найдены: трехгранные бронзовые наконечники стрел со скрытой втулкой, костяные трех- и четырехгранные втульчатые наконечники, железные трехлопастные черешковые наконечники (см. табл. 28), костяные панцирные пластины, синие глазчатые и черные кубические, с желтым зигзагом бусы (см. табл. 30).

Группу II составили 40 погребений Прыговского-1, Тютринского (кург. 6–10), Памятного (погреб. 5, кург. 1), Красногорского-2, Савиновского могильников. Погребения расположены компактной группой под центром насыпи. Они окружены одним рвом, который мог быть расширен и углублен при вводе новых захоронений. Преобладают прямоугольные широкие ямы, много узких, сохраняются подквадратные камеры. Круглые и овальные ямы исчезают. Стенки могильных ям, как правило, отвесные, наклонные почти не встречаются. У 12 % ям имеются заплечики, ступеньки встречаются чаще, чем в группе I, – 19 %. Около половины всех погребений ориентировано на северо-запад и северо-северо-запад, третья часть – на северо-северо-восток и северо-восток, нет ориентированных на север погребений, единичны ориентированные в другие стороны. Среди культовых вещей появляются глиняные и каменные курильницы и зеркала. Погребения этой группы могут быть датированы второй половиной III–I вв. до н. э. Нижняя дата определяется по найденным вместе железным трехлопастным черешковым и бронзовым трехгранным втульчатым наконечникам; по прямым железным с восьмериковидным расширением костяным двудырчатым брусковидным палиям; бусам стеклянным, с внутренней позолотой, цилиндрическим и бугорчатым из многоцветного стекла: синим глазчатым, с черной биконической с коричневой полосой и кубической с желтыми зигзагами; золотой реберчатой бусине (см. табл. 30), полусферической литой бронзовой бляшке [Смирнов, 1976, с. 131]; железным мечам с серповидным навершием и брусковидным перекрестием; „ритуальным молоточкам” [Мошкова, 1963, с. 6]; курильницам среднесарматской стадии (см. табл. 31); бронзовому плоским гравированным зеркалам [Хазанов, 1963, с. 60]; бронзовому кельту группы II западно-сибирского типа [Чернецов, 1947, с. 71]; станковой среднеазиатской фляге. Верхняя дата определяется по округлым, эллипсоидным и призматическим бусам из голубого, желтого, зеленого одноцветного стекла, зеркалу с ручкой-штырем и валиком по краю [Хазанов, 1963, с. 63].

Эта группа неоднородна, в ней выделяются ранние памятники – III–II вв. до н. э. и поздние – II–I вв. до н. э. Среди ранних еще много одномогильных курганов, есть подквадратные и овальные, прямоугольно-овальные могильные ямы (Тютринский, Прыговский могильники), тогда как в Савиновском могильнике их уже нет. Если в Прыговском и Тютринском могильниках могилы ориентированы на северо-северо-запад,

северо-запад и северо-восток, то в Савиновском могильнике мы уже видим зарождение круговой ориентировки могил под курганом.

В группе III насчитывается 34 погребения из могильников Тютринский (кург. 1-5; погр. 3, 4 кург. 10), Савиновский (погр. 3, 4 кург. 5; погр. 2 кург. 7), Красногорский Борок и Памятный. Погребальный обряд характеризуется многомогильностью и круговым расположением погребений над насыпью вокруг центрального. Увеличивается количество рвов; оно, за редким исключением, соответствует количеству захоронений в кургане. В центральной части на дневной поверхности появляются обширные кострища до 10 м в диаметре, возможно, это результат поджога деревянных конструкций надмогильного сооружения. Могильные ямы этой группы, как правило, узкие, редко широкие, единичны овальные. Возрастает количество могил с выступами, нишами в стенках, канавками на дне. Причем в отличие от продольных канавок, встречающихся в погребениях двух первых групп, и предназначенных, очевидно, для инвентаря и организации возвышения под тело покойного, поперечные находятся в головах и ногах покойного. Возможно, поперечные канавки делали для ножек погребального ложа или деревянных подголовников (в том случае, если канавка только в головах). Ориентировка неустойчива, почти одинаково часто встречаются северо-западная, реже северная и западная. Увеличивается количество помещаемой в могилы утвари: до пяти сосудов, нескольких десятков бус; появляются специальные ниши для инвентаря.

Группа погребений III датируется нами I-III вв. н. э. по бронзовым зеркалам с валиком по краю, ручкой-штырем и конической выпуклиной в центре [Хазанов, 1963, с. 65], кинжалам без навершия и перекрестья (см. табл. 27), амулету из египетского фаянса, изображающему Гарпократа, бочковидным с валиками на концах бусам из стекла с внутренней позолотой и 14-гранным шпинелевым, цилиндрическим бусам из египетского фаянса, фиолетовой дольчатой бусине из египетского фаянса, одноцветным бусам типов 25, 33, 35, 40 (см. табл. 30). Бронзовый сферический котел на прорезном поддоне с горизонтальными ручками и валиковым орнаментом хуннского типа [Матвеев, Матвеева, 1988, с. 242], относящегося к рубежу эр – первым векам нашей эры, определяет нижнюю хронологическую границу для погребения этой группы, верхнюю – II-III вв. – намечают плоские наконечники ремней [Максименко, Безуглов, 1987, с. 190], пряжка бронзовая с подвижным язычком, овальным приемником и разомкнутой трапецевидной рамкой [Вязьмитина, 1954, с. 69; Сорокин, 1977, с. 63].

Радиоуглеродные даты погребений и бревенчатых конструкций в насыпях Тютринского и Савиновского могильников (табл. 51), за исключением нескольких слишком древних, не выходят за рамки I-II вв. н. э.

Таким образом, анализ изменения погребального обряда, керамики, наборов инвентаря, жилых сооружений и стратиграфии поселений позволил нам выделить три хронологические группы памятников, которые мы считаем возможным рассматривать как этапы развития саргатской культуры в Среднем Приобье.

Первый этап – конец V – начало III в. до н. э. характеризуется долговременными поселениями, одно- и многокамерными жилищами сложной конфигурации (каркасно-столбовыми со срубными пристройками) и одиночными захоронениями в курганах, окруженных многоугольным замкнутым рвом, ориентированными на север и северо-запад. Специфика керамики этого периода определяется инновациями-узорами, выполненными крупнозубой гребенкой и шнуром.

Второй этап – вторая половина III-I в. до н. э. Характеризуется правильными четырехугольными каркасно-столбовыми жилищами, сравнительно недолговременными поселениями, кучным расположением могил под центром насыпи, северо-западной и северо-восточной ориентировкой погребенных. В керамических комплексах увеличивается доля резных и накольчатых узоров, почти исчезают шнуровая и крупногребенчатая техника.

Таблица 52

Радиоуглеродные даты могильников Среднего Притоболья

Шифр образ- ца	Могильник	Абсолютная дата по C_{14}	Возраст, лет
Ле-2281	Тютринский, кург. 6, погр. 3	2620 ± 40	670 до н. э. ± 40
Ле-2282	Савиновский " 7 " 1	1800 ± 40	150 н. э. ± 40
Ле-2283	" " 2 " 1	2780 ± 40	830 до н. э. ± 40
Ле-2284	" " 5 " 2	2760 ± 40	810 до н. э. ± 40
Ле-2285	" " 6 " 1	3780 ± 40	1830 до н. э. ± 40
Ле-2286	" " 5 " 3	1960 ± 40	10 н. э. ± 40
Ле-2287	" " 3, конструкция в насыпи	1930 ± 40	20 н. э. ± 40
Ле-2288	Савиновский " 4, конструкция в насыпи	1810 ± 40	140 н. э. ± 40
Ле-2289	Тютринский " 4, погр. 4	1980 ± 40	30 до н. э. ± 40
Ле-2290	" " 3 " 7	1690 ± 40	260 н. э. ± 40
Ле-2291	" " 1, конструкция в насыпи	3010 ± 40	1060 до н. э. ± 40
Ле-2292	Тютринский, " 3, погр. 4	1670 ± 40	280 н. э. ± 40
Ле-2293	" " 2 " 1	500 ± 40	1450 н. э. ± 40

Третий этап, несмотря на имеющиеся по лесостепному Притоболью данные, ограничивающие его II–III вв. н. э., следует определять более широко – I–V вв. н. э., поскольку саргатская культура продолжает существовать, как это демонстрируют могильники Нижнего Притоболья, Приишимья и Прииртышья [Корякова, 1988, с. 86; Матвеева, 1991а, с. 140]. Этот этап характеризуется одно- и двухкамерными жилищами с короткими коридорами или смежными помещениями, более разреженными узорами керамики. Посуда поселений сближается по орнаментике с посудой из могильников. Погребальный обряд отличается многомогильностью и круговым расположением могил под насыпью, появляется обряд сооружения нескольких рвов, усиливаются проявления огненного культа, увеличивается количество сопроводительного инвентаря.

Намеченная нами периодизация саргатской культуры Среднего Притоболья не включает временной отрезок с VII до VI в. до н. э. – этап ее формирования, протекавший на других территориях. Первый этап развития культуры мы считаем возможным датировать с V в. до н. э., поскольку к концу его саргатская культура предстает перед нами уже сложившейся. По основным признакам памятники V в. до н. э. близки к памятникам IV – начала III в. до н. э. Этот этап в Притоболье должен соответствовать второму этапу развития саргатской культуры в целом. Вывод Л. Н. Коряковой о необходимости разграничения памятников начала III в. до н. э. и второй половины III в. до н. э. мы считаем весьма существенным, он согласуется и с нашими наблюдениями. Два последующих этапа с некоторыми уточнениями в датировке более соответствуют этапам, выделенным В. А. Могильниковым, поскольку в Среднем Притоболье отмечаются значительные изменения в погребальном обряде на рубеже эр – в первые века нашей эры.

САРГАТСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ СОСЕДИ

Население саргатской культуры во второй половине I тыс. до н. э. занимало большую часть западно-сибирской лесостепи, включая Зауралье, Тобол-Ишимское междуречье, Ишимскую и Барабинскую степи, оно проникало далеко на север и юг – вплоть до широт Тобольска в таежную зону и до Мамонтово в лесостепном Алтае [Иванов, 1991]. Несмотря на столь широкий ареал, памятники саргатцев концентрируются в ос-

новном большими массивами в долинах крупных рек: Тобола с Исетью, Ишима, Иртыша с Омью. Учитывая особенности этих районов, исследователи выделяют в саргатской общности объединения другого таксономического уровня – локальные варианты, в том числе притобольский, пришимский, прииртышский, барабинский (см. [Корякова, 1977, 1988; Полосьмак, 1987; Матвеева, 1987б]).

Пока еще не сложилось представление о том, что же скрывается за монолитностью и устойчивостью саргатских культурных традиций, их единообразным развитием и особенностями отдельных районов: историко-культурная общность, сложившаяся в результате интеграции близких хозяйственно-культурных типов и консолидации в рамках единых социально-политических образований родственных по происхождению народов или длительно существовавшая политическая структура раннепотестарного характера, включавшая разнотническое население с разными хозяйственно-культурными особенностями. Возможна трактовка саргатской общности как этнокультурной, являвшейся результатом становления этнополитического союза [Корякова, 1991, с. 7]. По мнению Л. Н. Коряковой, локальные варианты отражают племенные и диалектные различия. Эта интерпретация восходит к Н. Н. Бортвину, П. А. Дмитриеву, В. Н. Чернецову, ее развивают В. А. Могильников [1972б, 1973а] и ряд других исследователей. Предположения о полиэтничности характера этого культурного образования высказывают Н. П. Матвеева [1991в] и В. И. Матющенко [1991], такая точка зрения ранее высказывалась и Л. Н. Коряковой [1988, с. 169].

Рассмотрим, в какой мере специфику развития саргатских коллективов определяют культурные связи с населением сопредельных территорий. В Среднем Притоболье наиболее тесными были контакты саргатских племен с их западными соседями – носителями гороховской культуры. Эти связи нашли отражение в общих чертах домостроительства: двухкамерность, наличие длинных коридорообразных выходов, каркасно-столбовых конструкций с использованием техники заплота. Много общего и в керамике: господство круглодонных бомбовидных горшков с высокой шейкой и резным узором, элементы орнаментации – „елочка“, зигзаги, фестоны, сгруппированные насечки, зашпы. Общими для обеих культур являются и некоторые мало распространенные виды инвентаря: бронзовые трехгранные наконечники с трехгранной внутренней втулкой, характерные для Зауралья, наконечники с рельефным крестовидным узором на гранях. О постоянных контактах носителей саргатской и гороховской культур свидетельствует взаимовстречаемость керамики этих типов. Практически на всех саргатских поселениях обнаружена гороховская керамика, и наоборот. Анализ распределения керамики с Рафайловского городища по типам, сосружениям и горизонтам показывает, что гороховские черепки встречаются во всех объектах и на протяжении всего периода функционирования городища, но больше ее в ранний период – V–IV вв. до н. э. Гороховское влияние на саргатскую гончарную традицию сказывается в появлении керамики, содержащей в тесте наряду с шамотом и песком небольшую примесь талька. В III–II вв. до н. э. эти связи продолжают сохраняться. В погр. 3 кург. 6 Тютринского могильника обнаружена ориентированная на юго-запад могила женщины с гороховским сосудом. Погребение совершено еще до возведения насыпи, т. е. почти одновременно с другим, саргатским. В могилах кург. 7, 8 вместе с типично саргатской по составу теста посудой обнаружены сосуды, сходные с ней по исполнению, но отличные по составу формовочной массы (с небольшим или значительным количеством талька), найдены курильницы из талкового теста. В кург. 2 Савиновского могильника зафиксировано женское погребение с гороховским сосудом, датирующееся после II в. до н. э. Но с течением времени эти контакты ослабевают. Уже во II в. до н. э. гороховской керамики почти нет на саргатских поселениях. Основная часть гороховских племен еще раньше, в IV–III вв. до н. э., видимо, отко-

вала из Притоболья на Южный Урал, а оставшиеся группы были ассимилированы [Мошкова, 1974, с. 38; Матвеева, 1987б, 1991б]. Контакты гороховцев и саргатцев не всегда были мирными. Именно на начальном этапе их соседства возникало большинство известных городищ на Нижней и Средней Исети и левобережье Тобола. Длительно соседствуя и ведя отличный от саргатцев образ жизни (полукочевой), гороховцы долго сопротивлялись ассимиляции, что отразилось в сложности их фортификаций, сохранении своих домостроительных и гончарных традиций, особенностей хозяйственного инвентаря. Это заставляет рассматривать их контакты как межэтнические, в которых гороховские племена представляли юго-западную группу угров и, возможно, даже являлись ядром образовавшейся на Южном Урале прамадьярской общности [Матвеева, 1991б].

Связи носителей саргатской культуры с сарматами были довольно тесными. Об этом можно судить по сходству таких деталей погребального обряда, как бревенчатые сооружения, кострища, захоронения коня, составу погребального инвентаря [Могильников, 1972б, 1981; Корякова, 1977]. По мнению Л. Н. Коряковой и С. М. Поповой, это сходство обусловлено как устойчивыми связями южно-уральского и среднетобольского регионов, сложившимися еще в эпоху бронзы [1987, с. 42], так и прямым проникновением в VI-IV вв. до н. э. в лесостепь кочевников Южного Урала, связанным с оживлением политической активности и формированием дахо-массагетского и исседонского союзов племен [Смирнов, 1984, с. 116], включавших и население Зауралья [Корякова, 1988, с. 161]. Аналогичная активизация сармато-саргатских контактов, по мнению Л. Н. Коряковой, происходила и в III-II вв. до н. э. в связи с подвижками населения азиатских степей, вызванными завоевательными походами хунну [1988, с. 163]. Однако В. А. Могильников датирует эти подвижки II в. до н. э. – I в. н. э. [1991, с. 13]. С нашей точки зрения, следует поддержать гипотезу Л. Н. Коряковой.

В памятниках саргатских племен Среднего Притоболья много инвентаря типично сарматских форм, в частности оружия, зеркал, жертвенников, курильниц. Через сарматов к племенам саргатской культуры поступали, видимо, бусы северопричерноморского происхождения, египетский фаянс. Столь интенсивный приток импортных изделий в лесостепь объясняется, вероятно, тем, что среднетобольские племена примыкали к политическому союзу сарматов и совершали с ними военные походы и торговые экспедиции в Среднюю Азию. Об этом свидетельствует найденный в Зауралье серебряный сосуд с хорезмийской тамгой. Правда, К. В. Сальников, опубликовавший находку, считал ее доказательством существования даннического отношения Зауралья к Хорезму [1952]. Но нам кажутся более убедительными доводы О. В. Обельченко [1961, с. 174], рассматривающего этот сосуд как отзвук проникновения сарматских (и зауральских) племен в Среднюю Азию. Хорезм в IV-II вв. до н. э. неоднократно подвергался вторжению кочевников с севера [Гудкова, Манылов, 1979, с. 40] и мог подпасть под власть сарматов или находиться в политической зависимости от них и их союзников.

Обнаруженные в саргатских могильниках украшения из драгоценных металлов (сердолика, шпинели, египетского фаянса, стекла) свидетельствуют об очень широких и достаточно прочных связях населения Среднего Притоболья с определенными территориями на юге – Казахстаном и Средней Азией. Именно из Средней Азии были привезены граненые бочковидные сердоликовые бусы, палочки для сурьмления глаз, некоторые виды пряжек, браслеты, станковая глиняная фляга, обломки кружальных красноглиняных тарных сосудов. Через Среднюю Азию, видимо, поступала индийская шпинель и значительная часть стеклянных бус.

Саргатское стекло из могильников Среднего Притоболья по своему

химическому составу делится на три типа*: первый – восточное с высоким содержанием алюминия, изготовленное на основе щелочного сырья и золы солончаковых растений; второй – античное, или египетское, сваренное на щелочном сырье и природной соли; третий – индийское, зольное (калиевое) с малым содержанием кальция (табл. 53). Стекло первого типа бытовало в странах Древнего Востока: Иране, Двуречье, Малой и Средней Азии. В Сибирь бусы из такого стекла поступали из Средней Азии и Казахстана. Стекло второго типа характерно для мастеров Средиземноморья, его рецептура была известна и греческим ремесленникам в Северном Причерноморье. Стекло этого типа бытовало до средневековья и получило весьма широкое распространение [Галибин, 1985а, с. 44]. Стекло третьего типа в памятниках Сибири встречается редко, здесь оно известно в памятниках I в. до н. э.: Иволгинском, Дыргестуйском, Быстровка-4, Береш [Там же, с. 45]. По мнению В. А. Галибина, бусы из стекла третьего типа были изготовлены в одной мастерской, существовавшей недолго, и попали в Западную и Восточную Сибирь в начале функционирования Великого шелкового пути, около I в. до н. э., возможно из Индии.

Культурные связи с саками Казахстана документируются многочисленными параллелями в погребальном обряде: бревенчатых настилах под насыпями [Хабдулина, 1976, с. 16–17; Зданович, Иванов, Хабдулина, 1984, с. 41; Кадырбаев, 1984, с. 85], многоугольных постройках [Кадырбаев, 1984, с. 86], деталях устройства могильных ям: канавках вдоль стен, перекрытиях на столбах, возвышениях [Зданович, 1969, с. 71; Вишневская, 1973, с. 60; Кадырбаев, 1984, с. 89], культе огня, составе погребального инвентаря [Вишневская, 1973, с. 66].

Определенные контакты саргатские племена имели и с хунну. Об этом свидетельствует найденный в Савиновском могильнике бронзовый полусферический котел на прорезном поддоне с горизонтальными ручками и туловом, украшенным валиковым орнаментом и фигурками-фестонами, разделенным на четыре зоны (см. [Гришин, 1960; Руденко, 1962а; Максимова и др., 1968; Давыдова, 1971; Takats, 1955]). По многим морфологическим признакам он близок к хуннским изделиям, обнаруженным в Северном Китае, Монголии, Корее, Европе. По химическому составу (см. рис. 41) этот котел и бляшки из погр. 3 кург. 5 Савиновского могильника резко отличается от других металлических находок из саргатских памятников. Они изготовлены из сплавов, которые содержат в качестве легирующего элемента цинк в сочетании с оловом и свинцом. Подобные сплавы не использовались в Приуралье, Западной Сибири и Забайкалье, но характерны для бронз Ордоса и Монголии [Миняев, 1983]. Хуннские и тагаро-таштыкские аналоги можно найти и некоторым другим предметам саргатского инвентаря: псалям, бляшкам, пряжки от конской сбруи, ложечковидные застёжки (см. рис. 8, 31, 33).

Следует отметить и существование у саргатцев и северо-западных связей, вероятно, через население Северо-Восточной Башкирии, – с носителями ананьинской культуры. Еще В. Н. Чернецов [1947] и К. В. Сальников [1965] отмечали сходство западно-сибирских кельтов с ананьинскими, близкие многокамерные жилища.

Большое количество памятников в северной части лесостепи Тобол-Ишимья, в которых кашинская крупноребенчатая и шнуровая орнамента встречается наряду с саргатской (Ипкуль, Дуван III, IV, Мысковское-3, Рафайловское, Прыговское городища, Верх. Ингальский Борок-2 и др.), свидетельствует о существовании и взаимовлиянии разноэтничного населения в контактной зоне южной тайги. Зачастую саргатские и кашинские черепки на поселениях не разделяются ни стратиграфически, ни планиграфически. Как прослежено на Рафайловском городище, рез-

* Автор приносит искреннюю благодарность В. А. Галибину, сделавшему химический анализ и составившему технологическую классификацию стеклянных бус.

Таблица 53

Результаты качественного спектрального анализа стеклинных бус из саргатских могильников Среднего Притобья

Шифр	Цвет	Тип	Al ₂ O ₃	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Fe ₂ O ₃	TiO ₂	MnO	PbO	CuO	SnO ₂	Sb ₂ O ₃	Ag ₂ O	Au	CoO	NiO	Mo
Тютринский могильник																			
412/14	Бесцветный	1	5,1	15	5	12	3,8	1,1	0,13	0,00	—	0,002	—	—	0,06	—	—	—	—
412/15	"	2	1,8	18	—	8	0,9	0,9	0,1	1,0	0,03	0,003	0,005	0,08	0,02	+	—	0,009	+
412/16	"	2	2,1	15	—	9	0,7	0,45	0,05	1,0	—	0,001	—	—	0,007	+	—	0,006	+
412/17	"	2	2,1	13	—	8	0,95	1,1	0,09	2,7	0,03	0,003	0,005	0,12	0,03	+	—	0,009	+
412/18	"	2	2,5	15	—	10	1,2	0,8	0,15	2,2	0,009	0,002	—	—	—	—	—	0,009	+
412/19	Синий	2	2,0	15	—	7	1,2	1,8	0,09	1,5	0,35	0,3	0,006	0,3	—	—	0,35	0,009	—
412/20	"	2	2,8	14	—	10	1,2	1,9	0,09	2,1	0,28	0,25	0,006	0,27	—	—	0,55	0,012	—
412/21	Белый	2	3,3	1,8	—	15	4,2	2,1	0,15	0,33	—	0,006	0,015	0,15	0,12	+	—	0,03	—
412/22	Синий	2	2,9	15	—	12	1,3	2,5	0,13	2,4	0,15	0,35	0,011	0,15	—	—	0,45	—	+
412/23	Бесцветный	1	4	13	5	11	2,5	0,9	0,12	0,05	0,005	0,002	—	0,1	—	—	—	0,012	—
412/24	Фиолетовый	3	0,28	0,07	—	13	2,1	0,1	0,3	0,01	2,5	—	0,001	—	—	—	0,05	—	+
Тютринский могильник (погр. 3 кург. 8)																			
412/25	Синий	4	2,4	13	4,5	10	2,8	1,3	0,009	0,04	0,035	0,004	0,012	—	—	—	0,12	—	—
412/26	Черный	1	3,5	17	3,4	9	31	1,8	0,15	0,05	0,007	0,002	—	—	0,004	—	—	—	—
Тютринский могильник (погр. 5 кург. 5)																			
387/44	Бесцветный	3	0,9	0,11	11	3,7	0,35	0,35	0,55	—	0,017	—	—	—	—	—	—	—	0,003
Тютринский могильник (погр. 3 кург. 3)																			
412/31	Синий	3	2,5	15	—	12	0,85	2,9	0,04	1,0	0,15	1,5	0,008	0,05	—	—	0,4	0,015	—
412/32	Белый	2	2	12	—	12	0,65	2,5	0,03	0,65	0,16	0,45	0,02	1,4	—	—	0,45	0,03	—
Савиновский могильник (погр. 1 кург. 1)																			
412/27	Белый	1	5	—	—	Основ- ной	0,2	1,1	0,5	—	—	0,01	—	—	—	—	—	—	—
412/28	Красный	4	1	20	4	12	6	0,8	0,04	1,3	0,009	0,003	—	0,03	0,002	—	—	0,009	+
Красногорский Борок (погр. 2 кург. 2)																			
412/29	Бирюзовый	1	5,1	14	4	12	3,1	1,7	0,13	0,05	—	0,7	—	—	—	—	—	—	—
412/30	Бесцветный	1	6,5	13	3,5	12	4	1,4	0,12	0,04	0,008	0,001	—	—	0,04	—	—	—	—

ная и гребенчатая керамика встречаются в одних жилищах, но кашинской больше в постройках верхнего „строительного горизонта”. Нередко саргатский и кашинский типы орнаментики сочетаются на одном сосуде, близки жилища, что позволяет предполагать формирование кашинской культуры на основе местного досаргатского (баитовского?) населения при притоке каких-то приуральских групп под аккультурирующим влиянием саргатской общности (см. [Матвеева, 1990]). Межэтнический характер саргатско-кашинских контактов, как нам кажется, проявляется в различии техники и композиционных схем построения орнамента, а также погребальных ритуалов, предметов культа у этих групп населения, проживавших одновременно на пограничных территориях северной лесостепи и южной тайги. Возможно, кашинские поселенцы были данниками саргатцев. Этим можно объяснить отсутствие чисто кашинских городищ, случай массового захоронения умерших кашинцев во рву саргатского кургана в могильнике Абатский-3, проживание разнотипного населения в одних поселках.

Поскольку саргатская культура формировалась вне территории Среднего Притоболья и появилась здесь уже в сложившемся виде, наложившись на местную культуру начальной поры раннего железного века, то все эти факторы обусловили своеобразие ее развития в данном районе. Особенности материальной культуры саргатского населения Среднего Притоболья связаны, во-первых, с большой ролью, преимущественно на первом этапе развития культуры, местных, не полностью ассимилированных саргатцами групп населения. Это предположение подкрепляется и антропологическими отличиями притобольской краиниологической серии [Акимова, 1972, с. 151] от ишимской и иртышской. Во-вторых, локальная специфика Притоболья обусловлена в значительной мере инокультурным окружением и интенсивными контактами с ними, т. е. иным направлением культурных связей. В-третьих, обилие здесь привозных предметов, изделий из металла и украшений в отличие от других районов распространения саргатской культуры может свидетельствовать о том, что притобольские племена не только вели активную караванную торговлю, но и входили в состав политических объединений — племенных союзов, возглавлявшихся южно-уральскими кочевниками. Этими же причинами следует объяснять и обилие на наших памятниках среднеазиатских вещей, в частности посуды. Вместе с тем это аргументы в пользу существования в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. на юге Западной Сибири торгового пути, связывавшего ее через саков и усуней со Средней Азией и Южной Сибирью, через сарматов и племена Прикамья — с европейской территорией, Северным Причерноморьем.

Несомненно, что оседавшие в руках саргатской аристократии предметы роскоши, культа, привозная утварь, ткани и проч. поступали в Среднее Притоболье в обмен на коней, зерно, кожи, шкуры, меха. Сами саргатцы не занимались добычей пушнины на вывоз, но они в торговле ею были посредниками для таежных племен Тоболо-Иртышья, о чем свидетельствуют зеркала из Ханты-Мансийского музея, клады, содержащие привозные среднеазиатские и сарматские вещи (см. [Могильников, 1991]).

История развития саргатской культуры в Притоболье и на других территориях не позволяет рассматривать все население лесостепи в качестве единой этнической общности, тем более однозначно определять его как угорское или прамадьярское. В разных районах наблюдается различное сочетание отраслей экономики с традициями домостроительства и направленностью культурных связей. Многоотраслевое хозяйство с высокой ролью рыболовства и охоты в таежной зоне сочетается с постоянными поселками и домами усадебного типа, а также сезонными поселениями из малых жилищ; экономический уклад с преобладанием пастушеского животноводства с подсобным земледелием на севере лесостепи согласуется с более сложными постройками усадебного типа, длительно, иногда в течение нескольких веков, существовавшими поселениями. Полукоче-

течение нескольких веков, существовавшими поселениями. Полукочевое скотоводство на юге лесостепной зоны, в Северном Казахстане и Барабе/ сочетается с кратковременными сезонными поселениями, преобладающими в южной части саргатского ареала. Различная направленность связей (торговых и взаимобрачных, военно-даннических) с иноэтничным окружением способствовала формированию племенных, языковых и культурных различий. Например, в Притоболье они были ориентированы на запад, северо-запад и осуществлялись с гороховцами, кашинцами, сарматами, племенами Прикамья, тогда как в Прииртышье и Барабе — на юг и восток, с саками, усунями, юечжами, племенами Приобья и Алтая.

Усвоение саргатским населением отдельных элементов гороховского и кашинского гончарства, в том числе орнаментов, свидетельствует о включении инородных компонентов в культуру. Вместе с тем явно прослеживаемый местный компонент в керамике, домостроительстве, хозяйстве, погребальном обряде, восходящий к ирменской культуре поздней бронзы, указывает на содержание в саргатской восточно-иранских традиций, и возможно, восточно-иранского этнического субстрата. Следует учесть и повсеместно проявляющийся в археологических материалах более поздний ираноязычный компонент, связанный с прямой инфильтрацией сакских кочевников. Многовековое сохранение ряда конструктивных особенностей погребений в больших курганах, принадлежавших знати, позволяет считать, что эти погребальные традиции рассматривались как этноразличительные и социально престижные. Поэтому совершенно справедливо мнение Л. Н. Коряковой, считающей, что проникновение ираноязычных групп, видимо, сопровождалось установлением на первых порах даннической зависимости саргатского населения, а затем формированием аристократии, ведущей свою генеалогию от южных кочевников [1988, с. 157, 159]. Что же касается местного населения, многокомпонентного по своему происхождению, впитавшего традиции лесостепных и южно-таежных культур, неоднородного и в антропологическом отношении, то этническая принадлежность его весьма проблематична.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среднее Притоболье по своему физико-географическому положению представляет собой контактную зону между Уралом и Сибирью, а также между южной тайгой и степями Казахстана. Это определило особенно тесную взаимосвязь племен, населявших долину Тобола, с племенами Южного Урала (савромато-сарматы), горно-лесного и лесостепного Зауралья (носители иткульской, гороховской культур), Алтая, Казахстана и Средней Азии (саки, усунь, хунну, юечжи, Кангюй, Чач и др.), таежного Притоболья (носители кашинской культуры).

Продвинувшееся с востока в V–IV вв. до н. э. саргатское население вытеснило, а частью и ассимилировало автохтонов лесостепного Притоболья – носителей байтовской и гороховской культур. Завоевав обширные территории, саргатцы включили в орбиту своего влияния множество соседних народов, вероятно, подчинив и обложив их данью, включив в интенсивный торговый и взаимобращный обмен.

Историческое осмысление археологических фактов позволило уточнить ряд социально-экономических характеристик саргатских племен. Устойчивость и высокая политическая активность саргатской общности обеспечивались комплексным многоотраслевым хозяйством. В зависимости от локальных природных условий и колебаний климата складывались разные пропорции производящих и присваивающих отраслей с непременно доминирующим скотоводством. Причем на севере лесостепной зоны саргатцы жили в условиях оседлости и густонаселенности, занимаясь придомным животноводством, отгонным коневодством, земледелием, рыболовством, охотой, собирательством, ремеслами, в том числе металлообработкой и производством железа. Они унаследовали от предков и развили до новых форм технику многокамерного домостроительства и возведения деревянно-земляных укреплений и усыпальниц. В основе их социальной структуры лежала неразделенная семья, в которой видное место принадлежало женщине. Существовали институт половозрастных классов и сложная социальная иерархия. Выделяются три основных слоя: рядовое население, аристократия, видимо даже иноэтничная, и зависимые неравноправные люди (домашние рабы, наложницы). Большое место в общественной жизни играли война и военная организация.

Высокий уровень развития экономики, архитектуры и активные международные связи этого населения указывают, что саргатская эпоха была одной из вершин в культурном развитии древней Западной Сибири. Просуществовав около тысячелетия, саргатская общность внесла весомый вклад в сокровищницу материальной и духовной культуры последующих народов, в первую очередь в фундамент этнической культуры обских угоров.

Лишь немногие из народов Сибири в историческое время создавали свои государства. Но по археологическим данным можно судить о формировании обществ раннеклассового характера уже в предшествующий

период раннего железного века на территории Минусинской котловины, Алтая, Тувы (см. [Мартынов, 1987]), а также, видимо, в лесостепной зоне Тоболо-Иртышья. Прослеживаемая в вариациях погребального обряда социальная стратификация находит отражение в разнообразии поселений саргатцев, их сложной структуре. Такие крупные центры межплеменной торговли, как Рафайловский археологический комплекс (две цитадели, два селища и несколько мест захоронений) и Прыговский (городище, два селища, три могильника), безусловно, свидетельствуют о раннепотестарном характере общества. Грандиозные курганы, хотя и разграбленные, впечатляющие и теперь своими масштабами, поражают обилием помещавшегося в них имущества и размахом ритуальных церемоний и жертвоприношений.

Теперь уже не подлежит сомнению, что вещи Сибирской коллекции Петра I, этого уникального собрания древних ювелирных изделий, принадлежали в основном именно саргатской знати (см. [Матвеев, Матвеева, 1987; Матвеев, Маслякова, 1991]), разбогатевшей за счет дани с покоренных племен и прибылей международной караванной торговли. „Царские“ курганы саргатской культуры известны в Притоболье, но пока не исследовались. Раскопки их – важная и, думается, благородная работа, так как, конечно же, они оправдают самые смелые прогнозы и займут место рядом с сокровищницами сакских и сарматских вождей, позволят решить многие проблемы социальной и этнокультурной истории этой древней эпохи.

Многие памятники саргатской культуры раскопаны лишь рекогносцировочно, существенны пробелы в наших знаниях об этих племенах, почти неизвестны искусство, религиозные верования, динамика хозяйственных занятий, характер связей с государствами Средней Азии. Почти не изучены этноантропологический и демографический аспекты. Все это требует продолжения широких полевых исследований могильников и поселений саргатской культуры с привлечением всего комплекса средств смежных наук для уточнения и дополнения представлений об интересующих нас народах. Надо полагать, что проведение таких исследований откроет новые перспективы в изучении этнокультурной истории западно-сибирских народов и поможет определить их место в древней истории Евразии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ИИФиф СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии
Сибирского отделения АН СССР*
ИА АН СССР – Институт археологии АН СССР
ИЛАИ – Известия лаборатории археологических исследований Ке-
меровского университета
ИПОС СО АН СССР – Институт проблем освоения Севера Сибирского
отделения АН СССР
КА УрГУ – Кабинет археологии Уральского госуниверситета
КОКМ – Курганский областной краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры
ЛО ИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НГПИ – Новосибирский государственный педагогический институт
ПИДО – Проблемы истории доклассовых обществ
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография
ТГУ – Томский государственный университет
ТИИАЭ АН КазССР – Труды Института истории, археологии и этно-
графии АН Казахской ССР
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации
научно-исследовательских институтов общественных наук
ТюмГУ – Тюменский государственный университет
ТюмОКМ – Тюменский областной краеведческий музей
УАМ ТюмГУ – Учебный археологический музей Тюменского госуни-
верситета
УрГУ – Уральский государственный университет им. А. М. Горького

---

* Название учреждений приводится на период исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимов М. С. Антропология населения лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху раннего железного века // МИА. — 1972. — № 153. — С. 150—159.
- Акишев К. А. Памятники старины Северного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. — 1959а. — Т. 7: Археология. — С. 3—31.
- Акишев К. А. Саки Семиречья // ТИИАЭ АН КазССР. — 1959б. — Т. 7: Археология. — С. 204—214.
- Акишев К. А., Байпаков К. М. Вопросы археологии Казахстана. — Алма-Ата: Мектеп, 1979. — 280 с.
- Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. — 300 с.
- Алексеев В. Л. Палеодемография СССР // СА. — 1972. — № 1. — С. 21.
- Алексеев Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М.: Наука, 1975. — Ч. 1. — 120 с.
- Алексеев Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М.: Наука, 1978. — Ч. 2. — 120 с.
- Алексеев Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М.: Наука, 1982. — Ч. 3. — 104 с.
- Алексиин В. А. К изучению социальной структуры ранних кочевников Средней Азии (по материалам могильников) // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: Тез. совещания. — Л.: ЛО ИА АН СССР, 1975. — С. 74—80.
- Алексиин В. А. Погребальный обряд как исторический источник // КСИА. — М.: Наука, 1981. — Вып. 167. — С. 3—9.
- Артамонов М. И. Совместные погребения в курганах с окрашенными и скорченными костяками // ПИДО. — 1934. — № 7/8. — С. 108—125.
- Архипов С. А., Вдовин В. В., Мизеров Б. В., Николаев В. А. Западно-Сибирская равнина. История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока. — М.: Наука, 1970. — 279 с.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Стариков В. Ф. Мангазея. — М.: Наука, 1981. — Ч. 2. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. — 148 с.
- Бельтикова Г. В. Иткульские поселения // ВАУ. — 1977. — Вып. 14. — С. 119—133.
- Бельтикова Г. В. Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // ВАУ. — 1982. — Вып. 16. — С. 65—78.
- Бернштам А. Н. Основные этапы истории и культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. — 1947. — № 11. — С. 57—69.
- Бибикова В. И. К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила // СА. — 1973. — № 4. — С. 63—68.
- Бирюков В. П. Природа и население Шадринского округа. — Шадринск: Изд-во окр. исполкома, 1927. — 342 с.
- Боковенко Н. А. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в Азиатских степях // Проблемы западно-сибирской археологии эпохи железа. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 42—52.
- Борзунов В. А., Стоянов В. Е. Некоторые черты развития представлений о раннем железном веке Урала (к методике анализа памятников на примере гамаюнских городищ) // ВАУ. — 1981. — Вып. 15. — С. 27—40.
- Бортунов Н. Н. Доисторическое прошлое Курганского округа // Сборник материалов по изучению Курганского округа Уральской области. — Курган: Изд-во окр. исполкома, 1930. — Вып. 1. — С. 3—17.
- Борозна Н. Г. К вопросу о формировании семьи у полукочевых узбеков // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1978. — С. 41—54.
- Бунятян Е. М. Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников // Теория и методы археологических исследований. — Киев: Наукова думка, 1982. — С. 136—184.
- Бунятян Е. М. Методика социальных реконструкций в археологии. — Киев: Наукова думка, 1985. — 228 с.
- Буслова М. А., Зах Е. М., Дрябина Л. А. и др. Мысовской археологический комплекс раннего железного века // Западно-сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков / Том. гос. ун-т. — Тюмень, 1989. — С. 137—149.

- Васильев В. И. Проблема формирования северосамодийских народностей. — М.: Наука, 1979. — 243 с.
- Викторова В. Д., Кёрнер В. Ф. Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1988. — С. 129–141.
- Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. — 1952. — № 26. — С. 163–205.
- Вишневская О. В. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н. э. — М.: Наука, 1973. — 160 с.
- Воеводский М. В., Грязнов М. П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР // ДВИ. — 1933. — № 3. — С. 162–179.
- Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода // Тр. ХАЭЭ. — 1959. — Т. 4. — С. 107–119.
- Воронец М. Э. Отчет археологической экспедиции музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле ст. Вревской в 1947 г // Тр. музея истории народов УзССР. — Ташкент, 1951. — Т. 1, вып. 1. — С. 43–73.
- Возьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // Вопросы скифо-сарматской археологии. — М.: Наука, 1954. — С. 32–45.
- Галибин В. А. Спектральный анализ находок из Сумбарских могильников // Хлопин И. Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. — Л.: Наука, 1983. — С. 224–234.
- Галибин В. А. Особенности состава стеклянных бус Иволгинского могильника хунну // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск: Наука, 1985. — С. 37–46.
- Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. — Ижевск: Удмурткнигоиздат, 1958. — 192 с.
- Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Курганы у оз. Фоминцево // ВАУ. — 1969. — Вып. 8. — С. 90–102.
- Генинг В. Ф., Корякова Л. Н. Лихачевские и Черноозерские курганы раннего железного века Западной Сибири // СА. — 1984. — № 2. — С. 165–187.
- Генинг В. Ф., Корякова Л. Н. Комплекс раннего железного века на Чупинском поселении // КСИА. — 1985. — Вып. 184. — С. 52–60.
- Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Федорова Н. В. и др. Омское Прииртышье в железном веке // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. — С. 203–215.
- Генинг В. Ф., Позднякова М. К. Прыговское городище на р. Исети // ВАУ. — 1964. — Вып. 6. — С. 34–71.
- Голдина К. Д. Перечень работ УАЭ в 1963 г. // ВАУ. — 1969. — Вып. 8. — С. 7–20.
- Голубева Л. А. Зооморфные украшения фино-угров // САИ. — М.: Наука, 1979. — Вып. ЕИ-59. — 112 с.
- Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ ЕИ-59. 1947. — № 3. — С. 100–121.
- Граков Б. Н. Бронзовая рукоятка меча из-под Муромы // СА. — 1961. — № 4. — С. 140–147.
- Граков Б. Н. Скифы. — М.: Наука, 1964. — 240 с.
- Грач А. Д. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя // Социальная история народов Азии. — М.: Наука, 1975. — С. 158–182.
- Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. — М.: Наука, 1980. — 256 с.
- Грач А. Д. Историко-культурная общность раннескифского времени в Центральной Азии // АСГЭ. — 1983. — Вып. 23. — С. 30–35.
- Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении // Изв. АН КазССР. Сер. археол. — 1948. — Вып. 1. — С. 46–60.
- Грицай Е. В., Грицай Е. П. Убой скота и разделка туш. — М.: Легкая и пищевая промышленность, 1983. — 207 с.
- Гришин Ю. С. Производство в тагарскую эпоху // МИА. — 1960. — № 90. — С. 116–196.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби // МИА. — 1956. — № 48. — 228 с.
- Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. — Л.: Наука, 1980. — 62 с.
- Гудкова А. В., Манылов Ю. П. Хорезм и его северные соседи в раннеантичное время // Тез. докл. Всесоюз. науч. совещания „Античная культура Средней Азии и Казахстана“. — Ташкент: Фан, 1979. — С. 38–41.
- Давыдова А. В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. — 1971. — № 1. — С. 93–105.
- Дмитриев П. А. Мысовские стоянки и курганы // ТСА РАНИОН. — 1928. — Вып. 4. — С. 61–68.
- Дремев В. А. Антропология Верхнего Приобья в эпохи неолита и бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР. Ин-т этнографии. — М., 1981. — 24 с.
- Задыкина К. Л. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // Родовое общество: (ТИЭ, т. 14). — М., 1951. — С. 161–180.
- Зарандия Н. Г., Паин Э. А. К проблеме сохранения народного зодчества (на примере грузинского сельского жилища) // СЭ. — 1986. — № 4. — С. 143.
- Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. — 1952. — № 30. — 326 с.
- Зданович Г. Б. Покровский могильник на р. Ишим // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1969. — С. 76–88.
- Зданович С. Я. Новые материалы к истории скотоводства в Зауралье и Северном Казахстане в эпоху финальной бронзы // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. — Уфа: Башкир. филиал АН СССР, 1981. — С. 44–56.

- Зданович Г. Б., Иванов И. Б., Хабдулина М. К. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования // СА. — 1984. — № 4. — С. 35–48.
- Зиняков Н. М. Железообрабатывающее производство саргатской культуры // Проблемы изучения саргатской культуры. — Омск: Омск. ун-т, 1991. — С. 52–60.
- Зубаков В. А. Палеогеография Западно-Сибирской низменности в плейстоце и позднем голоцене. — Л.: Наука, 1972. — 200 с.
- Иванов Г. Е. Саргатская керамика с поселения Островное III // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул: Алт. ун-т, 1991. — С. 118–119.
- Ильинская В. А. Поселение времени поздней бронзы у с. Бабаино // КСИА. — 1955. — Вып. 5. — С. 19–22.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия // Археология Украинской ССР. — Киев: Наукова думка, 1986. — Т. 2. — С. 43–128.
- Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья. — М.: Наука, 1977. — 240 с.
- Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. — 1956. — Т. 7. — С. 162–203.
- Кадырбаев М. К. Курганы Котанзмеля // Первобытная археология Сибири. — Л.: Наука, 1975. — С. 127–132.
- Кадырбаев М. К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М.: Наука, 1984. — С. 84–93.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. — 1949. — № 9. — 364 с.
- Ковпаненко Т. Г. Сарматское погребение в Соколовской могиле // Скифия и Кавказ. — Киев: Наукова думка, 1980. — С. 168–183.
- Кожин П. М. Новые материалы сарматского времени на юге Тюменской области // МИА. — 1972. — № 153. — С. 79–86.
- Корякова Л. Н. Ансамбль некрополя саргатской культуры // ВАУ. — 1977. — Вып. 14. — С. 134–152.
- Корякова Л. Н. Хронология погребений саргатской культуры // ВАУ. — 1981. — Вып. 15. — С. 103–109.
- Корякова Л. Н. Из истории изучения саргатской культуры // ВАУ. — 1982. — Вып. 16. — С. 113–125.
- Корякова Л. Н. Поселения саргатской культуры // ВАУ. — 1984. — Вып. 17. — С. 61–79.
- Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. — Свердловск: Урал. ун-т, 1988. — 239 с.
- Корякова Л. Н. Саргатская культура или общность? // Проблемы изучения саргатской культуры. — Омск: Омск. ун-т, 1991. — С. 3–7.
- Корякова Л. Н., Морозов В. М., Суханова Т. Ю. Поселение Ипкуль XV — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: Урал. ун-т, 1988. — С. 117–128.
- Корякова Л. Н., Погодин Л. И., Труфанов А. Я. К вопросу о связях населения лесостепи Западной Сибири в эпоху бронзы — раннего железного века // Проблемы археологии Степной Евразии. — Кемерово: Кемеров. ун-т, 1987. — Ч. 2. — С. 42–46.
- Корякова Л. Н., Попова С. М. К вопросу о сравнении саргатской и савромато-сарматской культур // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск: Челяб. ун-т, 1987. — С. 37–45.
- Корякова Л. Н., Сергеев А. С. Географический аспект хозяйственной деятельности населения саргатской культуры // Проблемы урало-сибирской археологии. — Свердловск: Урал. ун-т, 1986. — С. 90–98.
- Корякова Л. Н., Сергеев А. С. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. — Свердловск: Урал. отд-ние АН СССР, 1989. — С. 165–175.
- Корякова Л. Н., Стефанов В. И. Городище Инберень IV на Иртыше // СА. — 1981. — № 2. — С. 178–196.
- Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. — М.: Наука, 1984. — 248 с.
- Косинцев П. А. Особенности хозяйства восточного склона Урала в раннем железном веке // ВАУ. — 1986. — Вып. 18. — С. 79–89.
- Косинцев П. А., Ражеев Д. И., Матвеева Н. П. Особенности состава стада на поселениях разного типа // Актуальные проблемы методики западно-сибирской археологии. — Новосибирск: ИИФ СО АН СССР. — 1989. — С. 142–146.
- Крупнов Е. М. Новые данные по археологии Северного Кавказа // СА. — 1958. — № 3. — С. 97–110.
- Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. — Новосибирск: Наука, 1991. — 200 с.
- Кулемзин А. М. Тагарские наконечники стрел // ИЛАИ. — 1976. — Вып. 7. — С. 30–41.
- Лебедев Г. С. Отражение социальной структуры в археологических материалах // Философия, история, современность. — Л.: Наука, 1973. — С. 55–63.
- Левашова В. П. Предварительные сообщения об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея в 1926–1927 гг. / Изв. Западно-Сибирского музея. — Омск, 1928. — № 1. — С. 159–160.
- Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. — 1965. — Вып. Д. 1–31. — 112 с.

- Литеинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. — М.: Наука, 1975. — 221 с.
- Литеинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. — М.: Наука, 1978. — 254 с.
- Максименко В. Е., Безуглов С. И. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // СА. — 1987. — № 7. — С. 183—192.
- Максимова В. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И. и др. Древности Чардары. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. — 263 с.
- Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию // МИА. — 1966. — № 136. — 232 с.
- Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. — Л.: Наука, 1975. — 228 с.
- Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. — Новосибирск: Наука, 1979. — 208 с.
- Мартынов А. И. Степи Евразии в истории человечества // Проблемы археологии Степной Евразии. — Кемерово: Кемеров. ун-т, 1987. — С. 3—8.
- Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Конец скифской эпохи в Южной Сибири. Шестаковская культура // Тез. докл. Всесоюз. арх. кон. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». — Кемерово: Кемеров. ун-т, 1979. — С. 33—35.
- Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. — Л.: Наука, 1976. — 192 с.
- Матвеев А. В. Ирменские поселения лесостепного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / ИИФ СО АН СССР. — Новосибирск: 1985. — 21 с.
- Матвеев А. В., Маслякова Н. Н. Известия о «бугровании» в Западной Сибири и проблема происхождения Сибирской коллекции Петра I // Проблемы изучения саргатской культуры. — Омск: Ом. ун-т, 1991. — С. 37—41.
- Матвеев А. В., Матвеева Н. П. Исследования в междуречье Тобола и Исети // АО 1982. — М.: Наука, 1984. — С. 219—220.
- Матвеев А. В., Матвеева Н. П. Бронзовый котел из Савиновского могильника // СА. — 1988. — № 1. — С. 241—244.
- Матвеев А. В., Сидоров Е. А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. — Тюмень: Тюмен. ун-т, 1985. — С. 29—54.
- Матвеев А. В., Матвеева Н. П. Саргатский могильник у д. Тютрино (по раскопкам 1981 г.) // КСИА. — 1985. — Вып. 184. — С. 69—76.
- Матвеев А. В., Матвеева Н. П. Ювелирные изделия Тютринского могильника (к проблеме Сибирской коллекции Петра I) // Антропоморфные изображения. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 191—201.
- Матвеев А. В., Матвеева Н. П. Тютринский могильник // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. — Тюмень: Тюмен. ун-т, 1991. — С. 25—46.
- Матвеева Н. П. О хронологии саргатских могильников Среднего Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. — Тюмень: Тюмен. ун-т, 1985. — С. 69—81.
- Матвеева Н. П. О жертвенных камнях скифского времени из Зауралья // Скифская эпоха Алтая: — Барнаул: Алт. ун-т, 1986. — С. 88—90.
- Матвеева Н. П. Погребение знатного воина в Красногорском-1 могильнике // Военное дело древнего населения Средней Азии. — Новосибирск: Наука, 1987а. — С. 60—67.
- Матвеева Н. П. Ранний железный век Среднего Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / ИИФ СО АН СССР. — Новосибирск, 1987б. — 21 с.
- Матвеева Н. П. О скотоводстве саргатских племен лесостепного Приобья // Проблемы археологии Степной Евразии: В 2 т. — Кемерово: Кемеров. ун-т, 1987в. — С. 49—51.
- Матвеева Н. П. О периодизации саргатских поселений Среднего Приобья // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 65—73.
- Матвеева Н. П. Опыт реконструкции состава семьи у племен саргатской культуры // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. — Новосибирск: Новосиб. пед. ин-т, 1989а. — С. 46—51.
- Матвеева Н. П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западно-сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Тюмен. ун-т, 1989б. — С. 77—102.
- Матвеева Н. П. К этнокультурной истории Западной Сибири в раннем железном веке // Sessiones Sectionum 9 Dissertationes Historicae, archaeologicae et anthropologicae: Congressus septimus internationalis fennougristarum. — Debrecen, 1990. — N 6. — P. 19—24.
- Матвеева Н. П. К вопросу о датировке саргатской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. — Барнаул: Алт. ун-т, 1991а. — С. 138—140.
- Матвеева Н. П. О гороховской культуре в Зауралье // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: Тез. конф. — Уфа: Башк. ун-т, 1991б. — С. 85—89.
- Матвеева Н. П. О погребальном обряде саргатских могильников Приишимья // Проблемы изучения саргатской культуры. — Омск: Ом. ун-т, 1991в. — С. 16—20.
- Матвеева Н. П., Буслова М. А. О половозрастной дифференциации у племен саргатской культуры // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. — Тобольск: Тобол. пед. ин-т, 1988. — С. 42—51.
- Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. — 1974. — Ч. 4. — 196 с. — (Из истории Сибири, вып. 12).

- Матющенко В. И. Об отношении саргатского населения к так называемому скифо-сибирскому культурно-историческому единству // Проблемы изучения саргатской культуры. — Омск: Ом. ун-т, 1991. — С. 14—16.
- Марков Г. Е. Кочевники Азии. — М.: Изд-во МГУ, 1976. — 319 с.
- Миняев С. С. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири. — Барнаул: Алт. ун-т, 1983. — С. 47—63.
- Могильников В. А. Особенности культуры и основные проблемы изучения раннего железного века лесостепного Прииртышья // V Урал. археол. совещание: Тез. докл. и сообщ. — Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1967. — С. 65—67.
- Могильников В. А. Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка II // КСИА. — 1968. — Вып. 114. — С. 94—98.
- Могильников В. А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. — С. 172—190.
- Могильников В. А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в I тыс. н. э. // АЗБ. — 1971. — Т. 4. — С. 151—157.
- Могильников В. А. Коконевские и саргатские курганы — памятники племен лесостепи Западной Сибири // МИА. — 1972а. — № 153. — С. 119—135.
- Могильников В. А. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории ургов. — М.: Наука, 1972б. — С. 66—86.
- Могильников В. А. К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа // Из истории Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973а. — Вып. 7. — С. 175—189.
- Могильников В. А. Калачевка II — памятник позднего этапа саргатской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. — М. Наука, 1973б. — С. 239—247.
- Могильников В. А. Некоторые аспекты хозяйства племен лесостепи Западной Сибири эпохи раннего железа // Из истории Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. — Вып. 21. — С. 175—185.
- Могильников В. А. Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // ВАУ. — 1981. — Вып. 15. — С. 100—103.
- Могильников В. А. Особенности этнокультурного развития населения лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. — С. 105—106.
- Могильников В. А. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. — С. 77—90.
- Могильников В. А. Взаимоотношение кулайской и саргатской культур // КСИА. — 1986. — Вып. 186. — С. 25—29.
- Могильников В. А. Некоторые проблемы изучения саргатской культуры // Проблемы изучения саргатской культуры. — Омск: Ом. ун-т, 1991. — С. 8—14.
- Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень II» по раскопкам 1976 г. // СА. — 1982. — № 2. — С. 113—134.
- Мозолевский Б. И. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.) // Скифия и Кавказ — Киев: Наукова думка, 1980. — С. 70—154.
- Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск: Наука, 1985. — 200 с.
- Молодин В. И., Елагин В. С. Поселение первой половины I тыс. н. э. в лесостепной Барабе // Археология эпохи камня и металла Сибири. — Новосибирск: Наука, 1983. — С. 56—61.
- Молодин В. И., Колонцов С. В. Туруновка-4 — памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1984. — С. 69—86.
- Молодин В. И., Чикишева Т. А. Погребение воина IV—V вв. н. э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 161—179.
- Моруженко А. А. Оборонительные сооружения городищ Повороскля в скифскую эпоху // Скифский мир. — Киев: Наукова думка, 1975. — С. 133—146.
- Мошинская В. И. Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ. — 1965. — Вып. Д. 3—8. — 88 с.
- Мошинская В. И. Племена лесостепной и лесной полосы Западной Сибири в I тыс. до н. э. // История Сибири. — Л.: Наука, 1968. — Т. 1. — С. 233—242.
- Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. — М.: Наука, 1963. — Вып. Д1—10. — 56 с.
- Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской культуры. — М.: Наука, 1974. — 52 с.
- Мошкова М. Г., Генинг В. Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // МИА. — 1972. — № 153. — С. 87—118.
- Мошкова М. Г., Кушаев Г. В. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. — М.: Наука, 1973. — С. 258—268.
- Мурзин Ю. В. Погребальный обряд степных скифов в VII—V вв. до н. э. // Древности степной Скифии. — Киев: Наукова думка, 1982. — С. 47—64.

- Обельченко О. В. Лявандакский могильник // История материальной культуры Узбекистана. — Ташкент: Наука УзССР, 1961. — Вып. 2. — С. 97-176.
- Неразник Е. Е. Поселения и жилища Хорезма как источник для исследования семьи в I—XIV вв. н. э. // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1978. — С. 5-26.
- Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. — СПб: [Б.м.], 1786. — Ч. 2. — 571 с.
- Парович-Пешкан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. — Киев: Наукова думка, 1974. — 220 с.
- Петренко В. А. Об одной из разновидностей сарматской культовой посуды на Среднем Тереке // СА. — 1980. — № 1. — С. 275-283.
- Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. // САИ. — 1978. — Вып. Д4-5. — 144 с.
- Полосьмак Н. В. Саргатские курганы у г. Куйбышева // Проблемы западно-сибирской археологии (эпоха железа). — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 69-83.
- Полосьмак Н. В. К вопросу о нижней дате саргатской культуры // Проблемы археологии и этнографии Сибири. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. — С. 107-108.
- Полосьмак Н. В. Культурная принадлежность гороховской группы памятников // КСИА. — М., 1986. — Вып. 186. — С. 29-33.
- Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. — Новосибирск: Наука, 1987. — 144 с.
- Полосьмак Н. В., Гребнев И. Е. Особенности естественно-географической среды и хозяйственная деятельность населения Барабы в раннем железном веке // Палеоэкономика Сибири. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 74-79.
- Полосьмак Н. В., Молодин В. И. Новые находки предметов вооружения раннего железного века из Барабинской лесостепи // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 74-86.
- Погодин Л. И. К характеристике погребального обряда саргатской культуры // Источники и историография. Археология и история. — Омск: Ом. ун-т, 1988. — С. 27-38.
- Потемкина Т. М. Раскопки у с. Раскатиха на р. Тобол // Из истории Южного Урала и Зауралья. — Челябинск: Урал. кн. изд-во, 1969. — Вып. 4. — С. 5-14.
- Потемкина Т. М. Разложение первобытно-общинного строя и возникновение классового общества // История родного края. — Челябинск: Урал. кн. изд-во, 1975. — С. 7-11.
- Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Приоболья. — М.: Наука, 1985. — 376 с.
- Природные условия центральной части Западно-Сибирской равнины / Под ред. Г. В. Добровольского, Е. М. Сергеева и А. С. Герасимовой. — М.: Изд-во МГУ, 1977. — 216 с.
- Пуреев Д. Солнце, пространство и жилище. — Элиста: Калмыздат, 1970. — 74 с.
- Радлов В. В. Сибирские древности // Материалы по археологии России. СПб.: Изд-во ИАК, 1891. — № 5. — Т. 1, вып. 2. — 52 с. + 14 табл.; с. 40-80, прил. с. 20-52.
- Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 490 с.
- Руденко С. И. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962а. — 206 с.
- Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. — 1962б. — Вып. Д3-9. — 79 с.
- Рунион Р. Справочник по непараметрической статистике. — М.: Финансы и статистика, 1982. — 200 с.
- Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. // САИ. — Л.: Наука, 1981. — Вып. К1-60. — 124 с.
- Савинов Д. Г., Полосьмак Н. В. Новые материалы по эпохам бронзы и раннего железа в Центральной Барабе // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. — Новосибирск: Наука, 1985. — С. 75-102.
- Сальников К. В. Три года работы на городище Чудаки // КСИИМК. — 1940. — Вып. 5. — С. 69-71.
- Сальников К. В. Городище Чудаки Челябинской области (по раскопкам 1937 г.) // СА. — 1947. — № 9. — С. 221-238.
- Сальников К. В. Хорезмская тамга в Зауралье // Тр. Хорез. археолого-этнографической экспедиции. — М.: Наука, 1952. Т. 1. — С. 193-196.
- Сальников К. В. Кельты Зауралья и Южного Урала // МИА. — 1965. — № 130. — С. 160-164.
- Сальников К. В. Состав населения лесостепного Зауралья в сарматское время // СЭ. — 1966. — № 5. — С. 118-124.
- Сальников К. В. Очерк древней истории Южного Урала. — М.: Наука, 1967. — 408 с.
- Сараниди В. И. Афганистан: сокровища безымянных царей. — М.: Наука, 1983. — 159 с.
- Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. — Л.: Наука, 1983. — 256 с.
- Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. — 1959. — № 60. — С. 39-205.
- Словцов И. Я. Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии // Изв. имп. Том. ун-та, — Томск, 1980. — К. 2, отд. II. — С. 76-97.
- Смирнов К. Ф. О погребениях роксолан // ВДИ. — 1948. — № 1. — С. 80-96.
- Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА. — 1961. — № 101. — 164 с.
- Смирнов К. Ф. Савроматы. — М.: Наука, 1964. — 397 с.
- Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. — М. Наука, 1973. — С. 166-179.

- Смирнов К. А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. — М.: Наука, 1974. — С. 7—89.
- Смирнов К. Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М.: Наука, 1976а. — С. 74—89.
- Смирнов К. Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. — Уфа: Башкир. филиал АН СССР, 1977. — С. 3—51.
- Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. — М.: Наука, 1976б. — 176 с.
- Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. — М.: Наука, 1984. — 184 с.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. — 1963. — Вып. Д1—9. — 70 с.
- Смирнов Н. Г. Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья // ВАУ. — 1975. — Вып. 13. — С. 32—41.
- Соколова З. П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угуров // ТИЭ. Нов. сер. — 1963. — Т. 84. — С. 188—210.
- Соколова З. П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп обских угуров // Этногенез и этническая история народов Севера. — М.: Наука, 1975. — С. 188—210.
- Сокольский Н. И. Боспорские мечи // МИА. — 1954. — № 33. — С. 123—196.
- Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. — 1956. — Вып. 64. — С. 9—16.
- Сорокин С. С. Погребения эпохи переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. — 1977. — Вып. 18. — С. 57—65.
- Стоянов В. Е. Узловское поселение // ВАУ. — Свердловск, 1969а. — Вып. 8. — С. 65—90.
- Стоянов В. Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. — 1969б. — Вып. 119. — С. 52—61.
- Стоянов В. Е. Классификация и периодизация западно-сибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. — Томск: Том. ун-т, 1970. — С. 238—253.
- Стоянов В. Е. О могильниках зауральско-западносибирской лесостепи // ВАУ. — 1973. — Вып. 12. — С. 44—57.
- Стоянов В. Е. Некоторые аспекты социально-экономической организации населения зауральско-западносибирской лесостепи (ранний железный век) // ВАУ. — 1977. — Вып. 14. — С. 152—159.
- Стоянов В. Е., Фролов В. Н. Курганные могильники у д. Воробьево // ВАУ. — 1964. — Вып. 6. — С. 53—88.
- Стоянов В. Е., Ширяев А. Г. Селище Речкино-1 // ВАУ. — 1964. — Вып. 6. — С. 72—86.
- Таксами И. М. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалин // ТИЭ АН СССР. Нов. сер. — 1961. — Т. 64. — С. 98—166.
- Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. — 1953. — № 35. — С. 242—357.
- Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. — 1960. — № 90. — С. 5—115.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — 327 с.
- Троицкая Т. Н. Новосибирское Приобье в VII—IV вв. до н. э. // Вопросы археологии Сибири. — Новосибирск: Новосиб. пед. ин-т, 1972. — С. 3—35. — (Науч. тр. НГПИ; Вып. 38).
- Троицкая Т. Н. Курганный могильник Ордынское-7 // Науч. тр. НГПИ; Вып. 38. — Новосибирск: Новосиб. пед. ин-т, 1973. — С. 85—98.
- Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск: Наука, 1979. — 128 с.
- Троицкая Т. Н. Могильник Быстровка-1 как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. — Новосибирск: Новосиб. пед. ин-т, 1983. — С. 31—50.
- Троицкая Т. Н. Пережитки матриархата в религиозных воззрениях племен большереченской культуры // Скифо-сибирский мир: Тез. докл. — Кемерово: Кемеров. ун-т, 1984. — С. 69—70.
- Троицкая Т. Н., Галибин В. А. Результаты количественного спектрального анализа предметов эпохи раннего железа Новосибирского Приобья // Древние горняки и металлургия Сибири. — Барнаул: Алт. ун-т, 1983. — С. 35—47.
- Труфанов А. Я. К вопросу о происхождении саргатской культуры // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. — Омск: Ом. ун-т, 1986. — С. 55—64.
- Труфанов А. Я. Саргатская орнаментика в аспекте генезиса культуры // Проблемы изучения саргатской культуры. — Омск: Ом. ун-т, 1991. — С. 24—27.
- Хабдулина М. К. Памятники раннего железного века Северо-Казахстанского Приишимья и их Урало-Сибирские параллели // Этнокультурные связи населения Урала, Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. — Уфа: Башкир. филиал АН СССР. — 1976. — С. 16—17.
- Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. — 1963. — № 9. — С. 58—71.

- Хазанов А. М. Материнский род у сарматов // ВДИ. — 1970. — № 2. — С. 138—148.
- Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. — М.: Наука, 1971. — 172 с.
- Хазанов А. М. Социальная история скифов. — М.: Наука, 1975. — 344 с.
- Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII—VI вв. до н. э. — М.: Наука, 1977. — 264 с.
- Халикова Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. — 1976а. — № 3. — С. 141—156.
- Халикова Е. А. Зауральские истоки культуры протовенгров // Этнокультурные связи Приуралья и Прикамья, Сибири со Средней Азией: Тез. докл. — Уфа: Башкир. филиал АН СССР, 1976б. — С. 52—53.
- Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. — М.: Наука, 1966. — 166 с.
- Чайлд Г. Прогресс и археология. — М.: Гос. изд-во иностр. лит-ры, 1949. — 195 с.
- Чернецов В. Н. Опыт типологии западно-сибирских кельтов // КСИИМК. — 1947. — № 16. — С. 65—78.
- Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. — 1953. — № 35. — С. 221—241.
- Черников С. С. Загадка Золотого кургана. — М.: Наука, 1965. — 189 с.
- Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. — М.: Наука, 1970. — 180 с.
- Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. — 256 с.
- Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. — М.: Наука, 1972. — 352 с.
- Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // МИА. — 1959. — № 60. — С. 323—523.
- Шкурко А. И. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // СА. — 1969. — № 1. — С. 31—39.
- Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Зап. Геогр. об-ва СССР. — 1957. — Т. 16. — 337 с.
- Эрднеев У. Э. Калмыки (конец XIX — начало XX в.). Историко-этнографические очерки. — Элиста: Калмиздат, 1970. — 307 с.
- Ягодин Б. Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия. — М.: Наука, 1984. — Вып. 3. — С. 33—58.
- Yans Olov. Note sur quelques epees anciennes trouvee en chin // The Museum of far Eastern antiquities. — Syokholm, 1930. — Bul. 2. — P. 67—117.
- Takats Z. Catalaunicher Hunnenfund und seine Ostasiatischen Verbindungen // Acta orientalia. — Budapest, 1955. — Т. 5, vol. 1/2. — 56 s.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ САРГАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИТОБОЛЬСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ	
Саргатские могильники на Среднем Тоболе	7
Савиновский могильник	10
Искровский могильник	27
Могильник Суерка-1	30
Могильник Красногорский-1	30
Могильник Красногорский-2	40
Могильник Красногорский Борок	42
Ольховский могильник	47
Рафайловский могильник	48
Грунтовое погребение на Рафайловском городище	50
Тютринский могильник	50
Саргатские поселения в Среднем Притоболье	57
Рафайловское городище	68
Рафайловский Остров	77
Ингалинка-1	80
Бочанцево-1	84
Верх. Ингальский Борок-1	87
Коловское городище	87
Керамика и инвентарь саргатских памятников лесостепного Притоболья	90
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ САРГАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ	
Основные жизнеобеспечивающие отрасли экономики	116
Домостроительство	124
Погребальный обряд	134
Социальная организация	141
Проблемы периодизации и хронологии саргатских памятников лесостепного При- тоболья	150
Саргатская культура и ее соседи	156
Заключение	163
Список сокращений	165
Список литературы	166